

№ 3 (73). 2026

Берега

Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Союза писателей России

НАШИ НАГРАДЫ

2015 г.

Союзное государство

Премия «Россия – Беларусь.
Шаг в будущее» – 2015 г.

2016 г.

2017 г.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
«ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ»

Премии: Серебряное перо – 2015 г., Золотое перо – 2016 г.

Памятная медаль
«ПОЭТ И ВОИН
ИГОРЬ ГРИГОРЬЕВ
(1923–1996)», 2023 г.

Золотой диплом Международного славянского форума
«Золотой Витязь», 2020 г.

Медаль имени первопечатника Ивана Фёдорова, 2020 г.
Золотая медаль в номинации «Россия и мир»
конкурса «Патриот России», 2020 г.

Журнал выходит при поддержке Союза писателей России

Октябрь 2026 № 3 (73)
Калининград

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко,
секретарь Союза писателей России
Телефон: +79118630467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционный совет:

Александр Карлюкевич – председатель Союза писателей Республики Беларусь
Вадим Терёхин – сопредседатель Союза писателей России
Григорий Блехман – секретарь Союза писателей России
Вячеслав Лютый – секретарь Союза писателей России
Александр Герасимов – прозаик, публицист, драматург
Татьяна Грибанова – член Союза писателей России
Игорь Ерофеев – член Союза писателей России
Василий Киляков – член Союза писателей России
Римма Лютая – прозаик, публицист, переводчик
Александр Орлов – поэт, прозаик, историк, директор Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь»
Светлана Савицкая – член Союза писателей России, учредитель Национальной литературной премии «Золотое перо Руси»
Геннадий Сазонов – член Союза писателей России
Александр Сидоров – президент Международной академии русской словесности в Австралии (МАРС), председатель Австралийского отделения СПР
Наталья Советная – член Союза писателей России и Союза писателей Беларуси
Валерий Старжинский – доктор философских наук, писатель
Сухейль Фарах – доктор философских наук, писатель
Станислав Федотов – член Союза писателей России

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.

Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39–00302 от 24 сентября 2014 г.
Адрес редакции, издателя: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50
Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна,
адрес: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50.

Цена свободная
Издание предназначено для лиц от 12 +

Дизайн обложки – Анна Степанова
Фото на обложке Валентины Архиповской
Вёрстка – Елена Балантаева
Корректурa – Валентина Куртяк

Дата выхода номера в свет: 14 октября 2026. Тираж: 18 экз. Заказ № 2306.
Отпечатано в ФГУП «И и Т газеты “Страж Балтики” Минобороны России»
г. Калининград, ул. С. Тюленина, 15, тел. 53-17-05.

При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега»-Калининград обязательна.

Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов, может не разделять
точку зрения опубликованных авторов. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»-Калининград

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи принимаются документом Word (шрифт – Times New Roman, кегль 11, межстрочный интервал – 1). Текст не подчёркивать, не форматировать, не набирать какие-либо слова отдельно большими (прописными) буквами, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста – краткие сведения об авторе, электронный адрес, почтовый и телефон, фото автора. Мы уважаем все буквы алфавита, в том числе букву Ё. Тексты, где игнорируется буква Ё, не рассматриваются. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

Берега актуальности

Александр Субетто. Ноосферно-социалистический прорыв из России в XXI веке – «Слово» русского народа (по книге «Ноосферный социализм – разумное будущее России и человечества», 2026)	5
---	---

Берега прозы

Василий Киляков. Вкус охоты. <i>Рассказ</i>	9
Марианна Озолина. В океане воспоминаний. Записала и обработала Ираида Кельмелене. Литературное оформление – Майя Голубева. <i>Мемуары. Продолжение. Начало в № 2(72)-2026</i>	12
Евгений Чебакин. Скотовозки от Иегуды. <i>Глава из романа «Безымянный зверь»</i>	22
Елена Крюкова. Революция. <i>Глава из романа</i>	27
Сергей Телевной. Вне зоны СВО. <i>Главы из романа</i>	36
Владимир Вдовиченко. Телевизионный дебют с космонавтом. <i>Рассказ</i>	44

Берега поэзии

Александр Орлов. «За тобой я ходил...» <i>Стихи</i>	49
Наталья Егорова. Прадед. <i>Стихи</i>	52
Олег Мошников. Вокруг света. <i>Стихи</i>	55
Валерий Куликов. «Мелодия судьбы становится ясней...» <i>Стихи</i>	58
Ираида Кельмелене. Размышления. <i>Стихи</i>	60
Марина Рощина. Пусть жизнь сыграет снова... <i>Стихи</i>	62
Михаил Кулеш. Потоп. <i>Стихи</i>	64
Наталья Швецова (Адлер). Стихотворения	67
Анатолий Мартынов. Венок сонетов	70

Берега юбилеев

Андрей Чернов. Книга светлой веры в русскую Победу. <i>К 20-летнему юбилею альманаха «Крылья»</i>	73
Наталья Советная. Взлетающий в небеса. <i>Очерк. К юбилею</i>	75
Владимир Спектор. Под небом памяти моей. <i>Стихи. К 75-летию</i>	78
Михаил Поленок. Золушка. <i>Рассказ. К 75-летию</i>	80
Григорий Блехман. Крикну я... Но разве кто поможет... <i>К 140-летию со дня рождения Николая Гумилёва. Часть 2. Начало в № 2-2026</i>	83

Берега Янтарного края.

К 80-летию Калининградской области

Л. В. Довыденко, М. В. Дробиз, М. С. Шевня. Музей геодезии и картографии Балтийского АГП. <i>Часть 1</i>	97
Николай Жуков. Делегат Балтики. <i>Отрывок из воспоминания сорок лет спустя. Журнальный вариант</i>	104

Берега Года единения народов	
Светлана Глембоцкая. В центре Европы – мирные лиры. <i>Стихи</i>	114
Берега Памяти	
Иван Привалов. На пределе. <i>Рассказ</i>	117
Берега Новороссии	
Кристина Денисенко. Непрошенный снег. <i>Стихи</i>	119
Владимир Карагодин. Обмануть меня не трудно: украинская культура в контексте мировой геополитики	122
Берега культуры и искусства	
Талал Дарджани. Философия оплодотворения театрального спектакля. <i>Ознакомительное резюме</i>	128
Зин Бен Отман. История алжирской музыки: от древнейших корней до современного звучания	131
Ольга Горбунова. Проект «Ангельский пояс России»	145
Никола Р. Казански. Царь знает много, князь одно – но важное... <i>Житейская философия князя Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского</i>	147
Берега Туркменистана	
Современные поэты Туркменистана в переводе Андрея Новикова	
Мукам Бекгылыджов. Обида	150
Акджагуль Аллабердиева. Оставь меня	151
Зулейха Гулова. Туркменский ковёр	152
Мамметгурбан Мамметгурбанов. Для тебя	153
Берега прочтения	
Галина Капецкая. Главный редактор трёх журналов. <i>О Наталье Евгеньевне Слядневой</i>	154
Сергей Прасолов. «И что любил, не разлюблю теперь». <i>О поэзии Владимира Спектора</i>	158
Наталья Дутко. Архаика мифа и апокалипсис истории в «Безымянном звере» Евгения Чебакина	162
Лидия Довыденко. Отличить подлинное от фальшивого. <i>О книге Михаила Поленка «Распутье». Калининград, 2026</i>	166
Наши друзья	
О приобретении журнала	168

Берега актуальности

Александр Субетто

Первый вице-президент Петровской академии наук и искусств, почётный президент Ноосферной академии наук, председатель Философского Совета Русского Космического Общества, член Центрального Совета ООО «Российские учёные социалистической ориентации», заслуженный деятель науки РФ, полковник Космических войск в отставке (служба в ВС СССР: 1954–1992), военный строитель космодрома Плесецк (1959–1969).

НООСФЕРНО- СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ПРОРЫВ ИЗ РОССИИ В XXI ВЕКЕ – «СЛОВО» РУССКОГО НАРОДА

(по книге «Ноосферный социализм –
разумное будущее России и человечества»)

1

Когда началась Специальная военная операция, я, откликаясь на Зов Истории к Русскому Духовному Возрождению, написал и опубликовал в марте 2022 года научно-философское эссе «Мы – русские, какой восторг!». В этом эссе я, следуя правде русской истории, написал такие слова (с. 46, 47, 50):

«Что такое русская духовность?

– Это духовное измерение русского человека и русского народа, это его духовный лик перед другими народами мира, это историческое самосознание русского народа, его ценностный геном, представленный ценностями Правды, Любви, Кооперации, Соборности или Коллективизма, Служения Общему Делу, которое, как писал В. Н. Сагатовский в середине 90-х годов, есть становление Ноосферы.

Быть русским, повторю эту мысль Ф. М. Достоевского, – значит быть братом всем людям на Земле, представителям всех народов и национальностей, быть “всечеловеком”.

<...> “Слово” русского народа и русского человека в XXI веке – это ноосферно-социалистический прорыв, который начнётся в России и захватит весь мир!

Мы переживаем агонию всей системы глобального империализма, агонию Запада...

Внимание! Поднимается русский народ на великое историческое свершение, которого взыскует весь XXI век!

– Это свершение – переход человечества к ноосферному социализму!

“Русофобия”, которая стала основой информационной войны стран Западной Европы и США против России, только ещё раз подчёркивает, что расизм, разжигаемый мировой финансовой капиталократией, и возрождающийся на его почве фашизм, в том числе поддерживаемый на Украине бандеровский нацизм и русофобствующий украинский национализм, – это, с одной стороны, продолжение стратегии Гитлера, направленной на уничтожение российской цивилизации и русского народа, а с другой стороны, – выражение процесса саморазрушения всей этой системы (моё добавление: как онтологической лжи или лжи истории) – системы глобального империализма.

Наступает Эпоха Ренессанса России!

“Мы русские, какой восторг!”

<...> Русский Прорыв человечества к Социализму был проявлением Закона Развития российской цивилизации как коллективного и системного проявления действия её специфических законов, связанных с высокой энергоёмкостью воспроизводства и с онтологическим отрицанием капитализма, потому что капитализм для России и русского народа сразу означал их экономическую колонизацию

Западом, их гибель. Российский либерализм, как в начале XX века, так и на рубеже XX и XXI веков, не понимал этого, оставался и продолжает оставаться идеологией экономической колонизации Западом России.

На Противостояние Запада и России на рубеже XX и XXI веков наложилось Противостояние Природы Западу, всей системе мирового капитализма, превративших всю мировую рыночно-капиталистическую систему, т.е. строй мировой финансовой капиталократии, как его “лики”, – систему глобального империализма и экономического колониализма, – в систему экологического самоубийства человечества.

Теперь снова Всемирная История выдвигает на передний план “Слово Русской Истории” – как Русский Прорыв человечества к Ноосферному Экологическому Духовному Социализму или к Ноосферизму как Новому Пути Развития человечества на Земле...»

Из этого цитирования обширного отрывка из моего эссе «Мы русские – какой восторг!», которое повторяет в своём названии восклицание величайшего русского военного гения, генералиссимуса Александра Васильевича Суворова, следует, что **русское самосознание, русский боевой дух, патриотизм, миссия русского народа – спланировать все народы России в единый и непобедимый союз ради великого, по моему убеждению, ноосферно-социалистического Будущего России, и антикоммунизм, который хотят незаметно внедрить некоторые так называемые «эксперты», часто идентифицирующие себя с «русскими патриотами» и не понимающие, что их антикоммунизм – это один из «фокусов» манифеста русофобии Аллена Даллеса, – есть вещи несовместимые.**

Гордость за советскую историю, за подвиги советского народа, которые материализовались в целой армии Героев Советского Союза и Героев Социалистического Труда, за Великую Победу Союза Советских Социалистических Республик, Советского Социализма, над гитлеровской, фашистской Германией, возвысивших Дух советского народа на такую высоту героизма, самоотдачи и самопожертвования, которой не знала всемирная история (я доказательству этого утверждения посвятил специальную книгу – научно-философско-историческую монографию «Сталин и Победа в Великой Отечественной войне – символы высоты духа советской цивилизации», 2019 г., 208 с.), за взлёт науки, образования, культуры, искусства, литературы, в том числе киноискусства, в советскую эпоху, за возвышение человека труда на невиданную высоту общественного признания, с полным изгнанием безработицы из жизни советского общества, за социалистическую дружбу народов – новый тип братства народов в СССР, за тот идеал великого будущего, который придавал системе советского воспитания невиданную мощь духовного возвышения молодого поколения в СССР, – должна стать основой самосознания каждого человека в России и важным фактором будущей Победы в той войне, которую Запад де-факто уже давно ведёт против России.

А Россия обречена на Победу в этой войне, потому что гибель России как евразийской цивилизации, центра устойчивости / неустойчивости мира (в моём определении), если этот процесс Запад сумеет запустить (к чему он рвётся уже более века), станет гибелью всего человечества. Будущее России, которое становится Ноосферным Будущим, определяет и Будущее всего Человечества! Я этот прогноз-предупреждение опубликовал 35 лет назад и продолжаю его утверждать!

Ноосферно-социалистический прорыв из России в начале XXI века на теоретическом, научно-философском поле уже начался и развивается, и перевод его в стратегию её развития как государства-цивилизации – это императив Победы в той войне, которую ведёт Запад против нас, и в первую очередь – в идеологической, ценностно-духовной войне!

Те из российской интеллигенции, и тем более из сообщества философов и социологов, кто занял позиции антисоветизма и антикоммунизма, купаются в онтологической лжи или лжи истории, рупорами которой являются либерализм, разные формы буржуазной апологетики, в том числе фашизм, как радикальная, расистско-националистическая апологетика капиталорасизма; боятся той сложности, которую уже предъявила как императив экологического выживания человечества на Земле первая фаза Глобальной Экологической Катастрофы, как действующий Экологический Приговор

всей рыночно-капиталистической системе хозяйственного природопотребления (и, соответственно, человекопотребления).

В концептуальной работе, представленной в виде отдельной книги в 2022 году, «СССР в XX веке – Предтеча Ноосферного Прорыва человечества из России в XXI веке (переход социалистической человеческой революции в ноосферную человеческую революцию, или Роды Действительного Разума – императив выживания человечества на Земле)», я указывал на необходимость следующего теоретического осознания новой, ноосферной миссии социализма / коммунизма: она ставит необходимость развития того опыта истории социализма в СССР, в котором запечатлена незавершённая социалистическая человеческая революция и который требует её развития, и это неуклонное движение приобретает содержание ноосферной человеческой революции; а она, в свою очередь, требует в России системы ноосферного образования и воспитания и перехода российского общества в статус научно-образовательного общества.

В этой работе я отмечал необходимость осознания следующего теоретического положения (с. 25):

«...признак коммунизма в формулировке Маркса (моё замечание: который я обсуждал выше как третий признак коммунизма, по К. Марксу) – “действительное разрешение противоречия между человеком и природой” – получает в XXI веке ноосферное развитие и содержание, превращается в миссию ноосферной человеческой революции.

В конце XX века, на фоне “Большого Энергетического Взрыва” (мой комментарий: скачок в энергетической мощи в воздействии мирового хозяйства на живое вещество и гомеостатические механизмы Биосферы и планеты Земля в десять миллионов раз – в моём определении; я это понятие ввёл в теоретический комплекс Ноосферизма в 2001 году) и входа человечества в первую фазу Глобальной Экологической Катастрофы, “действительное разрешение противоречий между человеком и природой” означает переход человечества к своей истории невиданного качества, выходящей за границу собственно социальной истории и приобретающей содержание, повторяю ещё раз, управляемой социоприродной эволюции, которую можно назвать и ноосферной историей...

<...> Разработанный теоретический комплекс Ноосферизма (издано 10 томов моих “Сочинений” под общим названием “Ноосферизм”, 16 книг) мною рассматривается как ноосферный этап развития учения Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина, всего теоретического комплекса, получившего название марксизма-ленинизма, именно связанный с выходом на “Арену Истории” Большой Логике Социоприродной Эволюции...

<...> Известный советский философ-марксист **Ричард Иванович Косолапов** в статье “Формула Сталина” (Советская Россия. 2010 г. 21 декабря. С. 2, 3) так ёмко сказал об этой начавшей реализовываться, но не реализованной до конца ноосферной миссии, процесс которой был частью социалистической человеческой революции в СССР:

“Сталин, как и Ленин, во всей своей многогранности, дорастали до ноосферного уровня, однако после него рост был приостановлен. Человечество в лице ведомой им (мой комментарий: И. В. Сталиным) партии, советского рабочего класса, народа совершило прорыв – переход в ноосферу, но закрепить его и расширить мог своим натиском только мощный кадровый «второй эшелон», подготовить который Сталин и не сумел, и не успел. При колоссальном размахе во второй половине XX века научно-технической революции, качественно сказавшейся особенно заметно в развитии и совершенствовании массовых информационных технологий, то есть инструментария мыслящего мозга, – будто бы в насмешку над ним – произошёл пугающий интеллектуальный социально-нравственный спад (моё замечание: связанный с обуржуазиванием сознания советского человека под воздействием реформ Либермана–Косыгина в 60-х годах, когда прибыль, и материальные стимулы, и рост роли рыночных отношений стали занимать ведущее место). Задачу полноценного перехода в ноосферу не знаящая жалости ирония истории сдвинула на два-три поколения вперёд”» (конец цитирования).

Но теперь задача полноценного перехода в ноосферу, которую не выполнил СССР, вследствие незавершённости социалистической человеческой революции, в начале XXI века приобрела масштаб спасения человечества от экологической гибели через полное расставание с рыночно-капиталистической парадигмой своего бытия на Земле.

В развитие этого вывода приведу заключительное высказывание **Рады Никитичны Аджубей** из интервью, которое она дала немецкому журналисту Кристофу Бёкелю 24 июля 2000 года и которое было повторно опубликовано в 9-м номере журнала «Наука и жизнь» за 2016 год под знаковым названием «Отдать приказ о жизни или смерти планеты? Как это было тогда...». **В конце интервью, уже выступая от себя, а не отвечая на вопрос, Р. Н. Аджубей так сформулировала своё предупреждение, обращённое к людям на Земле (с. 28):**

«...Земля нуждается сегодня не в противостоянии людей, а в том, чтобы люди её защитили. Я так считаю, что главная проблема, которая сегодня стоит перед человечеством, – защита Земли... И боюсь, что человечество погибнет... погибнет из-за того, что не сможет найти то главное, что сегодня для него важнее всего. А важнее всего – найти решение, как защитить жизнь на Земле. Проблема эта всеобъемлющая, сюда и противостояние входит. Но ещё больше входит то, что мы сами своё основание разрушаем... это проблема проблем, а она отступает всё дальше на задний план, везде и всюду».

И решить эту «проблему проблем» в определении Рады Никитичны Аджубей (1929–2016), дочери Никиты Сергеевича Хрущёва, жены Алексея Ивановича Аджубея, главного редактора «Известий» в 60-х годах, долгие годы исполнявшей должность главного редактора журнала «Наука и жизнь», может только Ноосферный Экологический Духовный Социализм. Этот Социализм XXI века, поднимая Коллективный разум человечества на уровень научного управления Социо-Биосферной, т. е. Ноосферной, эволюцией, решит эту «проблему проблем» – проблему «защиты жизни на Земле»!

Так «Коммунизм Любви» Иисуса Христа, о котором писал в «Коммунизме Христа» Константин Клуге, приобретает планетарный масштаб в XXI веке, поскольку человеческий разум должен возвыситься до высоты разума, который с Любовью заботится о будущем всей Мегасистемы Жизни на Земле – Биосферы, и состояться, таким образом, как Ноосферный Разум, научно управляющий Социо-Биосферной эволюцией, – а это и означает, что он становится Ноосферным Экологическим Духовным Социализмом / Коммунизмом!

Берега прозы

Василий Киляков

Василий Васильевич Киляков – родился в 1960 году в Кирове. После окончания Московского политехникума работал мастером на заводе, служил в армии. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького (1996, мастерская М. П. Лобанова).

Публиковался в журналах «Берега», «День и ночь», «Гостинный Дворь», «Литературная учёба», «Наши современники», «Новый мир», «Огни Кузбасса», «Октябрь», «Подъём», «Юность», в газете «Литературная Россия» и других изданиях.

Лауреат Всероссийских литературных премий «Традиция» (1996), им. Б. Н. Полевого (1996), премий «Умное сердце» (2010), «Дойче Велле» (Берлин, 1992) и др. Обладатель «Бронзового Витязя» (2019) Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь». Лауреат Открытого конкурса изданий «Просвещение через книгу» Издательского совета РПЦ (2019).

Член Союза писателей России с 1996 года. Живёт в городе Электросталь Московской области.

ВКУС ОХОТЫ

Рассказ

Кто не любит охоты?

Впервые я почувствовал настоящий вкус охоты, когда вдвоём шли мы ночной порой по одной из многих рязанских дорог, шли долгое время сряду, не останавливаясь, не замедляя шагу, то и дело оскользаясь по грязи вдрызг раскисшими кирзачами.

Земля весенняя, как разомлевшая вдова, день ото дня пьянела от вешних вод; целовала подошвы наших сапог, так нам слышалось жирное чавканье жижи.

В обочинах и колеях лежал прошлогодний, невидимый глазу хворост, наступишь на него – и сам вздрогнешь: треск на всю округу.

Была весна, та особенная русская весна, когда всё окрест: и трава, и деревья, и даже, кажется, самые камни – всё сладко пробуждается, начинает дышать каждой порой, заражая воздух дурманным ароматом желаний.

На охоту! По тетерева! Кто не знает эту приятную тяжесть ружья. Даже и лёгкого. Всем существом своим ощущаю его налитую силу, стройность ствола за спиной, а ладонь ласково тискает холодную шейку патронника. Оружие, будто царский скипетр, даёт власть над всем живым, делает человека мужественней, бодрей, злей, круче характером. Так и хочется вскинуть вертикалку-двустволку, рвануть пальцами по куркам, чтобы грянул внезапно её громовой голос, ахнул, оглушил и кольцами, не вдруг умер вдали. Но перемагаю себя. Смиренно топчусь за моим вожакom Якимом. «Дай бог, с полем», – гвоздём сидит в голове.

Весь наш поход кажется мне здорово привлекательным. Мозглые нахлёсты ветра, крошечная темь – всё нипочём. Ступаю утороплённо, излишне твёрдо, точно слепой без поводыря, – такая тёмная дорога сквозь вырубку, что каждый шаг кажется последним. К пропасти. Промахнёшься ногой – и упадёт сердце; только кое-где в лужах, как в глазницах, стоит вода, стылая. Блестит. Тяжело и светло отражает светлеющее уже после непогоды в ночи небо.

Якима я давно не вижу, он словно умер в этом рязанском урочище, только едва-едва и мгновениями слышу. Завидую его расторопности и подозреваю, что и он потерялся, идёт без пути, без дороги, попросту дурачит меня.

Вдруг голос спереди приковывает к месту:

– Вот он, загон. Тут и быть...

Не удержался, с маху ткнулся в его шершавую тужурку.

Несколько дней отслеживал он пляски тетеревов, искал по озимым помёт этих, как он называет, «петухов», и вот соорудил это «нечто», этот «загон» – укрытие от дичи, связанное на живую руку убежище на расстоянии хорошего выстрела от токовища среди озимой луговины. Дно загачено лиственной опадью. Крыша же набрана так: с наветренной стороны наглухо, а с другой – настезь, напролёт, к звёздам.

Устроились, ждём. Сторожко, притаился Яким, а уже развиднело, и нет-нет да и крутнёт мой охотник головой, и блеснёт тогда перламутром его цыганский, точно у испуганного жеребца, глаз, выхваченный светом. Видно по нему, хоть и бывалая кость, а душа играет, не на месте...

Время умерло навек в этом глухом заповедном Мещерском краю, и вот уже одубели коленки и колет руки тысячами игл, но сладкое чувство, что сейчас, здесь, на этой открытой, как ладонь, луговине вот-вот должно свершиться какое-то простое и прелестное чудо – тетерева, заставляет сидеть как заворожённого.

Ясно проступает впереди опухшее болотце, сухие лесины о край него. Их уродливые сучья в небо. И всюду, без переходов, несётся оттуда, насыщая слух, бойкая жизнь пробудившихся птиц: строчит не переставая погремущка-сорока, тенькает зорянка, с грустным безнадёжеством окликает кого-то кукушка, обиженно урчат вяхири.

Ещё никому не удавалось перехватить ухом первый звук разбуженной жизни. Действительно, что это было? Крик ли петуха в далёкой караулке, шорох ли озимых? Шелест ли деревьев, чутких, как нервы земли? А может быть, стук моего собственного сердца? Да, да, конечно, стук на весь мир моего восторженного детского сердца!

Вдруг – вот оно: шум, свист, шёпот единым полным вздохом прокатился по окрестности. Яким направил мой взгляд на кровлю шалаша, и вижу: сквозь сетку сучьев сидит – рукой дотянуться – тетерев!

Так же как и у меня, занялся дух у сказочного Ивана из любимой многими сказки, когда заметил он Жар-птицу – золотое перо. И, верно, так же неожиданно являлись тетерева и в старые допотопные времена, нежданно-негаданно взмывали они вверх, заставляли этой своей неожиданностью и вихрем звуков терять сердце даже и самых бывалых, отчаянной храбрости егерей. И кто может поручиться, не шарахались ли от нашего безобидного «Терентия» кони под Тамерланом, Чингисханом, высокомерным Наполеоном.

Я смотрю восхищённо: мгновенье... протянул руку, весь напрягся как пружина, сейчас схвачу.

– Чу-у-фых, – сорвалось с кровли.

Потом ещё и ещё, бойко, строптиво, с соблюдением строгой очерёдности, будто бьёт в бубен, играет тетерев-косач. С дерзким призывно-восторженным бормотанием оттолкнулся он и тяжёлым скоком пал на лужайку. Комом прокатился туда-сюда, красавец! И ещё сильнее, крепче, веселей несётся полем:

– Чу-уф, чуф, бр-рр...

Различаю лирные косицы его хвоста, яркие, бруснично-красные, будто кровью налитые бровки. Перья – чёрнёное серебро и серые штанишки под острыми крыльями. Точь-в-точь средневековый латник. А уж боек-то!

– Бедовый петух. Хорош Терентий, – дышит мне в ухо мой охотник. – Ну, стреляй же, целься. Чего ждёшь?

Я стиснул цевьё. Направляю. Нужно быть осторожным: ни звука.

Между тем коротким боковым скоком косач подкатил к вывороченному бурей корню ольхи у болотца, тут же с разгону ударил его клювом, и крылом, и опять клювом. Видно, принял пень за соперника. Разлетится снова – и хватить его с силой. Тут уж гляди: то ли сам разобьётся вдребезги, то ли пень пополам.

А с рассветного, настезь распахнутого неба падают один за другим петухи: четыре, пять. И я уже не знаю теперь: то ли вихрь несётся надо мной, то ли с прорванного неба несутся, собираются на шабаш древние, неведомые мне души оставивших мир существ.

А пляски тетеревов с минуты на минуту всё забавней: разминутся на бегу, повернутся, круто чертя крылами, норовят биться грудью. Границы их владений незаметны моему нечуткому человеческому

глазу, но попробуй переступи их – и не миновать боя. А то притворяться станут: с озабоченным видом чиркают друг перед дружкой клювами туда-сюда, будто и нет соперника рядом. Но каждый косит глазом, яро охраняет свой кордон.

Вмиг упала тишина на поляну, и замерли плясуны. В моховое горелое болотце опустилась на сухую лесину она, бесспорная царица этого рыцарского торжества – тетёрка. По-кукушечьи пестра, невзрачна. Забытой казацкой папайкой на деревце сквозит она в сучьях. Минута, и так же разом, как смолкли – точно по взмаху палочки невидимого капельмейстера, ударил ток с удвоенной, удесятёрённой силой. И всё здесь: радостный вызов первого ручья, проточившего проталинку, и тяжёлая память о мачехе – голодной зиме, и светлая надежда на жизнь, на праздное лето.

Опять чувствую: Яким не спускает с меня пристального взгляда. И не понимаю, отчего же не стреляет он первым. Или меня натаскивает, проверяет... Чувствую здесь какой-то подвох: чего он ждёт от меня? Наконец решаюсь, точно отрываю от себя что-то, навожу на луговину дуло. А там ещё пуще кутерьма.

Знакомый косач – он, видно, тёртый калач, – заправляет сватовством. Токует он, а солнце встаёт над ним, за далёким увалом, за тёмным ещё перелеском. И вот уже не тетерев передо мной, а всемогущий шаман, призывающий в семью свою наше великолепное всеогревающее светило. Оно уже покинуло своё гнездо и, послушное его пляске, вздымается в готовности слиться со всей его стаей. Осенённый его светом, хранимый самим солнцем, выплясывал колдун-косач. И любовался я.

То одевался он сталью травлёных в чернь доспехов, то отсвечивал сизым, зелёным, палевым с искрой отливом. И каждое его движение меняло эту гамму полутонов, света – он крутился там, на поляне, он ворожил, сладко изнемогал под бременем любви к солнцу, к движению, к самой жизни и своей возлюбленной, а моя рука упорно сжимала ружьё и уже прочно и по-деловому обыденно вдавливала приклад в плечо, чая хорошей отдачи, и чёрный немигающий глаз смерти уже лёг на эту поляну и равнодушно-холодно, даже как бы с сарказмом смотрел на это пиршество счастья. Смотрел туда и я.

Я не понимал, что со мной, холодный рассудок не во власти над чувствами, когда они есть. Не вспомню теперь выражения своего лица, но Яким, я заметил, надо мной улыбается.

Утомлённые, рассыпались по полю косачи. Смахнула косым лётком, протянула над озимями тетёрка. Припустил за ней красавец-шаман, всё дальше он, дальше. Вместе они летели к солнцу, уже открытому, полному. Они летели так, словно пели песню, песню торжествующей любви.

Я поднялся из шалаша, отряхнул колени молча. Я знал, что увидел тогда то, что не должно, не нужно видеть человеку, сокровенное, одно из великих таинств восхода солнца. И это не для праздного взгляда.

Согнувшись в три погибели, кряхтя, вылез за мной Яким.

– Охота смертная, да участь горькая, охо-хо.

– Что?

– Охота без выстрела – то же, что трубка без табаку, ай не так? – молвил он с подковыркой. – Упустил петухов, да каких! Не жалко?

– Жалко, – ответил я грубо.

Мне и впрямь было жаль. Жаль, что он вновь напомнил мне о ружье. Напомнил в тот час, когда я думал о другом, как казалось – куда более важном...

– Добро же, – сказал он со смехом и, ловко выхватив у меня тулку, упёр стволы в небо, вскинув приклад на колено. Кинул пальцы по куркам, они сыграли мягко, без выстрела. Заломил ружьё, дунул в патронник – пуст, и захохотал, точно бочку по полю покатыл.

– Живём на болоте, а тоже не мхом поросли. Так-то, малый.

И, улыбаясь по-иному, как показалось, добрее, взглянул на меня. И так стало ясно, что это было бы, наверное, страшней, чем себя потерять, хуже собственной смерти – услышать сегодня сухой треск, раскат выстрела и вместо весеннего запаха глотнуть пороховой гари.

И, всё ещё шутя, Якимдохнул, как кузнечный мех, плотоядно ляснул зубами:

– Эх и красотища. Красотища же, а? Так бы и съел всю природу! И берёзовым соком запил!

Воздух был густ и свеж, и в нём чудился запах распутившейся земляники, но она ещё и не думала зацветать.

И всё летела к солнцу пара больших и при солнце кажущихся рыжими птиц.

Берега прозы

Марианна Озолия

Марианна Озолия принадлежит к плеяде тех поэтов, кто маяком для себя считает философское наследие семьи Рерихов, способное пробудить веру в высокие идеалы, стремление наполнить жизнь искренними проявлениями любви, преданности, стойкости духа на пути, устремлённом к Истине и Красоте. Духовные ориентиры её определяют и деятельность в качестве руководителя Латвийского отделения Международного центра Рерихов.

Почти 40 лет своей жизни отдала службе в церкви Святого Петра в качестве директора этого уникального памятника архитектуры XIII века, разрушенного гитлеровцами. После восстановления церковь стала культурным центром Риги. Автор 14 поэтических сборников, выходивших в разных странах мира. Немало её стихотворений вдохновили читателей на создание музыкальных произведений; сегодня рождаются тематические видеоролики на слова поэта, наполненные силой духа и утверждения жизни. На протяжении многих лет сотрудничает с журналом Международного центра Рерихов «Культура и время», с петербургским научно-просветительским журналом «Педагогика Культуры», а также в последние годы – с журналом «Берега». Долгие годы была членом МАПП. Лауреат Национальной литературной премии «Золотое перо Руси».

Записала и обработала воспоминания Ираида Кельмелене

Литературное оформление – Майя Голубева

В ОКЕАНЕ ВОСПОМИНАНИЙ

Мемуары

Книга 1. Часть 2 (21.09.2025)

Продолжение. Начало в № 2(72)-2026

Память сердца! Ты невидимый связной
Пройденных и будущих путей,
Узел неразрывный и живой
Судеб и событий многих дней.

М. Озолия

1945–1956 годы

Дорога на папину родину

Закончилась Великая Отечественная война, самая страшная из всех войн. На территориях, освобождённых от гитлеровских оккупантов, осуществлялись первые шаги по восстановлению мирной жизни. Происходило это и в Латвии. Мой отец, Рудольф Бертольдovich Озолиньш, работал в то время в Москве комендантом во МХАТе. Однажды он был приглашён на собеседование к руководству театра, у которого возникла идея предложить ему возглавить первый дом отдыха «Чайка» для актёров театра на Рижском взморье. Его кандидатура на должность директора внушала полное доверие: латыш, член КПСС, фронтовик, имевший тяжёлое ранение, хороший организатор, актёр по образованию.

Латвия нуждалась в помощи соотечественников для налаживания послевоенной жизни. Командировка предполагала двухлетний срок, и выезжать из Москвы надо было спешно. Отец дал согласие. Так неожиданно сбывалась его давняя мечта побывать на Родине после 30 лет разлуки с ней.

7 июля 1945 года мы отправились поездом из Москвы в Ригу. Со времени освобождения Советской Латвии от нацистов это был уже второй состав. В нём ехали все, кому было поручено помогать обустраивать новую жизнь.

Я и мои родители ехали в международном вагоне. Наше купе напоминало квартиру. Богатое убранство – мягкая мебель, ковры. Имелся отдельный туалет с умывальником, на окнах красивые занавески, на столике белая скатерть и цветы. Согласно статусу, мой папа имел право занимать купе повышенной комфортности. В остальных вагонах находились люди разных профессий: деятели культуры, военные, строители, работники общепита, а также весь персонал будущего дома отдыха «Чайка».

Пейзаж за окном напоминал о тяжёлых боях. Изрытая снарядами и гусеницами танков земля, деревья с обломанными и обгоревшими ветвями. Лес напоминал ежа, который выставил свои иголки для защиты от опасности. Эта унылая, тяжёлая для глаз и души панорама мелькала за окном поезда на протяжении всего пути.

Наконец объявили, что поезд приближается к пограничной станции Резекне на территории Латвии. Папа заволновался, ведь это его первое свидание с отечеством после долгой разлуки. Все люди в составе поезда тоже с интересом ждали, как и чем их встретит латвийская земля. Состав был очень длинным, казалось, что вагоны протянулись до самого горизонта. Создавалось впечатление, будто целый город вместе с людьми и имуществом переселяется на новое место.

Поезд остановился, проводники открыли двери и объявили, что стоянка только десять минут. На перроне вдоль вагонов выстроилась длинная шеренга латвийских крестьян с деревенскими продуктами.

Пассажиры выпрыгивали из вагонов и бежали к столикам, накрытым белыми скатертями. Они увидели варёные яйца, масло, сливки, сметану, творог, сыр, копчёные и солёные изделия из мяса и рыбы, чёрный хлеб с тмином, вишни. Это было потрясением! Население нашего поезда, измученное войной, продуктовыми карточками, вдруг увидело на первой приграничной станции такое изобилие. Крестьяне показали свою культуру: все стояли в белых фартуках, нарукавниках и белых шапочках на голове. Люди спешили отовариться за короткие десять минут стоянки поезда.

Мой папа, прежде чем что-то купить, был озабочен тем, сможет ли он поговорить на латышском языке. Он подошёл к какому-то мужчине и через несколько минут общения с огорчением признал, что понимает его через слово. Раздался гудок паровоза, призывавший пассажиров вернуться в вагоны. Все нехотя разбежались по своим местам, а папа всё не возвращался. Мама забеспокоилась и побежала к проводнику. Оказалось, что папа стоит у вагона на перроне, а проводник его не пускает, так как он забыл свой билет в купе. Боже мой! Мама помчалась за билетом, а я заорала во всё горло: «Папа, папа! Пустите нашего папу!» Тут уже проводник понял, что это не посторонний мужчина. Поезд тронулся – и мой папа в последнюю секунду вскочил на подножку вагона. Когда он вошёл в купе, мама обратила внимание на его очень удручённое лицо и отрешённый взгляд. На вопрос мамы, что случилось, он ответил: «Знаешь, произошло ужасное, я забыл свой родной язык». Мама стала его успокаивать и говорить, что надо подождать, что родной язык он впитал вместе с молоком матери, что это просто результат 30-летнего неиспользования его. «Когда ты начнёшь ежедневно им пользоваться, он вернётся, обязательно вернётся! Не надо переживать, всё будет хорошо!»

От станции Резекне до Риги нам предстояло ехать четыре часа. Менялись названия станций: Крустпилс, Огре, Саласпилс и наконец – Рига.

Город встретил нас прекрасной зеленью деревьев, не пострадавших от войны. Картина была сказочной, совсем не похожей на ту, что мы видели по дороге. На привокзальной площади вокруг большой клумбы с цветами полукругом стояли извозчики, поджидая своих клиентов. Они были единственным транспортом для местных жителей и приезжих. Это было интересно и необычно для нас. Но наш путь пролегал на Рижское взморье, куда надо было добираться только по железной дороге, проходившей между морем и рекой Лиелупе.

И вот в разгар лета наша семья ступила на землю Рижского взморья. Казалось, что мы попали в волшебный мир. Впечатляли нереальная тишина и малочисленность людей на улицах и, конечно, красота: война закончилась, а море всё так же пело свои таинственные песни, сосны на прибрежных дюнах дарили ветрам свои пьянящие ароматы смолы и солнца, песок на пляже – золотистый и мяг-

кий – окутывал своим теплом. Чайки кричали, ссорясь из-за мелкой рыбёшки. Морские водоросли на берегу укрывали выброшенный волнами янтарь. Людей не было видно, а над всем этим великолепием плыл доносившийся издали колокольный звон церкви Казанской иконы Божьей Матери.

Нам выделили жильё в доме на улице, которая теперь носит имя Яна Райниса, народного латышского поэта. Дача Райниса и его супруги Аспазии находилась буквально за забором нашего двухэтажного дома очень интересной архитектуры: с деревянной башенкой и резными украшениями. Дом находился в пяти минутах ходьбы от моря, и мы могли слышать его шум, словно голос, приветствовавший нас. Наша первая ночь прошла под рокот морских волн и шёпот высоких сосен вокруг дома.

Каким было Рижское взморье до войны...

От Риги до станции Слока через всё взморье ходил паровозик с огромной чёрной трубой, выпускавшей столб чёрного дыма, так как работал на угле. Скорость у него была небольшая, в народе её называли лошадиной. Из Риги до Майори можно было добраться за час.

Железная дорога делила город на две части. На правой стороне дороги, ближе к морю, были улицы с домами состоятельных отдыхающих. Красивые виллы, коттеджи, дачи располагались на улицах Юрас, Турайдас и Йомас. Там же были различные магазинчики и уютные кафе. Общество выходило по вечерам на променады. На улице Турайдас, недалеко от моря, находилось красивое деревянное здание филармонии, где блистали талантами гастролёры и давали концерты знаменитые мировые звёзды. Афиши пестрели их именами.

Вечерами на улицах было оживлённо. Дамы выгуливали свои роскошные наряды, не обходилось и без лёгкого курортного флирта, да и местных сплетен. На улице Турайдас рядом с филармонией находился уютный ресторан «Лидо». При входе, во дворе, посетителей встречал фонтан-аист, из клюва которого весёлой струйкой вверх била вода. Этот ресторан работает и поныне.

За железной дорогой, ближе к реке Лиелупе, жили трудовые слои местного населения: рыбаки, крестьяне. Стояли небольшие семейные домики, окружённые огородами с плантациями клубники. Жители этой части Юрмалы в основном обслуживали знатных отдыхающих. Они неплохо зарабатывали, продавая молочную продукцию и выращенные на своих участках овощи и фрукты. На рынке в Майори можно было купить всё самое свежее: молоко, сметану, творог, яйца, различные сыры, мясные и рыбные изделия, а также свежую зелень, лесные ягоды. И конечно, продавалась знаменитая выпечка – чёрный деревенский хлеб, пахнувший мёдом и тмином. Продукция этих хозяйств наполняла местный рынок и полки небольших магазинчиков и кафе для приезжавших отдохнуть рижан.

Военное время...

Война затронула территорию всей Латвии. На Рижском взморье жителям пришлось тоже нелегко. Состоятельные покупатели уехали, оставив свои прекрасные деревянные коттеджи и дачи. Тишина и запустение... Затихла самая весёлая и шумная улица Йомас... Закрылись лавочки и кафе... Даже кинотеатр «Дзинтарс» прекратил показы кинофильмов. Люди попрятались по домам, боясь немцев. Зато приморские ветры свободно гуляли по пустынным улицам.

В конце улицы Йомас, на границе Дзинтари и Майори, стояла небольшая, очень изящная деревянная православная церковь Казанской иконы Божьей Матери, заложенная ещё в 1894 году в честь бракосочетания великой княжны Марии Александровны и принца Альфреда, герцога Эдинбургского, а здание её сооружалось на добровольные пожертвования православных дачников.

Батюшка достойно нёс свою службу, несмотря на то что тогда почти не было прихожан. По праздникам по-прежнему звонил колокол. Звон его заполнял всё пространство, долетая до моря и дальше, – разносился над водой, словно Божий глас нёс своё благословение людям и природе.

Однако уже с лета 1941 года и до октября 1944-го, с приходом немецких оккупантов, пансионаты, дачи и отели были реквизированы для отдыха офицеров вермахта. А местным жителям доступ к морю был запрещён, контроль был строжайший.

Да и после оккупации ещё долгое время мирному населению грозила опасность от мин, спрятанных в прибрежных лесах и дюнах.

По окончании войны курортная жизнь стала постепенно возвращаться. Несмотря на все тяжёлые испытания, рыбаки и крестьяне сумели сберечь запасы, инвентарь, животных и продолжили свой труд. Снова наполнился рынок в Майори, и можно понять изумление москвичей от встречи с таким рынком. Они давно забыли о таких вкусных продуктах, а хлеб долгие четыре года получали по карточкам; по установленной норме выдавался скромный продуктовый паёк.

Сразу после нашего приезда начались спешные работы по организации будущего дома отдыха «Чайка». В Москве намечали первый заезд отдыхающих уже в текущем летнем сезоне. Мой отец должен был экстренно решить массу вопросов. Всё надо было начинать буквально с нуля. Весь персонал: заместитель директора, бухгалтер, завхоз, работники пищеблока, уборщицы, шофёр грузовой машины-полупортки – приехал с нами, как я уже упоминала, в одном вагоне.

План действий был готов, и папа приступил к его реализации, организовывая людей на ударный труд. Все необходимые вещи для функционирования дома отдыха мы тоже привезли с собой. И это – посуда, постельные принадлежности и даже некоторые продукты. Правительством Латвии было выделено под дом отдыха несколько фешенебельных зданий, оставленных своими хозяевами, покинувшими Латвию. В помощь прикрепили отряд пленных немцев, их приводили под конвоем. Для транспортировки мебели, которую надо было собрать из заброшенных дач, выделили телегу с лошадью. Однако реальная действительность показала, что всё не так просто: во многих из этих дач уже успели побывать мародёры.

...Наконец вся подготовительная работа к открытию дома отдыха закончена. Комнаты были меблированы мебелью в ретростиле: мягкие кресла, изящные столики, торшеры, люстры и в дополнение – красивые занавески на окнах и непременно живые цветы в красивых вазах. Сотрудники старались делать всё с душой, чтобы создать красоту для людей почитаемых, известных своим талантом всей стране, ведь дом отдыха предназначался артистам труппы старейшего театра – МХАТа, как и большинство населения страны, измученных годами войны.

Приближался день прибытия отдыхающих. Напряжённость, обусловленная ответственностью, возрастала с каждым часом, тем более стали известны имена приезжающих. Это были примадонны театральной сцены: Алла Тарасова, Ангелина Степанова, Ольга Андровская, Анастасия Зуева, Вера Бендина, – а также популярные актёры, такие как Михаил Яншин, Михаил Царёв, Анатолий Горюнов, Михаил Тарханов, Иван Пырьев с женой Мариной Ладыниной и сыном Андреем.

Готовясь к приёму такой золотой группы именитых мастеров сцены, моя мама Нина Александровна Синёва-Озолия взяла на себя обязанности организатора культурной программы для них. От всего сердца она хотела их порадовать, поэтому особенно тщательно продумывала, чем ещё, кроме прекрасной природы, моря, золотистого пляжа и комфорта, можно удивить этих замечательных, но усталых людей. Творческий процесс её захватил. Рождался интересный план, который, как ей казалось, должен был понравиться и романтически вдохновить знаменитостей.

И вот наступил бурный и хлопотный день заезда. В ожидании гостей персонал был озабочен: всё ли будет хорошо с настроением таких известных примадонн, не будет ли капризов и особых требований. К счастью, первый общий ужин в столовой совместно с персоналом, знакомство с распорядком дня и культурной программой прошёл отлично и показал – всё было не напрасно!

Началась курортная жизнь... Царила всеобщая радость, как будто сошлись родные люди. После всего пережитого в предшествующие годы дом отдыха казался уголком счастья, почти нереальным. Всем было хорошо. По вечерам, после ужина, отдыхающие отправлялись гулять по пляжу, дышать морским воздухом с хвойным ароматом прибрежных сосен, наслаждаясь тишиной, слушая вечную песню моря. Рижское взморье в то время было малолюдным, и на пустынном пляже охватывало особое ощущение простора и полной свободы.

С московским поездом подвезли свежие газеты, журналы и письма из дома. Прибыло пополнение отдыхающих, и среди них оказался известный актёр театра Алексей Николаевич Грибов, а также прославленный тенор, солист Большого театра Алексей Петрович Иванов. Приехала и моя кузина Людмила Александровна Королёва со своей подругой Светой, обе студентки иныа. Чуть позже встречали и вторую кузину – Ксению Александровну Королёву.

Обычно после завтрака знакомились с вновь прибывшими, читали привезённую свежую почту. Мужчины первым делом разбирали газеты, торопясь узнать последние новости из родных мест. Письма тоже нашли своих адресатов. Женщины с удовольствием просматривали журналы.

Среди дюн рядом с жилыми корпусами стояла очень уютная беседка, круглая, открытая всем ветрам и оборудованная под читальню. Отдыхающие любили сюда заходить и любоваться морем. Особенно это место нравилось пожилым актёрам, которые встречались здесь и под шум волн наслаждались чудными морскими картинами на закате солнца.

От моих кузин и их подруги, очарованных красотами местной природы, мама постоянно слышала восторженные и восхищённые восклицания. И у неё созрел новый план. Она решила ознакомить дорогих гостей с взморским рынком в Майори. (Поскольку административное разделение Риги и Рижского взморья произошло только спустя несколько лет, рынок в Майори официально считался рижским, в отличие от Центрального рынка в самой Риге. Рижское взморье стало называться Юрмалой и приобрело статус города 11 ноября 1959 года, когда Верховный Совет Латвийской ССР принял решение о его создании, объединив Юрмальский район Риги, Слоку и Кемери. Газета «Ригас Балтс» на следующий день известила об этом своих читателей.)

Многие гости были наслышаны о рынке и горели желанием его посетить. И хотя по объёму рынок был небольшой – несколько товарных столов под крышей, культура обслуживания покупателей удивляла приезжих отдыхающих. На столах красиво и аккуратно разложен товар, почти как на выставке декоративного искусства. На чистых белых салфетках всё так же лежали рядами яйца, сыры, колбасы, баночки со сметаной, зелень, различные овощи и фрукты, ягоды. Продавалась рыба и разные мясные изделия домашнего копчения. Кроме этого, стояли бочки с селёдкой, солёными огурцами и квашеной капустой. Особенно вкусно пахло деревенским хлебом и сдобной выпечкой. Продавцы-мужчины стояли в белых фартуках и белых нарукавниках, на головах белые шапочки, а у женщин-продавиц белые чепчики. Они все, любезно улыбаясь, предлагали вначале попробовать кусочек того или иного продукта. Люди на рынке знали, что приехали из Москвы очень известные и уважаемые артисты. Возможно, им казалось, что они смотрят спектакль «Синяя птица» Метерлинка с участием этих знаменитостей. Продавцы выказывали им особое расположение и разговаривали с ними на русском языке.

В свою очередь, на актёров МХАТа посещение рынка произвело ошеломляющее впечатление. В послевоенной Москве люди о таком изобилии только мечтали.

Каждое утро папа и мама приходили в столовую во время завтрака, чтобы поздороваться со всеми, пожелать здоровья и приятного аппетита, узнать, какие есть вопросы или пожелания. В один из дней мои родители, как всегда, вошли в столовую и были поражены увиденным: столы накрыты для завтрака, но ни одного человека нет в зале. Однако то, что они услышали от официантов, вызвало нескрываемую радость. Оказывается, в тот день тенор Большого театра Алексей Петрович Иванов принимал участие в утренней службе и пел с церковным хором в храме в честь Казанской Божьей Матери. И вот вместо завтрака все отдыхающие побежали в храм. Мои родители решили тоже пойти в церковь и взяли меня с собой.

Так неожиданно произошла моя первая встреча с храмом. Мне было на тот момент шесть лет.

Я родилась в то суровое время, когда церковь подвергалась гонениям и ограничениям, детей не знакомили с религиозными понятиями. Крещение детей, конечно, не приветствовалось, поэтому и меня родители не крестили. Это считалось нормальным для того времени. Однако старшее поколение не могло смириться с кощунственным, как им казалось, запретом, и я подозреваю, что моя старенькая любимая нянюшка Стеша, любившая меня очень, потихоньку от родителей отнесла меня в церковь и покрестила. К сожалению, это только мои догадки.

Моё воспитание и образование проходило в социуме, как и у большинства моих сверстников. Родители мои работали тогда во МХАТе: папа – комендантом, мама – дежурной по сцене. Я ходила в первую группу детсада для детей работников театра. Мой первый в жизни спектакль в этом прославленном театре – пьесе Мориса Метерлинка «Синяя птица» – я смотрела благодаря маме, которая привела меня однажды и торжественно посадила в партере зрительного зала. Бывало, что я забежала к маме во время её работы, видела, как снуют осветители, рабочие сцены вносят и выносят гранди-

озные декорации и всё необходимое для очередного спектакля. В разговорах мамы и папы я невольно улавливала театральную терминологию, хотя и не понимала значения многих слов. Но детская память самая цепкая, она надолго удерживает большой объём самой разнообразной информации, как позитивной, так и негативной.

В тот день, когда родители неожиданно в первый раз привели меня в церковь, я окунулась в совершенно незнакомый мир. Стояла вместе со всеми мхатовцами, слушала церковное пение и непонятную для меня речь человека, облачённого в золотистую одежду, и, будучи очень впечатлительным ребёнком, впитывала дурманящий аромат ладана, подробно рассматривая окружавшее меня убранство волшебного, как мне казалось, царства.

Когда служба закончилась, все стали выходить на улицу. Меня за руку поймал старейший артист МХАТа Михаил Михайлович Тарханов и спросил: «Ну, Маринка, понравилось тебе в храме?» Я ответила: «Ой, очень понравилось! Такая красота! И декорации, и король в золотом платье что-то говорил... только я не поняла... о чём». Михаил Михайлович имел несколько отпугивающий вид, говорил очень громко, со смешком, и выглядел, мне казалось, как персонаж из сказки про Бабу-ягу. А он второй вопрос мне задаёт: «А скажи-ка, Маринка, на кого я похож?» Тут уж я, не раздумывая, заявила: «На старый гриб!» Он оживился, усмехнулся и произнёс: «Воистину, устами младенца глаголет истина!»

Книга 2 (21.09.2025). Часть 1

Курортная жизнь... детское одиночество

Никто пути пройденного у нас не отберёт.
Пусть каждый крест доверенный достойно донесёт.
И всё, что нам отпущено познать, мудрее став,
Хранит в глубинах сердца жемчужиной в веках.

Марианна Озолия

Дом отдыха «Чайка» работал ритмично. Состав отдыхающих постоянно менялся. Одни заканчивали отдых и уезжали, другие приезжали, надеясь застать летнее тепло. Наша семья всё ещё не имела постоянного места жительства. Мы жили в одном из корпусов дома отдыха, в красивом двухэтажном особняке на улице Александра, 5. Почему-то все называли этот наш дом пятой дачей. Кроме нас, в доме, на втором этаже, поселился кинорежиссёр Пырьев с женой, актрисой Мариной Ладыниной, и сыном-подростком Андреем, а также семья артиста Анатолия Горюнова и Веры Бендиной. Здесь же, на втором этаже, проживала замечательная артистка Анастасия Платоновна Зуева, которую позднее полюбила вся детвора страны как милую и добрую телевизионную сказочницу. Она появлялась на экране телевизора в оконце с расписными ставнями. В доме пребывали и другие артисты.

Мне, ребёнку, запомнился Анатолий Горюнов, который внешне напоминал колобка – такой же кругленький и толстенький. Весёлый, неунывающий человек, шутник и балагур, он был любимцем всей страны за симпатично сыгранную роль в фильме «Вратарь».

Мои родители весь день были заняты делами дома отдыха. Я целыми днями была одна, так как все мои друзья по дворовым играм остались в Москве. А на Рижском взморье, находясь среди взрослых, я испытывала полное детское одиночество. Правда, завелась у меня одна неожиданная подружка. Это была неизвестно откуда приблудившаяся рыжая дворняга по кличке Волга, которая очень привязалась ко мне, но мама не разрешила взять её в дом.

Рядом с нашим корпусом, за забором, стояла одноэтажная дача, людей там не было видно. Но однажды за зеленью сада промелькнула девочка в лёгком платьице. Я подошла близко к сетке забора в надежде познакомиться. В Москве у меня это всегда легко получалось. Но тут я немного растерялась, не зная, с чего начать разговор. Латышская девочка была тихая, стеснительная, однако с явным интересом смотрела на меня. Как оказалось, звали её Сандра. Благовоспитанная, чистенькая, с русыми кудряшками и выразительным коком на макушке – общепринятая для того времени причёска

для девочек. А я была полной противоположностью. Не такая тихоня, не такая разодетая, в ситцевом платье без особой моды, в ботинках на босу ногу. Хотя ботинки было не так просто купить в то время. А моя причёска была особенно примечательна. Перед отъездом из Москвы мама отвела меня в парикмахерскую, так как с моими густыми волосами не хватало времени возиться в новых условиях. И я сама сказала мастеру: «Обскубайте меня, пожалуйста, наголо». Мама, стоя рядом, приговаривала: «Стригите, ничего страшного, ещё вырастут и гуще будут, это даже очень полезно».

Соседская опрятная девочка Сандра решила, что я мальчик в платье. По причёске вроде мальчик, а одета как девочка. Из нашего знакомства ничего не получилось. Только называли друг другу свои имена. Больше я её не видела. Дело в том, что мои познания в латышском языке были слишком малы, чтобы общаться. Папа научил меня единственной фразе – Поцелуй меня! (*Rābišo mani!*). Эту фразу я зазубрила. Меня пытались научить великосветским манерам для девочек. При знакомстве либо благодарности девочка должна была делать книксен – полуприседание с поклоном, взявшись за края юбочки. Это было для меня самое трудное. Конечно, эти познания этикета не очень помогали мне при знакомствах, и я по-прежнему оставалась одна. Только верная собака Волга всюду следовала за мной.

По соседству, с другой стороны нашего дома, дача оказалась частной собственностью очень известного народного латышского поэта Яниса Райниса-Плекшанса и его супруги, поэтессы Аспазии-Розенберги. В один из дней моего томления от скуки мама попросила семью Анатолия Горюнова взять меня с собой на пляж. Одной ходить на море мне не разрешалось. Горюнов любезно согласился за мной присмотреть, чтобы я долго не купалась. А меня именно это и привлекало на море. В результате я так долго не подчинялась уговорам и требованиям выйти из воды, пока мои губы не посинели и я сама не позеленела от переохлаждения. Актёры даже прозвали меня Мариной Зелёной (по аналогии с известной комедийной актрисой Ириной Зелёной). Дядя Толя, так я называла Анатолия Горюнова, очень рассердился и сказал, что больше он меня на море не возьмёт, так как не хочет нести за меня ответственность перед родителями. Когда мы вернулись домой, я решила опередить возможную жалобу на моё поведение и сказала маме, что больше не пойду с дядей Толей на море, потому что он толстый и все думают, что он мой папа.

Рыбачий посёлок

Рижское взморье славилось не только своим курортом, но и отважными моряками и рыбаками. Рыбачий посёлок находился довольно далеко от Дзинтари и Майори, однако морское побережье соединяло все посёлки воедино. Центром рыболовства являлся посёлок Звейниекиемс, в котором исторически было всё необходимое для промысла: лодки, сети, дома для проживания испытанных солёными штормами моряков и рыбаков. Работа требовала от них большой выносливости, безусловного мужества и опыта, чтобы бороться с непредсказуемой стихией. Отрасль имела хороший сбыт, давала заработок и поэтому являлась материальной основой жизни для рыбацких семей. Надо сказать, что Балтийское море все мореходы оценивают как коварное. Хоть оно небольшое по сравнению с могучим океаном, но отличается внезапной сменой поведения морской глади. Многие жизни моряков унесло оно в штормах, особенно в осенне-зимние сезоны.

Рыбачий посёлок живёт по своим правилам. Это как страна в стране, где все друг друга знают, где свой уклад жизни, отличный от остальных посёлков. Серьёзность условий определяет и психологию человеческих взаимоотношений. Об этом очень хорошо писал латышский писатель Вилис Лацис в романе «Сын рыбака», по мотивам которого был поставлен фильм, где главную роль блестяще сыграл драматический актёр Эдуард Павулс, детство которого прошло в Юрмале. Он сам вырос среди рыбаков и вместе с ними выходил в море. Поэтому сумел, подобно маяку, высветить правду о жизни, судьбе и характере этих людей. Эдуард Павулс стал, наряду с актрисой Вией Артмане, любимым актёром всех советских зрителей.

В рыбацком посёлке из морепродуктов умели делать многое. В копильнях коптили и красную рыбу, и мелкую рыбёшку на ежедневный стол, которая была самая дешёвая и называлась стремига, а на латышском языке – реньгес. Рыбу вялили, а красную икру в домах готовили самостоятельно. Моя мама тоже научилась готовить икру на плите и показывала нам «чудо», как икра краснела, залитая кипятком с солью. Женщины побережья знали дорогу в рыбацкий посёлок и приходили закупать рыбу прямо с лодок. Мама тоже ходила с ними. Рыба стоила недорого, нашей семье это очень помогало.

Кроме того, рыбаки научили женщин вываривать масло из мелкой костистой рыбёшки казараги, оно было дешёвым. В «тощие» годы рыба нас спасала.

Мои родители понимали, что отдыхающим очень хочется самим посмотреть на быт этих тружеников моря, увидеть особенное место – устье реки Лиелупе, где находился рыбацкий посёлок, и, конечно, купить из первых рук копчёную, с дымком, рыбку – стремигу или лосося, а также на месте приготовленную красную икру.

В один из дней заказали специальный автобус из Риги для поездки актёров к рыбакам. В посёлке ждали приезда важных гостей и приготовились показать всю продукцию и даже накормить обедом из даров моря. У наших гостей это вызвало небывалый восторг. Они смогли всё осмотреть: и закалённые штормами рыбацкие шаланды, и развевающиеся на ветру для просушки сети. Сами в копильне выбирали товар. Но главным было доброжелательное общение с гостеприимными, хоть и немногословными мореходами. Для актёров театра это был незабываемый день, сердце внимало всему, что видели глаза.

Часть 2 (12.09.2025)

Прощайте, милые извозчики!

В прошлом столетии, в далёком 1945 году, из Риги до побережья Рижского взморья можно было добраться единственным государственным транспортом – по железной дороге. От Риги и далее вдоль всего побережья пролегли рельсы, соединяя все жилые посёлки и небольшие провинциальные городки. Поезд состоял из нескольких простых вагонов, окрашенных в густо-зелёный цвет. Возглавлял это сцепление вагонов допотопный паровоз, ходивший на угле. Из его чёрной большой трубы валил чёрный дым, а запах от сгорания угля сразу заполнял окрестности и выдавал время прибытия поезда на станцию. Машинист сидел на своём месте и уверенно вёл поезд по заданному маршруту. За его спиной мелькала фигура рабочего – кочегара с лопатой, подбрасывающего уголь в топку. Лицо его было в угольной пудре.

От Риги до конечной станции Тукумс поезд шёл несколько часов. Эту скорость люди с юмором называли лошадиной. Например, до станции Дзинтари можно было ехать целый час. Многие жители взморья работали в Риге и ежедневно добирались туда и обратно на этом поезде. За время поездки студенты могли готовиться к экзаменам, большинство пассажиров читали газеты, книги. Каждый мог использовать выпавшее свободное время по своему усмотрению. Тем, кто очень устал на работе, удавалось заснуть в дороге. Ездили на рынок или просто от станции к станции.

Мы, школьники, отправлялись в школу, расположенную в Дубулты, в определённые часы, установленные школьным расписанием. Собирались каждый на своей станции, в зависимости от места проживания. Хоть поезд и шёл медленно, выходить утром надо было заблаговременно, чтобы не пропустить его прибытие и не опоздать на занятия. Ученики разных классов, от первого до десятого, заполняли состав весёлым щебетаньем, смехом, шутками и шалостями. Например, катанием на ступенях вагона. Мы сидели на них и болтали ногами. Поезд шёл медленно, и нам казалось, что упасть под колёса просто невозможно. Ох, если бы только видели эти забавы наши родители! Сама я тоже каталась на ступеньках, как и все, поэтому знаю об этой «романтике» не понаслышке, а на собственном опыте.

Перед отправлением поезда происходила целая церемония. Машинист подавал длинный гудок, дежурный по станции стоял на перроне с флажком возле паровоза и следил, чтобы никто не сидел на ступеньках и не висел на поручнях. Потом он махал флажком, подавая машинисту знак – разрешение на начало движения. Поезд медленно начинал набирать свою смешную скорость. Так повторялось на каждой станции. Наши отдыхающие успевали прокатиться по всей железнодорожной линии побережья, знакомясь с живописным ландшафтом через окна вагона.

Железная дорога разделила город пополам: на морскую часть и речную. Случай уникальный. Вся курортная жизнь проходила в морской части, а трудовое население взморья проживало на речной стороне вдоль реки Лиелупе, где находились хозяйства, пастбища для скота и другие угодья. Только на станции Дубулты воды реки и Рижского залива приблизились друг к другу на несколько сот метров. Именно в этом узком отрезке между морем и рекой находилась моя 9-я Рижская средняя

школа. Школа считалась рижской, так как взморье получило статус города Юрмалы только 11 ноября 1959 года. Паровозы и вагоны в последующие годы нашли своё почётное место в музее Министерства транспорта Советской Латвии в качестве экспонатов.

Особенно запомнился 1950 год, когда по железнодорожной линии пустили первый электропоезд. Всё население побережья стояло вдоль полотна и дивилось этому чуду. Наступала новая эпоха и несла в нашу жизнь блага цивилизации и небывалую радость.

Могу добавить ещё несколько слов о транспорте тех лет. Были, конечно, богатые люди, имевшие свой лимузин. Однако простой народ пользовался услугами извозчиков, чтобы съездить в отдалённый район города, перевезти тяжёлые вещи, доставить товар на рынок, просто прокатиться по городу или вернуться домой с концерта или из театра. Эти милые извозчики и лошадки постепенно исчезали из нашей жизни. Цивилизация оттеснила эту услугу, и последующие поколения узнают о ней лишь по мемуарам, романам и рассказам своих предков.

Латвия стала нашей судьбой

Праздник отпусков закончился. Опустели корпуса дома отдыха «Чайка». Тишина вернулась на улицы Рижского взморья. Уехали наши обаятельные актёры, увозя в сердцах, переполненных радостью, восхищением и благодарностью за подаренное гостеприимство и путешествие в сказку Балтийского побережья.

Наступили рутинные будни. После закрытия дома отдыха руководством театра МХАТ было принято решение не возобновлять в дальнейшем эту курортную работу, так как бюджет не позволял. Родители мои стали готовиться к инвентаризации и финансовым отчётам. Папе неожиданно предложили остаться работать на родине, он согласился, тем более что московская коммуналка нам больше не принадлежала. Взамен нам выделили роскошную четырёхкомнатную квартиру в двухэтажном национализированном доме бывшего хозяина водопроводчика Нейланда. Сам он проживал в доме напротив. Улица носила романтическое название Звёздная. На латышском языке – *Zvaigžņu iela*. А номер дома остался таким же, как и на улице Райниса. Одна сторона дома выходила окнами на улицу, а вторая – на лесной массив. Рядом с домом находилась небольшая улочка Променадес, что в переводе – прогулочная. В двухстах метрах от дома проходила железная дорога и находилась станция Дзинтари. До поезда можно было пробежать за три минуты. Мимо дома пролегла автодорога, которая соединяла побережье с Ригой. Тогда она имела земляное покрытие, позднее её асфальтировали. Сейчас дорога выглядит иначе, так как над железнодорожными путями построили мост между станциями Дзинтари и Майори, и теперь через рельсы переходить не надо. Однако старая дорога осталась в качестве запасной. Она шла через лес, куда туристы до сих пор ходят собирать чернику.

Шло время, приближалась наша первая зима в Латвии. Это время совпало с моим семилетием, выпадавшим на Рождество 7 января. Отмечали его уже в новом доме. Я помню, как папа принёс из леса волшебную ёлку, самую красивую. Ему очень хотелось сделать для меня сюрприз, чтобы праздник запомнился мне на всю жизнь. И мама его поддержала, не рассказывая мне об этом до последней минуты. Сюрприз родителей удался – этот день живёт в моей памяти до сих пор!

Наступил 1946 год. С моим семилетием открывались новые страницы нашей семейной хроники. И одна из них – незабываемое событие в моей жизни: «Я иду в школу!» Однако на Рижском взморье тогда не было русской школы. Была большая старая школа с латышским языком обучения в Майори. В ней обучались латышские дети со всего побережья. Но теперь ситуация исторически изменилась, поэтому в новом учебном году нужно было решать вопрос, что делать с русскими школьниками.

Школа находилась рядом с рынком в Майори, куда 1 сентября 1946 года привели меня родители. В основном здании школы с первого по третий класс учились латышские дети, а русские дети – в маленьком деревянном доме, стоящем во дворе школы. Получилось, как в старые времена в российских деревнях: одна большая комната, и в ней – три ряда парт. Каждый ряд обозначал класс – с первого по третий. Столько русских детей и набралось, а учительница одна – Зоя Ивановна Рыжая. С огненно-рыжей копной волос и громким, резким голосом. Она давала нам задания по

очереди. Дети её не любили. Мне особенно сложно давалось чистописание. Урок длился 45 минут. Сейчас я не представляю, как она успевала за это время справиться с тремя программами. На наши разговорчики во время занятий она реагировала очень нервно. Хватала классный журнал и резко хлопала им по столу, требуя тишины. С дисциплиной в классе было напряжённо. На переменах нам позволяли гулять в школьном дворе, но не заходить в большое здание школы. Почему мы не могли зайти и почему мы учились отдельно, нам не объясняли. В нашем классе в углу стояла круглая железная печь. Зимой приходил истопник, и мы гурьбой грелись вокруг этой печки на переменах.

Мама очень строго контролировала мою учёбу, не давала расслабляться. Особенно следила, как я справляюсь с чистописанием. Я делала много клякс. В те времена школьники писали ручкой с пёрышком. Я с размаху окунала ручку в чернильницу, набирала на пёрышко побольше чернил – и все мои труды быстро покрывались кляксами. Мама меня за это наказывала: заставляла каждый испорченный текст переписывать заново. Я рыдала, отказывалась, но она не принимала возражений, говоря твёрдо: «Будешь писать без разговоров!» Я начинала писать и опять ставила кляксы. И, будучи активным, разговорчивым, нетерпеливым ребёнком, часто на уроках болтала со своим соседом по парте Колькой Летуновым. Когда он вырос, то стал капитаном дальнего плавания. Моими друзьями были Алик Сазонов и Эдик Ребеков. Учительница Зоя Ивановна Рыжая кричала на меня за эти разговорчики и ставила в журнал за поведение кол. Но училась я хорошо, и в конце учебного года получила похвальную грамоту с портретами Ленина и Сталина в золотых рамках. Мама была очень довольна.

Во второй класс я пошла уже в другую русскую школу – в Булдури. Здание её было больше, и учились в ней дети со всего взморья с первого по четвёртый класс. Лишь в 1950 году в Дубулты появилась первая русская средняя школа № 9. Она стояла на берегу моря, в нескольких шагах от станции. Эту школу я и окончила в 1956 году.

Наша новая жизнь в Латвии постепенно входила в свою колею. Моего папу пригласили в Министерство культуры и предложили должность директора недавно образованного в Латвии молодого хореографического училища. Папа принадлежал к миру искусства, и все его прежние должности также располагали к такой работе. Словом, опыт пригодился. Он дал согласие.

Коллектив педагогов собрали в основном из Ленинграда. Заместителем папы по учебной части стала Нина Феликсовна Гаврилова, известная балерина, ученица Агриппины Яковлевны Вагановой. Коллектив ленинградских балерин поставил перед собой задачу: воспитать самых лучших танцовщиков для Латвийского театра оперы и балета, которые прославят рижское училище и Советскую Латвию. Так оно и произошло. Обучение будущих звёзд находилось в опытных руках.

На протяжении десяти лет мой папа руководил училищем. При нём начинали свои первые шаги такие мастера балета, как Марис Лиэпа, Михаил Барышников, Александр Годунов и другие замечательные артисты балета, известные далеко за пределами Латвии.

Это всё было потом, а тогда, в мои школьные годы, в стенах небольшого старинного особняка в Старой Риге на улице Малая Песочная, 8 (Mazā Smilšu iela), на школьных праздниках, концертах, которые назывались домашними, в актовом зале у ёлки, мы веселились, танцевали, а будущие звёзды показывали свои концертные номера. Танцевали польку, падекатр, падепатинер. Папа брал меня всегда с собой на отчётные концерты всех классов училища. Они проходили на большой сцене в Латвийском театре оперы и балета (теперь театр носит название Латвийская Национальная Опера и Балет – *Latvijas Nacionālā Opera un Balets*). Папа приносил нам с мамой пригласительные билеты, и мы сидели на почётных местах в партере. Я глядела на летающих под музыку эльфов и тоже очень хотела стать балериной. Мне было девять лет, и это были только детские мечты. Папа их не одобрял. Он сказал, что моя конституция не подходит для балета, и, чтобы мне не было горько и обидно, он принёс домой балетную пачку и пуанты. Сказал: «Танцуй дома перед зеркалом, и этого будет достаточно».

Берега прозы

Евгений Чебакин

Журналист-международник, прозаик, драматург. Окончил педагогический институт и двухгодичную аспирантуру ГИТИСа (отделение драматургии). В активе 6 изданных романов и 12 пьес, поставленных в 64 театрах России и зарубежья, в том числе в Москве, в театрах Сатиры и Вахтангова. Член Союза писателей России и Евразийской гильдии писателей OPEN EURASIAN, лауреат Международной литературной премии «Золотое перо Руси», победитель конкурса драматургов «Время драмы» с пьесой «Багряный разлом» (180 драматургов из 19 стран).

СКОТОВОЗКИ ОТ ИЕГУДЫ

Глава из романа «Безымянный зверь»

В вонючей, тесной полутьме скотовоза с решётками, где было натолкано людей не менее полусотни, Прохоров не спал вторую ночь. Сидя будто на железном грохоте, чуя спиной вражьи тычки стенной тверди, он проваливался временами в забытьё. Оно приносило рваные, цветные видения прошлого: вкрадчивый лепет могучих белолисток над Терекком, янтарный разлив пшеничного поля, застывшие, налитые ужасом глаза жены перед отправкой их с Васильком в Россию, к двоюродной сестре Надежде Фельзер. Лицо Василька.

Но чаще всего взрывалось в памяти его трёхное детище АУП. Тогда, закончив сев пшеницы на поляне, он вырыл с корнями и отставил в сторону два куста шиповника. За ними образовалась уютная клеть с колючими стенами. Он закатил туда агрегат, забросал его ветками. И посевная машинка облегчённо успокоилась. Она стояла в кустовом загоне, умиротворённо растопырившись на трёх лапах, прикрытая зелёным одеяльцем. Взблёскивала из-под листвы сияющим серебром полированного сошника, хулигански норовя пустить светового зайца в глаз хозяину. Прохоров посадил кусты на место, полил их.

Попытался разглядеть за ними трёхную железу – глаз натёкался лишь на колючий перехлест ветвей.

Он выныривал из обморока-сна почти каждый час, с чёрной, липкой маятой в душе. Внезапно пришла, как кипятком обварила, вонюче-наглая непреложность бытия: это что ж, Никита, выходит, профукал ты и главное дело в жизни, и саму жизнь какой-то паскудной вороне, коя обучена урожаем с поля до колоска схарчить, блатняцкий стих запузирить и сбачать на лету «цыганочку»?! Тьфу, сволочь поганая, будь ты проклята... у кого крыша поехала, у Орловой или у него самого?

В глаза, в уши лезла между тем чугунно-скотовозная реальность: стоны, мат, храп, вонь пота и мочи от спрессованной мужской плоти.

На одном из полустанков, куда загнали их состав, сквозь отшлифованную спинами дощатую стену просочился издали медный размеренный голос из станционного репродуктора:

– Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР, рассмотрев представление Совета Народных Комиссаров Союза ССР о награждении орденами наиболее отличившихся работников, инженеров и руководителей Беломорстроя, постановляет:

наградить орденом Ленина:

Ягodu Генриха Григорьевича – зам. председателя ОГПУ СССР,

Когана Лазаря Иосифовича – начальника Беломорстроя,

Бермана Матвея Давидовича – начальника Главного Управления исправительно-трудовыми лагерями ОГПУ,

Фирина Семёна Григорьевича – начальника Беломорстроя...

Прослушав и разлепив спёкшиеся губы, сипло и безадресно отметил Прохоров в спертую мглу вагона:

– Те же субчики. Одна псарня, м-мать иху...

Приткнувшийся рядом и потерявший дар речи со вчерашнего дня Гордон приподнял всклокоченную голову, спросил:

– Ты... про кого?

– Кто нас рассказывал, друг на друга науськивал?

Гордон зыркнул по сторонам. Все стороны тонули в кромешной тьме, однако голоса своего он всё же больше не подал.

– Не бойсь, начальник, – ухмыльнулся Прохоров, – сторожевые псы с нами, баранами, в одном купе не ездят.

На исходе вторых суток, ночью, их выгрузили. Пока вели к «воронку», Прохоров, запрокинув голову, укололся взглядом о россыпь Большой Медведицы, хлебнул всей грудью станционного ночного свежака, настоящего на горьковатом чаде топок, лязге колёс на рельсовых стыках, маневровых свистках паровозов. Страна и ночью пёрла на всех парах в троцкистский коммунизм, смазывая буксы и подшипники человеческой кровушкой.

Чёрная тоска рвала сердце председателя от этой гонки – до самого прибытия на место.

Долбали прикладами в спины, трамбуя их всех в утробы машин. Утрамбовав – повезли.

Вытолкали в бетонный квадрат гулкого двора, с грохотом сапог повели, расфасовали по камерам.

* * *

Утром, деловито и молча, со сноровкой дровосека крякал, бил Прохорова по скулам, по рёбрам, в нос, в зубы зачехлённым в кожу кувалдовым кулаком горбоносый мужик с белыми, как у бешеного пса, глазами.

Сотворив из лица кровавой бифштекс, отошёл, полюбовался.

Связал за спиной руки, вывел из камеры, повёл по коридорам, клацая по кафелю подковами. Наконец, привёл в допросную – сразу почуял это Прохоров. Стояли три стула посередине, на бетонном полу перед столом. У стены – ширма.

На одном из стульев сидел уже обработанный Гордон, один глаз затёк, сквозь вспухшие губы щерилась чернотой прореха, подбородок и грудь залиты кровью.

– Здорово... ночевал, земляк... – кривясь, выхрипнул Прохоров: свербила, полыхала стерва-боль под рёбрами при каждом вздохе.

Гордон глянул дико. В глазах загнанно дотлевал ужас.

За ширмой шуршала, обрастала приглушёнными взвизгами какая-то возня. Потом всё стихло. Медленными шажками выдвинулась из-за ширмы, пошла к столу мордастая, дебёлая, кровь с молоком деваха – в защитной, расстёгнутой на пышных грудях гимнастёрке, в такой же расклешённой юбке над хромовым сиянием полусапожек. Села. Придвинула бумагу, ручку. Спросила не глядя высоким голосом:

– Фамилия?

– Моя, что ль? – удивился Прохоров.

– Ну, дак. Твоя.

– Вчера Прохоров был.

– Чегой-то вчера? А сегодня?

– А хрен его знает. Может, бобик подзаборный. Может, матрас.

– Какой такой матрас?

– Пыли дюже много с меня выбили.

– Прохоров, значит. У-мный, гляжу. Год рождения, социальное происхождение?

– Слышь, барышня... – с отдышкой выгнал из себя два слова Прохоров, – ты пуговики застегнула бы, что ль, а то, неровён час, титьки вывалятся, в чернилах извазюкаешь.

За ширмой хрюкнуло. Бабёнка подняла глаза. Багровея скулами, стала застёгивать гимнастёрку. Справившись с работой, повторила:

– Год рождения, социальное происхождение, гражданин Прохоров?

– Ты б к делу, барышня, – попросил Прохоров, – а на этот бздюшный запрос и отвечать скучно.

– Гражданка следователь, – поправила бабёнка, – вам ясно?
– Он захатэл о дэле. Спраси его пра дэло, маленькая, – с вороньим акцентом попросили из-за ширмы.

– Как называется сеялка, которой вы обманули комиссию? – торопливо полезла в суть дела следователь.

– АУП.

– Чего? Как?

– Агрегат универсальный...

– Универ...сальный – это как?

– Что ж ты всё какаешь, гражданка барышня, – с досадой попенял Прохоров, – солидная контора, гимнастёрку с хромачами тебе выдали, а какаешь некультурно.

Баба встала, выдвинула ящик стола, залезла туда, выудила наган, заорала, покрываясь бордовыми яблоками по лицу:

– Ещё раз... слышь, сволочь! Ещё раз рот разинешь без спроса – пристрелю как собаку!

Прохоров смотрел в упор. Сплюнул.

– Не дозволят тебе, мадамка, собачий пристрел. Пока не дозволят. Вон тот, что за ширмой, головёнку твою пустую оторвёт за такое. Так что давай про мой агрегат погутаим. Ты сядь, не нервничай, барышня. Фамилия у моего агрегата АУП, что означает Агрегат Универсальный Посевной. Отменяет он напрочь плуг и сеялку для крестьянина.

– От кого народилось из ваших мозгов такое вредительство? – села, через зубы процедила следователь.

– Благо народилось у меня для крестьянина, – терпеливо поправил Прохоров, – благо и облегчение его труда, ликвидация плуга и прибавка ржи с десятины.

– Кто может звать к ликвидации сталинского плуга и советской пашни? Враг и наймит мирового империализма, к тому же... А куда этот АУП ваш делся? Где он на данный момент? – бесхитростно, в лоб тыкнула вопросом сиськастая, свернув с осточертевших зигзагов на генеральный большак – к поставленной перед ней задаче.

– Эх-хе-хе, барышня гражданка. Ты, видать, тоже скусная, сладости в тебе вдосталь, – опять соскочил с допросных рельсов Прохоров.

– Это в каком смысле? – изумилась растеряннo следовательша.

– В смысле харча, пригодности к поеданию. Сосед у нас на Алтае, в Старой Барде, был Пантюхин Никифор. В двадцать первом году, в голодуху, дочке своей голову отпилил и съел её, дочку-то. Потом перед смертью умом поехал, плакал, убивался и всё дочку вспоминал: дюже сладкая дочка была.

– К чему ваш людоедский намёк? – Она на глазах стервенела.

– К тому, что АУП свой задумал я сотворить после Пантюхина. Чтоб во веки веков никому детей своих на скус пробовать не пришлось! – надорванно, со страшной, вдавливающей силой сказал Прохоров. – Прибавку он ржаную даст, десять и более пудов на десятине, прибавку хлеба для народа советского. К тому же плуг заменяет...

– Ликвидирует. Недопонимаете вы политической сельхозлинии на нынешнем этапе, Прохоров. В болото бандитско-кулацкого верхоглядства затащили вас псы Антанты и ваш папаша, матёрый вражина-кулак из Старой Барды, – закаменела и козырнула своим всезнанием городская, в склочной коммуналке обтёрханная деваха с могучим бюстом.

Ей, недавно втащенной в органы похотливым бреднем ОГПУ, далека была теперь ржаная сытость советского народа.

– Памаги человеку, как я тэбя учил, – скушно и въедливо подсказали из-за белой ширмы.

Гражданка допросница между тем зажгла спиртовую лампу. Сняла со стены блестящий узкий шампур, с кольцом на винтовом конце. Стала калить острие на синевато-блэклом язычке пламени.

Руки её взялись короткой судорожной дрожью: одно дело было молоть языком, насобачившись на чекистском жаргоне, другое – кромсать чужую плоть. К этому нужен был иной навык и настрой.

Прохоров смотрел.

– Слышь, дочка... как ты этими руками после меня головки им гладить станешь, кусок хлеба подавать – деткам своим?

Он спросил её тихо и сострадательно. Но был услышан.

– Она всегда моет руки после падали, – любезно пояснила ширма.

Палачиха подняла шампур над пламенем. Солнечно-яркая краснота острия бурела, остывая. Пошла к Прохорову, встала за спиной. Наклонилась, сказала на ухо жертве жалким, рвущимся шёпотом (обморочным ужасом опаляло бабью суть предстоящее сатанинство):

– Потерпи... дяденька... я не задену мясо... под кожей пропущу, поверху.

Она оттянула кожу на спине. И тупо, с хрустом проткнула её калёным остриём. Под кожей зашипело.

– Хо-ро-шо... с-срабо-та-ла, д-дочка... как отцу... родному, – клацая зубами, ронял слова Прохоров. Шибало в нос палёным мясом, чёрный мушиный рой, сгустившись в воздухе, всё уплотнялся, залеплял глаза.

Она смотрела на витой конец шампура. Он дрожал, и кольцо на нём звенело тихим, истеричным колокольцем, разбрызгивая по полу дождевой каплей стекавшую красную струйку.

Тут прорвало её пронзительным щенячьим воплем:

– А-а-а-а...

Дёрнулся, заёрзал край ширмы. Вынесло из-за неё скользящим махом владельца мингрельского голоса – припухло-лысеющую жеребьячью особь с расстёгнутой мотнёй, в пенсне. На рысях подлетела особь к девке, уцепила за талию, поволокла к ширме.

– Иды ко мне, дэвочка, тебе надо отдохнуть. Иды ко мне. Какой лючи отдых от этих скотов, а? Мы с тобой знаем. Оо-о-о! Моя... А-а-а-а-а... моя рыбка... мой свэтлячо-о-ок... о, мадлоб, о-о-о шени чериме... о-о-о-о...

Взорвался воплем, взревел от мрази творившегося привязанный к стулу Гордон:

– Скажи им, Никита, где АУПная твоя железяка... будь она проклята и ты с нею, сволочь. Под монастырь подвёл, как чуял я тогда, связываться не хотел... Скажи им, где спрятал! Ведь сдохнем! И никто, никогда...

Обмяк, обвис на стуле мясным бескостным мешком. Уставился на дёрганный, ритмичный припляс двух теней за ширмой. Оттуда нёсся, повышаясь в тоне, визгливый хрюк случки.

– Слышь... Никита, куда мы попали?! – с омертвелым ужасом спросил Гордон.

– В скотобойню, Борис, – со стоном выхрипнул Прохоров. Собрал себя в комок. Заволакивала глаза чёрная пелена. Закончил, обращаясь к ширме, надрывая последние силы:

– Не рожай от него... девка... шакалёнка с клыками выродишь... он тебе тут же титьку отгрызёт... они молоко с кровями человечьими потребляют.

За ширмой откинулся комиссар на спинку кресла. Закрыв глаза, поплыл в нирване.

– Иды, работай, маленькая. Со вторым. Первый протух, воняит. О-о-о, шени чериме-е-е-е... мадлоб, дорогая.

Она сползла, содралась с чмоком с кола. Оправились ватными руками. Шатаясь, заковыляла к допросному столу. Добравшись, рухнула на стул. Со всхлипом втянула воздух. Мутными глазами, нашарив Гордона, спросила в два приёма:

– Фа... милия?..

– Гордон Борис Спартакович, – с собачьей мольбой вползал он в глаза палачихи.

– Место работы?

– Председатель Губпродкома Ставропольской губернии.

– Признаёте, что поддерживали и отпускали деньги на изготовление антинародного изобретения Прохорова с целью опорачивания и дикрис... дисик... *(упёрлась в слово, прочитала его по слогам)* дис-кри-ди-та...ции сталинского плуга и развала сельского хозяйства в СССР?

– Позвольте всё досконально пояснить, гражданка следователь! Я перед вами как на исповеди, всё выложу, от чистого сердца. Когда он прибыл ко мне с деревянным макетом АУПа, я сказал, что дело это скользкое, райкомземом и райкомом партии не одобренное. И не дал денег!

Завозился, поднял голову, выстонал Прохоров, выгораживая земляка:

– У тебя снега... зимой... не выпр-р-с-ш... жмот поганый.

– Тогда как же вы, Прохоров, изготовили свой вредительский аппарат? – крепла голосом, отмораживалась следовательша. – На какие шиши?

– Сами, тайком с кузнецом Мироном, на свои сбережения. Они не то что меня, даже агронома Орлову к себе в этом деле не подпустили, – открешивался, предавал Гордон.

– Слышь, гражданин... который за ширмой, – уставился на ширму Прохоров, изнемогая в слизняковой паскудности земляка, – я теперь с шампуром в спине мысли чужие на раз читаю. Твоя шмара допросная, знаешь, что про тебя удумала? «Кобель черножопый, всё внутри порвал. Ещё раз полезет – застрелю».

Наполнялись тинно-болотным испугом глаза девахи. Взылась на стуле, заверещала:

– Брешет эта сволочь, товарищ комиссар!! Я ничего такого про вас...

Комиссар вышел из-за ширмы. На лунном, несущем слепащие кругляшки лице плавилась снисходительная умудрённость.

– Не волнуйся, маленькая. Ты нэ можешь так думать обо мне. Я снюсь тэбэ каждую ночь, и ты просыпаешься мокри. Эта пададь хочэт нас увэсти в сторону. Нэ дадим. Нэ пойдём ми за ним.

Подошёл к Прохорову, выдернул шампур из спины.

– Тэпэрь не будем читать чужой мысли, да-а?

Достал фляжку, полил красную спину коньяком.

– Значит, нэ поддержал он тэбя?

– Сказал уже.

– Ц-ц-ц-ц. Дэнги тоже нэ давал?

– Он да-аст... догонит и ещё раз даст.

– Ай-й-й-й, – сокрущённо соболезнавал комиссар. Страдающе спросил у Гордона: – Совесть у тэбя есть?

Взял планшет со стола, окантованный никелированными уголками, проворно, с разворотом въехал железом в зубы Гордону.

– За что-о?! – охнул, плюнул кровью и зубами Гордон.

– Эсе-се-сер голодает, отцы детей своих поголовно кушают! Изобретатель, светли голова, приносит тэбэ агрегат, котори поднимает урожаи. Ти, бюрократ, ему сапоги целовать должен, если патриот Родины, а ти, сука, сволыщ, павернулся к изобретателю толстым жопом. Дэнги не дал. Расстрелять тебя мало. Расстрел надо заслужить чистосердечной признанней. Кто тибя научил гробить гениальный изобретений?!

– Я поддержал! Дал немного денег! И ещё металл, инструменты, гайки, болты... Никита, скажи! Я же давал?! – рыдающе молил Гордон.

– На что ты давал дэнги, инструмент, болты? Чтобы этот враг народа своим вражеским агрегатом завёл всех в заблуждений, а патом ликвидировал сталинский плуг, чтобы падарвать наше сельское хозяйство, чтобы апят родители своих дэтэй кушали?

Стекленили в безумии глаза начальника Губпродкома, увязнувшего в сатанинских зигзагах чужой и неуловимо склизкой мысли. Слаб и заземлённо ползуч оказался его разум для погони за комиссарским допросным полётом. Заплакал Гордон:

– Но я... сначала отказал, а потом... это... под... под... Диктуйте, гражданин комиссар, что подписать надо!

– Пачему ми должны диктоват? – удивился комиссар. – Сволокут в камеру – вспоминай как было. Какой шпион из какой страны к тэбэ заходил. Что обещал за ликвидацию прогресса в эсе-се-сере. Чем запугал? И дэтали, дэтали нэ забывай. Продолжай, маленькая, с пэрвым работать.

И снова завис конец шампура над пламенем спиртовки.

– Комиссар, не боишься, что придёт время и гнусь эту дети, внуки наши прочитают? А потом кости твои из могилы вырют и собакам бросят? – спросил Прохоров. Но не успел дожждаться ответа: поплыло всё перед глазами, заволакиваясь пеленой. Затем кануло в небытие.

– Уведи эту жабу в камеру, – кивнул на Гордона комиссар. Дождался, когда захлопнулась дверь за двумя. Сел против Прохорова верхом на стул, стал ждять, рассеянно ползая блескучим взглядом по бетонным стенам, плямкая губами. Ждал, когда эта пададь очнётся...

Берега прозы

Елена Крюкова

Елена Крюкова живёт в Нижнем Новгороде. Поэт, прозаик, культуролог, литературный критик. Окончила Московскую государственную консерваторию (фортепиано, орган) и Литературный институт им. М. А. Горького. Член Союза писателей России, Творческого Союза художников России, Издательского совета Русской Православной Церкви. Автор книг стихов и прозы. Лауреат премий: им. М. И. Цветаевой (2010), журнала «Нева» (2012), Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2014, 2016, 2019, 2021, 2022, 2023), им. И. А. Гончарова (2015), им. А. И. Куприна (2016), им. Э. Хемингуэя (2017, Канада), Южно-Уральской премии (2017), им. С. Т. Аксакова (2019), им. Ф. И. Тютчева (2020), журнала «Север» (2020), им. Н. Н. Благова (2021), журнала «Берега» (2021), им. С. Сергеева-Ценского (2021), «Молитва» (2021), им. Б. Корнилова (2022), «Есть только музыка одна» (2021, 2022), «Слово и музыка» (2023), им. Н. С. Лескова (2024) и др.

Публикуется в литературных журналах России и стран мира (Франция, Германия, Болгария, США, Канада). Создатель авторского «Театра Елены Крюковой».

Революция

Глава из романа

ОБРАТНЫЙ ХОД ВРЕМЕНИ. ДЕВОЧКА С КУРИЦЕЙ

Все всегда чем-то и кем-то пользуются. Слышишь? Кем-то. Чем-то.

Мы едим еду, Рик, значит, мы пользуемся едой. И она нам полезна, пусть даже из опилок. Благодаря еде мы не умрём. Ну, умрём, конечно, но не так быстро, как без еды.

У нас тут, во тьме, еды нет.

А ведь мы, мы все, были на Земле для Того, Кто – едой.

Живой едой! Бегали, прыгали! Работали! Во славу его, Того, Кто? Он нам внушал: во славу самих себя. Хочешь жить, умей вертеться, – вздыхала моя покойная мать.

Ещё мы были для него – воздухом. Он – нами – дышал. Мы были – его лёгкие. Кровавые тряпки, пузырчатые лепестки, порванные знамёна неистовых площадных торжеств.

Помнишь те торжества? Я – смутно. Я не помню, искренне оно летало, вспыхивало и взбрыкивало, это веселье, или из-под палки. Мы чуяли палку рядом, и что она занесена. Над головами.

Тот, Кто! Грядущий враг! Или – настоящий друг? Властитель, опекун, заботник?

Рик! Как мы – все – верили – в него!

В него одного!

Ведь он один стал во главе всей Земли! Смог!

Он – один – смог! И никто больше!

Никто, кроме...

Ты помнишь, он нас то ласкал, то пугал? То голос его разносился громоподобным рыком из всех усилителей на всех площадях и улицах: сегодня вам несказанно повезло, любимые мои дети! Каждый третий из вас получит от меня в дар дополнительную буханку нашего изумительного, ароматного хлеба! А каждый второй – новые цифры на ладонь! А каждый десятый – новые чудесные цифры на умное, смышлёное чело! Цифры, цифирки, золотые жуки, вон уже ползут по лбам, по вискам, стекают слезами радости по щекам! Не забудьте теснее, ближе встать на площади, под синим светом обеззараживающих фонарей, крепко прижаться друг к другу, улыбнуться – глазами, губами, всем сердцем, и сделать на память ваше почётное, праздничное изображение, пусть плывёт века напролёт в изумрудном экране вашего драгоценного гоуфона!

То гремел он незримо со всех городских башен: если кто ослушается!.. если кто оступится!.. если кто затаится!.. если кто солжёт!.. если кто восстанет!.. против меня, благодетеля и Владыки вашего!.. того ждёт страшная кара!.. невысказанная казнь того ждёт!.. Люди! Слушайте меня! Я не позволю злу завладеть вами! Любите меня! Ведь я вас люблю! Склонитесь передо мной! Восславьте меня! Молитесь мне, ведь я ваш Бог!

Да. Я вспомнила. Он в открытую называл себя Богом.

Рик. Он всё врал нам о том, что он хороший.

Никто не знал, куда исчезали люди, ещё не старые, ещё не при смерти; по ночам, когда выключались мертвенно-синие кварцевые фонари, по мрачным улицам разъезжали вёрткие железные повозки, похожие на громадных чёрных пиявок на колёсах, блестели лаковой горделивой сталью, распаивались дверцы, и человек, беспечно шедший по улице рядом с повозкой, втягивался в неё, будто сам обратился в железо, а в повозке прятался мощнейший магнит.

Хлоп! Стук дверцы. Повозка взмывала над каменной кладкой. Беззвучно летела вперёд, ловко огибая торцы домов, металл памятников и редкие чахлые деревья.

Люди передавали из уст в уста страшные рассказы о ночных похищениях.

Когда их спрашивали: кто в этом виновен?! – люди прижимали ко рту палец и в страхе мотали головой: не знаю, не знаю, нет, не знаю.

Мне однажды сказала старуха Вита из нулевого подъезда: знаешь, детонька, а их там съедают. Жарят и съедают, ведь это живое мясо. Я заорала на старуху Виту: как ты можешь, как язык твой поворачивается выбалтывать такую жуть?! А она стояла передо мной, сгорбленная, суглобая, древний вязальный крючок, беззубый рот её испуганно, беззвучно шамкал, не в силах выпустить наружу отчаянный крик. Она пыталась сказать мне правду, а я своим воплем заткнула ей впадину никогда не солгавшего рта. И она вправду прислонила изморщенную, всю в орнаменте набрякших жил руку ко рту и побрела прочь от меня, молча, обречённо, приговорённо, и ноги её волоклись по городским камням, она не могла идти, но всё равно шла. А я всё равно глядела ей вслед.

И подумала: а ведь я когда-то такой же стану.

И буду еле брести; и буду тянуть руку, чтобы кто-нибудь сердобольный в неё кус хлеба положил.

А кто-то злой – положит камень.

И я даже не смогу сжать камень в кулаке, чтобы бросить злоке в спину. Я поднесу камень ко рту, как хлеб, и лизну его, и поцелую его, и заплачу над ним.

Когда Тот, Кто стал злой, а он стал злым однажды, он требовал от нас покорности. Он приказывал нам: поклоняйтесь мне! Мы пытались. Но я видела: кто-то лишь играл в покорность. И кто-то смеялся, нахально скалился, когда по площадям раскатывался гром его речей: верьте мне! Верьте в меня!

А тут, как назло, помнишь, то солнце палило нещадно, выжигало щёки Земли и груди её, и торчали под солнцем и луной белые кости её безводного, дикого черепа. Засуха, нет чистой воды; мы пьём грязь из лужи, мы, последние воробьи. То Землю трясло, лихорадочно, жарко, рушились здания, небесные камни валились наземь, сбивали людей с ног, прожигали крыши; занимались высоким неостановимым огнём отошальные, хилые леса. Люди погибали, хоть и не было войны. Земля сама расправлялась с нами. За что она наказывала нас? А старухи и старики тогда скорбно шептали, бродя среди людей, бормотали еле слышно, а люди всё равно их шёпот по складам разбирали: близок час, уже при дверях, молитесь, люди, Богу забытому.

Я спросила однажды старуху Виту: а какой он, наш Владыка? Кто его видел хоть раз? Кто запомнил? Старуха Вита ближе, ближе подшаркала ко мне слабыми, кривыми ногами. «Он похож на зверя, детонька, и на башке у него рога острые, и зубищи изо рта торчат длиннющие, до подбородка. А вместо бороды у него язык пламени, и то пламя вечно горит, не погаснет. А пасть распахнёт – огонь вырвется наружу. Сам он, весь, есть Пекло!» Обман твои слова, смеялась я, такого в жизни не бывает, все люди как люди, и Владыка – человек. «Он не человек, – мотала седой головой Вита, – у него правый глаз как у льва, а левый как звезда алая, и лучи её такие жестокие, что тебя мигом насквозь проткнут. Потому глядеть ему в глаза нельзя. Пальцы скрючены ножами секирными, стопы громадные, как железные лопаты, а на лбу у него огнём начертано запретное имя его».

Имя, я кричала, имя! Как же по правде его зовут?! Того, Кто...

Он сильный, бормотала дальше Вита, плела языком безостановочно, бредила, он лжёт на каждом шагу, каждым словом лжёт и хитрым взглядом, и, если мы ещё неведомое время его над собою будем терпеть, наше терпение нам нашей смертью аукнется. А кто же его такого родил, сжимала я бессильные кулаки, кто его – из себя – вытолкнул – из утробы – на свет?! Какая мать?!

И тут старуха Вита замолкала, шаталась, будто выпила пьянящего хао, ноги её подгибались, будто выстрелили в неё и ранили её, и она садилась на землю. Её обтрёпанная шапка напоминала гриб: такие росли вдоль стен в старом страшном подземелье, говорили, там раньше, века назад, ходили поезда, такие же, как на поверхности Земли. Обычная мать, выдавливая из себя Вита, и плечи её мелко тряслись. Баба обычная! Что такое баба? Женщина. А кто в ней такого ребёнка зародил? Сатана. Вита! Что ты несёшь! Кто такой Сатана?!

Старуха поднимала перед собой, проклиная кого-то незримого, маленькие, высохшие до кости, коричневые кулаки. Сатана, доченька, это царь смерти. Всеобщей смерти. Он передал сыну по наследству эту жажду. Владыка наш не успокоится, пока всех нас не перестреляет, не перевешает, всем головы не отрубит.

Я кричала: да зачем Владыке такие люди?! Мёртвые! Разве живые не лучше?! Живые – живут, едят-пьют, работают, детей рожают! Жизнь продолжают! А он что, хочет прекратить жизнь?!

Да, да, хочет, хочет, мелко, как тряпичная кукла, трясла головой Вита, и седые патлы выскальзывали у неё из-под грибной помятой шапки и снегом падали вдоль щёк.

Она замолчала. Я пыталась обдумать её слова, но страх, ворочающийся внутри меня, в моём животе и подо лбом, мешал мне мыслить. Мысли исчезли. Их место занял страх. Один только мрак и страх. Вселенский страх: он наполнял собой мир вокруг меня, как лиловая отравная настойка из герданики – щербатый стакан.

А может... а может... он прекрасен!.. может... красавец он...

Старуха оборачивала ко мне почернелый потусторонний лик. Я садилась на землю напротив неё. Мы смотрели друг на друга, как мать и дочь. И мы обе напоминали мне гравюру из старинной книжки, что валялась на самом дне отцова сундука. На странице из чёрных и белых полос складывались две фигуры. Старуха и девушка. Они сидели на земле друг против друга, молча глядели. В их глазах читались все судьбы. Все жизни, какие суждены были человечеству, и не было в этих остановившихся глазах ни надежды, ни будущей радости; только боль и ужас перед тем суждённым, что должно совершиться.

И мы, живые, становились этой чёрно-белой гравюрой: снег и уголь, сугроб и сажа, непроглядная ночь и крупные зёрна звёзд.

Детка... зверь всё равно погибнет... от руки...

От чьей руки, бабушка?

От руки Христа.

Кто он такой? Герой? Он живёт среди нас?

Нет. Он только ещё придёт.

А когда? Мы – доживём?

Старуха Вита прикрывала выпуклые бельмастые глаза тяжёлыми веками. По руслам, извивам её многочисленных морщин-письмен катились светлые горошины слёз.

А тебе так охота дожить?

Я хочу увидеть их лица! И красавца... или там зверя... всё равно... и этого твоего Христа!

Он не мой. Он – для всех.

Над всеми – тоже Владыка, что ли?

Он единственный Владыка. Он – Бог.

Так это и есть Бог? А почему мы о Нём не знаем? И ты вот знаешь, как Его зовут, а никто не знает, и я – не знаю? Откуда ты знаешь это всё, Вита?

Старуха наклоняла голову, будто у неё ломалась шея, и слёзы капали ей на подол длинной дырявой юбки. У меня была длинная, длинная жизнь. Я ещё застала иное Время. И Тот, Кто... ещё не родился. А теперь он влез на пьедестал. И стоит там, возвышается. А мы глядим на него снизу вверх. И скоро, скоро...

Что – скоро?! Говори!

Корень вынули из земли. Отсекли корню голову. Нежная кровь течёт из ран, из порезов. Целебные жидкости исчезли. Исчезло честное слово. Теперь никто не клянётся. Все только оскорбляют.

Дерутся. Друг на друга кулак поднимают. Или молчат. Изронить слово опасно. Могут казнить. Скоро иной художник напишет его портрет. Того, Кто. Красавца твоего. По лицу его узнают его. Многие будут украшать его лицо гирляндами, сухими цветами. Водить вокруг него хороводы. Звать его, живого: приди! как ты есть! во плоти! хотим тебя видеть, кинуться на колени перед тобой!

И когда же это случится?! А нам не всё ли равно, когда?! Может, нам на этого красавца наплевать?! А зверя – ну неужели зверя никто не подстрелит?! Найдётся смелый!

Не найдётся. Никогда. На Того, Кто найдётся только Бог.

Но ведь все вокруг считают, что наш Владыка и есть наш Бог!

Помоги мне подняться, доченька.

Я вскочила на ноги, подала руку старухе. Она тяжело, кривя рот, скалясь, хрипло и трудно дыша, встала; не я, а невидимый силач поднял её, как кочергу, с худосочной земли, и уродливое, измятое тоскливой жизнью лицо её всё было мокро от слёз.

Ты живёшь внутри обмана. А я – внутри правды. Внутри правды трудно жить. Но легко умирать. Я скоро умру. Слушай меня. Никто тебе не скажет. Только я. Не верь ложным чудесам. Не верь лживым посулам. Речам обманным не верь, и не лети на огонь лжелюбви. Кто красно говорит и слишком жарко обнимает, тот на деле желает тебе гибели и забвения. С кого вместо пота льётся сироп, а из свежей раны вместо горькой живой крови льётся сладкая патока, тот предаст тебя быстро и подло, и не охнет, и о том никогда не пожалеет. Люди разучились нести груз греха. И во грехе каяться. Они сейчас умеют лишь жить во грехе. Люди не умеют нынче просить прощенья. Вот ты. Ты просила прощенья когда-нибудь? У кого-нибудь?

Рик! Я устыдилась. Ведь не просила! Никогда и ни у кого! Что мне было делать?

Мы обе ожили и сошли наконец со старинной угольной и метельной гравюры. Снег посекал нас, бил белыми верёвками, с потягом, безжалостно, наши лица, юное и умирающее.

Я сложила руки лодочкой, поднесла к груди, так стояла. Бабушка, прости меня. За то, что я тебя обижала. Я больше так не буду. Я...

Рик, я сказала ей это.

Я люблю тебя, Вита.

И она заколыхалась вся, всем уходящим с земли тщедушным иссохшим тельцем, ухватила ручонками-клещами за мои плечи, улыбалась беззубыми дёснами, а мелкие речные жемчужины слёз всё сыпались, сыпались с её сморщенных щёк ей на грудь, на ветхие рукава изношенной кофты, на фартук, на юбку, на сухую бесплодную землю у неё под ногами в тяжёлых, велики ей, безобразных, как разбитые дорогами железные повозки, башмаках.

Над нами надо всеми царит Тот, Кто.

Нет конца владычеству его.

Или – есть?

А на Марсе, нашем двойнике, вот я всё думаю, есть такой Тот, Кто, или нет его? Только ли на Земле безраздельно царствует Владыка? Только ли над Землёй нависло огромное чёрное крыло его власти? Я задавала тебе этот вопрос, Рик. Ты брал моё лицо в ладони, смотрел на меня сперва нежно, потом строго и мрачно. Мы ничего не знаем, Кира. Нам назначено только рождаться. Идти. Лететь. Умирать. И снова жить. Ты думаешь, Марс – спасение? И если мы туда прилетим, мы построим там новую прекрасную жизнь? Ничего подобного. Мы повторим сами себя. Мы зеркалом отразим на другой планете все наши грехи. Все преступления. Всю ничтожность нашу. И среди нас там, на Марсе или я уж не знаю где, возникнет точно такой же Тот, Кто. Возникнет, будь уверена! А может, там, на Марсе, нас уже ждёт его двойник. И мы прилетим, наивные дураки, и двойник восторжествует. Пища прилетела! Еда! Человек человеку ведь издавна был едой. Зверь пожирает зверя. Живое питается живым. Марс, Земля, Венера, Юпитер – да всё равно. У Космоса одни законы. Если на Сатурне нет земной жизни, там есть иная. Живёт всё. Все планеты живые. Мы до сих пор не научились слушать, как бьются их сердца. Мы и Землю-то нашу не ощущали, как живую. Мы её резали, взрывали, отравляли, корёжили, пытали, убивали. Так чем же мы лучше Того, Кто?

Тогда, в тот день, когда мы увидели вдаль, на туманном, облачном горизонте, этот клятый Дворец и решили пойти к нему, ближе, ближе, мы думать не думали, что за нами увьются люди, люди, сначала отдельные, одинокие, без спутников по земле бредущие, потом люди всё прибывали, толпа

росла, ширилась, уплотнялась, люди сбивались в комки и распадались на живые клубки, на клубы мощного дыма, на потные рваные тучи, только тучи бежали-летели не по небу, а по земле; люди брели, ковыляли, спотыкались, а кто шёл ровно, быстро, неколебимо. Молчали. Изредка в толпе всплывал голос и взлетал над головами. Головы в шапках, странных и смешных шляпах. Голые головы. Головы в шелках, в старых платках, обвязанные странными яркими атласными тюрбанами. Лица широкие, лица узкие, восточные, раскосые, жёлтые, чёрные. Народы давно перемешались. Они объединились сегодня, внезапно и угрюмо. Зачем они шли за нами? Мы с тобой чуяли лопатками: между ними все-ми катился пот испуга, – назад путь закрыт. Кем закрыт? Вокруг необъятное поле. Непаханая земля. Земли у людей много. Они её уже не любят. Не знают, что делать с ней.

И мы с тобой шли и шли, не тратя лишних слов.

Ты закрыл рот на замок. Я воображала: вот мы идём, вожди, и ведём за собой войско. Оно родилось из тумана само собой.

– Рик, а эту землю, вокруг Дворца, будут бомбить?

– Смотря кто нас убивает. Мы же не знаем, кто. Может, войска Владыки нас и убивают. Разве у нас есть враги? Мы же... живём на единой и неделимой Земле!

– Враги могут быть не у нас. Они... могут... восстать против Владыки. Так мне старуха Вита сказала.

– А, Вита из нулевого подъезда! Такая смешная бабуля! Добрая такая! Корка сухая! А внутри мягкая, как масло! Всё ходила и плакала! Ходила и плакала! Её недавно сожгли в Бессмертной Печи.

– Я не знала.

Шли и катились. Шли и падали. Шли и ползли. Шли и всё прибывали, прибывали. Толпа сама себе напоминала реку. Я ощущала это всей кожей. Я стала тогда видеть кожей, пальцами, шевелящимися на ветру волосами. Затылок мой светился, и я тоже это чувствовала. Будто глаза у меня выросли на затылке. Я всё видела сзади, и как чудовищно растёт моя толпа, она грозно, плотно шла за нами с тобой, Рик, иногда она устрашающе обнимала нас, потом размыкала клещи, опять нас обтекала, будто мы были живой шаткий остров, и шли по глади океана, сухопутных четыре ноги, пустынные руки сплелись.

Мы видели перед собой Дворец; он придвигался к нам, он тоже шёл по земле, понятно, это была иллюзия, обман зрения, старуха Вита бормотала, что теперь всё обман, но вот ведь правда, и каменные дома, медные, железные, золотые и мраморные, оказывается, ходят, как люди и звери, они тоже умеют ходить, даже плавать, как рыбы, и членистоного, сумасшедшие шарахаться по выжженной земле, по жареной корке жизни, и мы, многоногая толпа, перебирая ступнями, лапами, ластами, хрупкими ножонками на суставных шарнирах, клацая ядовитыми жвалами, глядя чистыми ангельскими глазёнками в дрожащих рамах широко распахнутых ресниц, стремились навстречу; мы катились ко Дворцу, а он шёл к нам, и я слишком поздно поняла – это не обман, он правда умел ходить, его поставили на железные колёса, и он бежал нам наперерез, как необъятная, величиной с Юпитер, железная повозка; а ты, Рик, ты сжимал мне руку, пожатъем ломая кости, и я стонала и руку пыталась вырвать, но ты не отпускал. И теснее, страшнее смыкалась толпа вокруг нас, она дышала и шептала одной обезумевшей головой, передвигала размноженные на весь мир одни ноги, мы с тобой задохнулись, вращались в толпу, становились её частью, и мы шли, неуклонно и дико, брать этот сатанинский Дворец, и что я сама себе должна была шептать тогда?

Меня никто не слышал.

Старуха Вита! Чем мне себя подбодрить!

– С нами Бог.

Какой Бог? Где Бог? Молчи уж лучше. Никого не смей. Тебя тут задушат за Бога. Насмеются над тобой. В Него никто не верит. Давным-давно.

– А Дворец-то трудно взять! Трудно!

– Идём, люди, шевели ногами!

– У тебя есть оружие?!

– Вот! За пазухой. Огнестрел.

– А у тебя?!

– Настоящая базука. Под плащом.

– Можешь вынимать. Ещё далеко. Никто не увидит.

– Могу. Далеко, близко – всё равно.

Голоса людей, если их много, толпа, если ты катишься вместе с ними в необъятном людском вареве, ветками, шишками, щепками, сухой травой в огромном, чудовищном шаре военного перекасти-поля, становятся спицами, пиками, копьями, штыками: они могут колоться и колоть, они приобретают свойства холодного оружия, и живой крик может остро, больно войти тебе под ребро, под лопатку, насквозь проткнуть плечевой сустав, воткнуться в незащищенный живот. Крови-то сколько! А это совершило лишь одно слово. Просто – резкий, разящий крик! Крик вылетел из глотки и врезался в тебя, бегущего наперерез! Кто кого! Не нож, не пуля – просто крик тебя поразил! Ранил, разрезал! Рассёк! Надвое, натрое! Ты, изувеченный, валяешься на земле, на высохшей зимней траве, истекаешь кровью, истекаешь жизнью. А крик играет и сверкает над тобой! Крик, как наточенный нож, вертит перед тобой враг, и лезвие в звёздном свете вспыхивает синей молнией! И мой крик – тоже оружие в толпе, он колет, режет, бьёт, он высверкивает перед глазами и сердцами солдат смертью и победой! Все мы – солдаты! Все нынче воины. Разрушим то, что суждено разрушить! Растопчем! Взорвём! Мы не боимся ничего! Не страшимся всего, чем нас от века пугали! Чем нас мучили и проклинали! Теперь мы будем мучить и проклинать! Мы – победим! И мы – восторжествуем! И мы – да! – отомстим! Жалости – нет! Прощения – нет!

Мы катились неостановимо, неуклонно, преград нам не было, ну какое чистое поле преграда, поле как небо, оно необъятно и тоскливо, и многоногая и многорукая толпа перебирала ногами, мельтешили ноги, поторапливались, – и чем ближе мы многоглавым потным, жарким клубком подкатывались ко Дворцу, тем я сильнее ощущала в себе злость и дерзость. Да! Злость! И наглость! Вот попадись мне сейчас сам этот противный Владыка, хоть урод, хоть раскрасавец – своими руками задушу! Расцарапаю ему морду, выцарапаю зенки!

Я всё больше становилась невменяемой бандиткой.

А толпа вокруг меня всё больше становилась народом.

И вот – наконец – вдруг – она стала – народ.

Я не уловила этого момента.

И поделом мне.

Только вокруг меня, толкая меня то в бока, то в спину, попадая слепым локтем мне в живот, бежал – народ.

Он бежал брать Дворец.

Он восстал.

И мы, Рик, мы восстали вместе с ним; и мы тоже были – народ.

Мы прищуривались и видели на бегу – охранники Дворца уже успели возвести вокруг него защитные укрепления, железные и каменные, и даже деревянные, я различила бревенчатую кладку, заслонявшую входы и окна. Безопасность! Слуги Того, Кто о ней пеклись. А как же! Он не должен никогда помереть, ведь это мы смертны, а он – вечен.

– Ребята! Помните! Враг хитёр! На всё способен!

– Ну да, да! Вылезет и нападет там, где не ждёшь!

– Да что там! Люди! Напрасно всё! Он уже вызвал подкрепление! Сейчас сюда прилетят винтовые птицы!

– Бери выше! Самолёты! И высыплют на нас ворох бомб!

– А может, сюда уже бежали?! Такие же, как мы!

– Да!

– Уже восстали! И их – расстреляли! С земли, с неба, всё равно!

– Откуда ты знаешь?!

– А вон! Кровь на чернозёме!

– Эй! Не только кровь! Тут – трупы!

Мы бежали мимо убитых. Мы – бежали – по убитым. Оказывается, самые храбрые, нетерпеливые уже ломились сюда, к Тому, Кто, а их всех застрелили. Человек – хитрющий зверь. Века назад он выдумал такую штуку – пулю. Она вылетает из железной трубки, и летит, и находит живое, если выстрелить метко.

Пуля летит. Я могу её рассмотреть на лету. У пули впереди глаза. Они чёрные, непроглядные. Две метины. Два паучьих зрачка. Два зрячих родимых пятна. Пока пуля летит, глаза разгораются. Из чёрных становятся золотыми, сверкающими. Пуля увеличивается в размерах. Растёт, раздувается. Она уже не пуля, а золотая рыба. Глаза холодные, дегтярно-красные, с голубым небесным отсветом, скользкие, в подводной слизи, недвижные; пуля видит ими жертву. Вот пуля уже огромная. Огромней Земли. Вот она уже мир. Весь мир смертью летит в тебя, и сейчас он в тебя войдёт, ранит, и, оказавшись внутри тебя, внутри твоих живых, болезненных, смотанных в бешеный клубок красных потрохов, тебя убьёт.

Вот вы столкнулись! Пуля и ты! На кромке жизни! На её обрыве!

И пуля в мгновение ока снова стала маленькой. Крошечной.

И безглазой.

Слепой.

Железной.

Теперь она уже не видит. И не слышит. И не чувствует.

Чувствуешь, слышишь и видишь – ты.

Ты видишь, слышишь и чувствуешь твой последний миг в мире.

Прежде чем упасть мёртвым, оглядываешься. Сколько тебя бежит вокруг! Вот ты, и ты, и ты! Это всё ты! Ты кричишь! Ты поднимаешь выше знамя! Ты целишься! Ты стреляешь! Ты падаешь! Опять падаешь! Опять твоя смерть! Рядом с тобой! А ты ещё жив! Пока – жив! Навеки – жив?! Кричи! Пока есть силы кричать! Твой крик услышишь ты, другой! Подхватишь! Знаменем вдаль понесёшь!

Мы неслись вперёд, бежали по трупам и спотыкались, и кто-то падал бессильно, и по нему, по спине и груди, бежал разъярённый народ, и упавшего – затапывал в ослепление чугунного звонкого бега, а кто-то вцеплялся в руку несчастного, раздавленного сапогами и башмаками, рвал его вверх, с земли, рвал его в небо, из могилы – опять в жизнь, и удавалось спасителю – затоптанного – поднять, и волок спаситель полумёртвого – за собой, за собой, по убитым, по недвижным телам, по земле, сытой кровью, по Времени, что всё никак не заканчивалось, что длилось и длилось – и для живых, и для покойников.

Расстреляют нас! Так же, как их! Кто валяется у нас под ногами!

Что же нам делать?

Есть ли спасение?

Или когда отважишься восстать, спасения нет?!

Я на бегу искоса оглядывала тех, кто бежал рядом. Оружие у нас имелось не у всех. А у нас с тобой, Рик, его не было и подавно.

И поле, только чистое поле вокруг, комковатая смоляная земля, подмёрзлые её сгустки и разломы, ни ветки не отломить от мёртвого ли, живого дерева, ни палки остроконечной не найти.

Вы! Там! Охрана! Вам всё равно не продержаться!

Вас много, а нас ещё больше!

Мы вас – собой – задавим!

– Люди! Куда вы?! Вы же бежите на смерть!

– Заткни пасть! Лучше смерть, чем такая жизнь!

– Какая?! Ну какая!

– А под пятой у Владыки! А мы – свободны!

– Да! Нам нужна другая Земля!

И весь народ подхватил этот радостный, заполошный вопль:

– Другая Земля! Другая Земля!

А тонкий истошный крик, почти рыданье, совсем рядом, опять взлетел над головами.

– А кто из вас видел Дворец внутри?! Вы не представляете, что там! Там...

Другой человек закричал, мощным густым басом, подземным гуденьем обволок бегущих, дышащих хрипло.

– Там одних лестниц – двести штук! Вверх, вниз ведут! Одних залов – сто, двести, нет, вся тысяча! Укромных спален, кладовок, хранилищ – не счесть! Там можно армию спрятать! Армию, люди! Слышите?! И армия – там – сидит!

– Затаилась!

– Остановитесь! Повернём!
– И что?! Дальше терпеть?!
– А толстые стены этого Дворца гиблого! А у нас ни тарана, ни взрывчатки!
– А кто его знает, Владыку, может, это и не Дворец вовсе, а громадный самолёт! Мы подбежим, а он фр-р-р-р – и взовьётся!
– И с небес из пушек нас всех покосит!
– Ребята, для огнестрелов у всех патроны есть?!
– У меня – мало!
– Они нас всех враз расстреляют! Пока мы сопли утираем!
– Не всех!
– Пусть – к осаде – готовятся, дряни!

Осада. Сражение. Неравный бой. Куда мы бежим?

Белый, безглазый череп. Он из потного марева пустыми угольными глазницами глядит на меня.

Никто его не видит. Народ бежит.

Бежать – вот великое дело.

Чтобы достигнуть цели, надо бежать.

Помнишь, Рик, я схватила тебя за руку. Больно, цепко.

И попыталась, на бегу, задыхаясь, не останавливая общий страшный бег, выхватить тебя из него. Из лютого гнева и земляного, дымящегося варева народа.

...И я, на бегу, глядела вокруг, я впервые видела лики моего народа; я же никогда не наблюдала так много людей сразу, и я впервые видела мой народ в лицо, и я поражаюсь бессмертной красоте лиц, ещё ошалело орущих, и плачущих, и верящих в отнятое у них любимое-святое, ещё потных и румяных, ещё перекошенных жутью проклятья и ярости, ещё – живых.

...Близко стены. Различаем ограждения. Видим жерла пушек. Они, там, готовы к бою.

Да ведь и мы готовы.

– Можно стрелять?!
– Ближе подбежим! Рано!
– Раны! Какие раны?! Ранило кого?!
– Рано стрелять, дурень!
– А может, у них пушки не стреляют?! Гляньте, старые какие! Из-под земли выкопали!
– Тупица! Любое оружие стреляет, если – зарядить!
– А глянь-ка, навстречу нам пушки-то выкатывают! Перед оградой!
– Ну, всё... сейчас начнётся...

Я резко оглянулась, будто меня в спину ударили.

Да. Меня меж лопаток ударили взглядом.

В гуще народа, меж чужих бегущих ног, коленей, голеней и ляжек, бежала, ножками смешными перебирала – странная девочка.

Все были тёмные, безумные, мрачные, угольные, угрюмые, орали чёрными ртами, мелькали, скалясь, гнилыми зубами и пьяными от гнева и боли языками, во всех горело неукротимое траурное пламя, все превратились в единый вой разверстого подземья, а она – одна – бежала – светлая.

Светящаяся.

Радостная.

Золотая.

Сгусток, комок живого золота.

И не твёрдость металла. Не звон военной стали. Вся прозрачная. Белое призрачное платьишко весело колыхалось на ней и над ней, взлетало, опускалось опять, крыльями бредовой бабочки. Или ночь напролёт снящейся птицы.

Поясок тугой; платье лохматится, оно порвано, ветром ли, старостью, страстью чужой, то ли изношено в прах, то ли столь нище, бедно покроено, неладно сшито, смётано на живульку, девочка семенила малюсенькими бойкими ножонками, улыбалась, словно извинялась: и что это я тут меж вас затесалась!.. – а туфлишки переливаются, блёсткие, крошечные, как ракушки в забытой живой реке, сквозь толщу зеленоглазой воды, поздно я сообразила, что башмачки на ней обшиты белым

снеговым атласом, и шёлк отсвечивает летним перламутром, забытой, детской чистотой, – а в ушах, гляди-ка, я рассмотрела, что ж это там у неё посвёркивает, ба, да это серёжки в её маленьких девчачьих ушках, солнце катится в небесах на закат, и серёжки вздрагивают и вместо страха посылают вокруг, в нефтяной душный воздух, всеерный радужный сноп, да, так сиял лишь один камень в бабьих украшениях усладных, я забыла, как он называется, помню только, поднесёшь к лампе или к окну, чтобы солнце в него ударило – и огранённый осколок вспыхнет неимоверно, многоцветно, аж больно глазам. А-да-мант?.. а-да... в его имени кроется Ад...

Мать показала мне однажды бабушкин напёрсток. Вынула из заветной шкатулки. Такой камешек, в почерненное серебро вставлен, воссиял, когда мать передо мной напёрсток повертела; я отшатнулась и заслонила глаза рукой. А мать засмеялась. Мне стало обидно, но я смолчала.

А ты, девчонка приبلудная? Кто ты тут такая, в восставшем людском море? Куда плывёшь? Что хочешь? Или не хочешь ничего?..

Она бежала, таращилась снизу вверх на людей, кто оружие в кулаке сжимал; ей все казались солдатами, да это так и было, и она сновала и мельтешила игрушечным оловянным солдатиком внутри нашей стихийной армии, её орущей гущи, и я всё время на неё оглядывалась, и я заметила, у неё к пояску нечто привязано было; приторочено; она бежала, это привязанное тряслось, колыхалось, и в закатном огне я различила наконец: курица! Тушка курицы! Ощипанная! От перьев – искусно – освободили! Голая курица! Зачем?! К чему?! Кого угощать?! Кому жарить?! И чем запивать – кровью?!

А на темени у девчонки торчала странная шапочка, с широкой тульёй, такой тряпичный шалаш, шапка-домик, в ней можно было бы той курице запросто жить, если бы птица живая была, не убитая, – и разглядела я, передвигая уже чугунные ноги, задыхаясь от чудовищного бега: к странной шапке, видом как маленький сугроб на ребячьем темени, прицеплена, а может, накрепко пришита надо лбом золотая звезда.

И звезда непонятно, чисто и грозно отсвечивала – красным.

Девчонка обернулась ко мне. Луч солнца попал аккурат на присобаченную к шапке звезду, и я сосчитала разлапистые звёздные лучи: пять! – и высверкнула на лбу девочки с курицей золотая звезда ярко-алым, густо-красным закатным цветом, зажглась на лбу у новой жизни красным костром, и я поняла: девочка несёт весть, она одновременно нища и богата, и курица на её пояске и ощипана до пёрышка, и жива до крохотной кровеносной жилы, сейчас на глазах у всех оденется новыми перьями и оживёт, и взлетит девчонке на плечо, и крыльями замашет! И клюв раскроет! И будет кудахтать, бормотать, захлёбываться, талдыкать по-своему, по-птичьи, всё человечье: все наши забытые священные книги! Все наши мёртвые языки! Все наши песни, что ещё вчера, века назад, распевал, празднуя, наш привычный к беде и страданию народ!

Закудахчет, квочка, наседка, на весь мир!

Да! Её не услышат во Дворце! Птицу расстреляют вместе со всеми!

Но мы – мы – задыхаясь на бегу – все восставшие – все, уставшие жить так, как мы жили, – эту голую курицу – услышим! И мы – ей – подпоём!

Девочка ловко сновала меж башмаков, портков, разлохмаченных рваных юбок, курица на её животе радостно тряслась в такт её шагам, и я подумала: а может, это просто еда, для тех, кто будет тут ранен и, лежащий сиротой на пустой земле, захочет пить и есть, и тогда девочка изжарит курицу на костре и накормит голодного; важно вовремя протянуть кусок, протянуть воды.

Кружку ко рту поднести. Кусок жареного на углях мяса меж голодных зубов – вложить.

А будет бой. Не избежать.

Ножонки в белых атласных башмачках перебирали по земле, мелькали, танцевали воздушно – и добрались до меня.

Совсем близко я, не прерывая дикий бег, узрела девочку. Я не поверила глазам.

Я гляделась в неё! Рядом со мной бежало живое моё зеркало! Волосы мои поднялись дыбом.

И девчонка вздрогнула. Всем маленьким весёлым тельцем. Белое лохматое платишко на ней задрожало, заискрилось. Марлёвку на плечах раздул низовой ветер.

– Рик... держи меня... мне худо...

Ты тогда ещё успел подхватить меня на руки.

И разум мой заволокло дождевой ли, снеговою тучей.

Берега прозы

Сергей Телевной

Сергей Владимирович Телевной – родился в 1959 году на хуторе Графском Ставропольского края. Окончил РАНХиГС при Президенте РФ и филологический факультет СОГУ. Директор и главный редактор газеты «Моздокский вестник».

Член Союза писателей России, член Союза журналистов России. Дипломант международных литературных и лауреат всероссийских журналистских конкурсов. Автор книги прозы «Ветер противоречий». Публиковался в изданиях: «Искатель», «День литературы», «Нёман», «Сибирские огни», «Литературная Россия», «Южная звезда», «Венский литератор», «Книголюб» и др.

ВНЕ ЗОНЫ СВО

Отрывки из романа

Про «опупевшего» маршруточника, острый нюх «ламборджини» и застрявшую «Газельку»

...Роман нажал кнопку радиоприёмника, качнув микроавтобус в сторону встречного транспорта, тем самым чуть было не создав аварийную ситуацию. Левая нога в протезе как-то не слишком живо среагировала, непроизвольно зацепив педаль тормоза. Никто из пассажиров не заметил неловкости, которая могла привести к столкновению на встречке. Но всё обошлось.

Из динамика полилось знакомое и жалостливое – не соответствующее скорости:

Я в советском родился бараке,
Познакомился рано с нуждой...

Незримые клавиши аккордеона, непременно перламутрового, душещипательно вылущивали эмоциональные всхлипы. Мотив, искажаемый свистом приоткрытых окон, струился по салону, концентрировался узорным сгустком над задним сиденьем.

Возможно, от этого, но скорее от очередного манёвра «Газельки» угрожающий баул свалился-таки на плечи Марьи. Та ещё теснее прильнула к Ивану. Её взбудоражили чувства, выпукло описываемые в женских любовных романах.

Мастеровой Иван, не читавший женских и вообще никаких романов, среагировал по-своему. Он водрузил баул на место. Устремил взгляд в окно – небо уже покрылось гороскопической татуировкой созвездий. Иван не обращал внимания на символику поднебесья, а лишь покорялся тупой усталости, накопленной за долгий световой день. И мысленно дорисовывал совершенную геометрию светопрозрачной конструкции, которую он делает Марье и которая преобразит торговые ряды Гортанного базара. У него были свои задачи. Однако их выполнение зависело и от недвусмысленно прильнувшей Марьи. Мастеровой приобнял усталой рукой овощную торговку, чем способствовал ходу её эротичных мыслей, перетекающих в перспективу семейных уз.

А вот о его семейном положении Марья, впрочем, так ничего и не узнала. Хотя, что тут гадать, «хороших мужиков разбирают ещё щенками», пришло ей в очередной раз на ум услышанное где-то.

Музыка утихла, и началась реклама светопрозрачных алюминиевых конструкций.

– На самом нужном месте выключил, – с некоторой досадой сказал монтажник металлических конструкций.

– Так всегда бывает, – Марья тоже вздохнула, как будто ей так не хватало рекламы поворотнораздвижных окон, и вдруг добавила: – и хороших мужиков разбирают ещё щенками.

– Про выкладку овощей не забыла? – быстро съехал с темы Иван. – Я самую вместительную полку монтирую на уровне глаз, – продолжал он.

– Ты к чему этот ликбез устроил? – иронично спросила Марья, укладывая по-хозяйски голову на плечо Ивану.

Она вдыхала мужской дух, настоящий на алхимии алюминиевой стружки, рабочего пота и ещё на чём-то неуловимом, что делает человека родным и желанным. «Флюиды», – догадалась Марья.

«Газелька» подъехала к шлагбауму возле поста гаишников. Этот шлагбаум всегда с готовностью поднимался для тех, кто «оказал уважение» стражам дорожного порядка. Он всегда вытягивался, словно новобранец перед злобным ефрейтором-«дедом», не дослужившимся до младшего сержанта. На сей раз шлагбаум не поднялся. Роман не понял ситуации: он же утром «оказал уважение» в размере 100 рэ!

К Роману неспешно подошёл худощавый прапорщик, из телефона которого раздавалась душещипательная мелодия:

Я в сердце заглушаю боль
И грусть-печаль гоню долой...
А я приеду за тобой,
А я верну тебя домой!

Прапорщик выключил неуставную песню, испытующе посмотрел на Романа.

– Командир, что случилось? – спросил маршрутчик.

– Ты, брат, забыл уважение оказать, – добродушная улыбка прапорщика полиции сулила, однако, незапланированные затраты.

– Я утром уже сделал взнос в фонд поддержки страждущих, – попытался отшутиться Роман.

– Шеф, ты неправильно разговариваешь, – сказал лениво «командир». – Это не взнос в фонд страждущих, а штраф за нарушение ПДД. Надо бюджет государства и региона пополнять, – со значимостью сказал гаишник.

– Не... Подожди, командир, за что штраф?

– Будем выяснять, – равнодушно сказал тот. – Например, за нарушение требований по обеспечению антитеррористической безопасности на транспорте.

– Я платил утром, – начал взбучиваться Роман.

– Да отдай ты ему ещё, – вмешалась Дарья.

– Сейчас высадим пассажиров, проверим паспорта, – рассуждал мент. – Вдруг ты везёшь террористку? – кивнул он на Дарью.

– Водитель, ну, поехали, – подала голос заиндевшая женщина, ехавшая из онкологического центра, – мочи нет терпеть...

– Слушай, командир, у меня там пассажирка после химиотерапии.

– Вот и побеспокойся о ней, не затягивай процедуру, – последовало в ответ разъяснение.

– Давай, составляй протокол, – сказал Роман, едва сдерживаясь.

– Правильно, – поддержал «командир», – бюджет страны надо пополнять. Наши ребята в Донбассе на спецоперации, беспилотники армии требуются.

Эта «забота» о беспилотниках раздраконила Романа окончательно. «Ну, сволота, я вам устрою пополнение бюджета!» – подумал он про себя и решительно направился в помещение КПП. Увечная нога, однако, мешала его решительности.

В свете фонаря недалеко от шлагбаума беспокоилась собака с человеческими глазами, а рядом с ней – начинающий кинолог.

– Видишь, нам подкатили собачку с кинологом. Заточена на взрывчатку. Умная до безобразия. Если не найдёт взрывчатку, подкинет сама тебе в карман 250 грамм тротила, – засмеялся довольный своей шуткой «командир». – Её зовут Юна, порода – ламборджини.

– Лабрадор! – зло поправил Роман.

– Так я и говорю – ламборджини.

Лабрадор Юна по-серьёзному обеспокоилась, учуяв даже на приличном расстоянии взрывчатку. Если бы самодельное взрывное устройство, упрятанное в полости задней двери, было одушевлённым существом, оно бы скукожилось от страха разоблачения. Но это был просто пластид с электродетонатором и часовым механизмом с батареей, перевязанный скотчем.

Кинолог засмеялся:

– Смотри, это она на коррупцию так реагирует.

Протокол, оказывается, был заготовлен, внесли только ФИО Романа и номер водительского удостоверения.

– Подписывай...

– Давай!

Роман размашисто написал на протоколе: «Подписывать отказываюсь. Вымогали взятку в размере двух тысяч рублей, всё записано на телефон, есть свидетели».

– Майору Лукавченко лично от меня привет! – тихо, но максимально внятно процедил Роман, развернулся через левое плечо на протезе и вышел.

– Э-э-э, ты что, опупел, водила?! – крикнул обескураженный страж дорожного порядка вслед Роману, прочитав написанное в протоколе.

Тот, вскочив в кабину, резво обогнул шлагбаум. Маршрутка с пролетарской ненавистью и пробуксовкой гребанула огорошенную обочину – ещё не лысые колеса подняли маскировочное облако пыли и выбросили «Газельку» на асфальт. Роман знал, что делать – он будет звонить прямо помощнику начальника по работе с личным составом майору Лукавченко. Этому, который в газете напечатался.

– Ну что они там? Ты что такой дерзкий? – спросила Дарья.

– Всё норм. Написал на протоколе, что вымогали взятку.

– Ну ты даёшь! Это поступок! – восхитилась Дарья.

Она сняла весь дорожный триллер на недружественный айфон. Но пока не знала, что с этим делать. Пассажиры наблюдали за происходящим с любопытством, но активного участия не принимали.

Иван да Марья, теснимые объёмистыми баулами, каждый по-своему оценили ситуацию. Мастеровой, тело которого легко ныло от усталости, решил, что вся эта затея контрпродуктивна. И как такое книжное словечко затесалось ему под черепную коробку, где были только строго уложенные алюминиевые конструкции да думки про бычков-кабанчиков из его личного подсобного хозяйства? Опять же конструкции – светоносные.

– Нас тормознут на первом же посту, – сказал он, обращаясь к Марье. – С ними бесполезно бороться.

– Ну, как сказать, – ответила Марья с интонацией, отягощённой тайными знаниями борьбы с мздоимцами.

Иван, однако, не придал значения загадочным интонациям – его занимали иные проблемы. Он пораскинул мозгами, несколько разжиженными от усталости: как завтра завершить остекление павильона и перекинуться на других торговцев.

Мастеровой вёл внутренний диалог и с несговорчивым начинающим Кабаном, его работодателем. Потом понял, что тот – лишнее звено и лучше самому напрямую выходить на хозяина оконной фабрики. Иван упрекнул себя, что совершает маленькое предательство по отношению к своему работодателю. «Ничего личного – только бизнес», – успокоил он себя расхожей фразой.

Роман, чтобы объехать пост ГИБДД на въезде в райцентр, свернул на просёлочную дорогу. Он выключил фары и потихоньку, почти на ощупь, поехал вдоль выгоревшей минувшим летом лесополосы. В народе этот просёлок называли «дорогой жизни». Ею пользовались и законопослушные маршрутки, и ушлые мигранты, завозившие на рынок контрафактный товар, и даже весёлые наездники на своих «Приорах» с заниженными подвесками. Последним было особенно сложно – они елозили днищами по грунтовке, нередко срывая глушители. Но у всех был свой резон пользоваться этой дорогой.

Роман ехал осторожно, по гребню разъезженной дороги. Если попадёт колёсами в глубокую колею – точно застрянет. Народ в салоне притих. Только заиндеветая женщина после химиотерапии периодически спрашивала:

– Ну, когда же мы приедем?

– Потерпите, тётенька, скоро.

Но тут, чёрт побери, случилось то, чего опасался Роман. Микроавтобус задними колёсами на очередном изгибе дороги всё-таки съехал в колею. Роман попытался вырулить, но тщетно...

– Всё, приехал наш трамвай – станция «Вылезай», – попытался шутить Роман.

Все безропотно вышли, но такое облегчение маршрутке не помогло.

Роман вытащил сапёрную лопату и начал раскапывать колёса. «Солдат, вооружённый сапёрной лопаткой, – непобедим, а вооружённый сухим пайком – практически бессмертен», – вспомнил Роман армейское прошлое. Про сухпай, это он, конечно, зря, потому что проголодался. Но не время сейчас думать о «хавке». Иван между тем деятельно начал собирать в лесополосе обгорелый сушняк и заполнять колею. Другие пассажиры – твердолобые колхозники и крикливые торговки – последовали его примеру.

Роман, слившийся в порыве с сапёрной лопатой, лишь краем уха услышал, как к ним подъехал грузовик.

– Давай дёрну. Трос далеко?

Роман обернулся. Над ним стоял водитель-бедолага. Это его «Зилком» наездники помяли заднюю дверь «Газели», а потом при ремонте там появилась потаенная взрывчатка. Львиное сердце бывшего бойца сжалось, он, в свою очередь, сжал черенок сапёрной лопаты.

– Дяденька, помогите, – попросила по-детски Дарья.

Она коснулась плеча пожилого водителя-бедолаги и только потом вспомнила про язык жестов.

А из распахнутой кабины «Зилка» доносились знакомые всхлипы аккордеона. Странно, и у бедолаги этот шансон. <...>

Про роль пустоцветов, эликсир молодости и микрозелень с антиоксидантами

<...> Утомлённый вечер давно уже накрыл сумерками трудовой районный центр. Окраины, не сильно удовлетворённые последними новостями про спецоперацию, тягостно засыпали.

Растяжка «Наш район – территория безграничных возможностей» пузырилась на центральной улице под весенним ветром. Там же рекламный щит призывал поступать на службу по контракту.

Ноющая кулья напомнила Роману о его контракте, прерванном увечьем. Тут же в воображении возник конкретный протезист, который настаивал, чтобы Роман шёл учиться на механика протезно-ортопедических изделий. Клепай себе человеческие конечности – и гаишники тебе нипочём! Сейчас такие механики нарасхват. Не послушал Роман протезиста, жутковато ему стало, расчленёнка привиделась...

По главной улице маршрутич не поехал. Он опасливо проскочил перекрёсток под растяжкой о безграничных возможностях. Слава богу, автопатруля там не было.

Когда-то, после окончания техникума, Роману казалось, что перед ним действительно открываются безграничные возможности. Возвращались времена, когда от армии уже не косили, а как раз наоборот – стремились туда попасть. Чтобы потом по дембелю можно было устроиться контрактником в местную воинскую часть или в полицию. Других рабочих мест для молодёжи в райцентре практически не было.

Ромка после техникума попал служить в Росгвардию. Служба как служба. Выполняй, что говорит «комод», то есть командир отделения, сильно не зашивайся, и будет тебе счастье солдатское без дедовщины. Считай дни до дембеля, ни о чём не думай, ни о чём не переживай. За тебя думает сержант, а переживает мать. А может, и батя, кому повезло иметь адекватных отцов. Роману повезло, нормальный отец у него – трудяга, не бухарик. Был знатным комбайнёром в колхозе, сейчас где-то под Москвой на автопогрузчике на складах работает. На пару недель после трёхмесячной вахты домой приезжает. На гармошке по-самодеятельному, когда застолье собирается, играет и поёт: «Чёрная роза – эмблема печали. Красная роза – эмблема любви...» Ромке всегда эта ресторанная песня казалась такой заманчиво городской, что ему хотелось в город с ресторанной романтикой! А у матери любимой была доисторическая песня: «На горе колхоз, под горой – совхоз».

Может, к батю рвануть на своей «Газельке»? Вот прямо сейчас, покидать шмотки в машину, предупредить мать в Москву? И не идти в ментовку, к этому правильному майору – свои права качать. Роман не к месту вспомнил киоскёршу, которая подкинула ему газету с напечатанным майором.

Тревога в душе Романа только росла. Как поступить, что предпринять? А подлое воображение уже рисовало ему мрачноватую картину. За несусветную дерзость полисмены его, конечно, повяжут, пришьют неповиновение представителям власти, кинут в камеру, посадят к нему, например, бандюков-наездников, навесят нераскрытых преступлений. Не посмотрят, что он – ветеран СВО и инвалид. Роман за последнее время, наверное, впервые, подумал о себе как об инвалиде. Может так случиться, что придётся топтать ему зону своим протезом, вместо того чтобы бороздить дорогу из райцентра в Статград и обратно.

Зазвонил телефон, Роман остановил маршрутку в бездорожном переулке.

– Привет. Как ты? – Это была Дарья, красotka из умной академии, которую он сегодня возил в администрацию губернатора.

Мелькнула мысль: а может, губеру написать про беспредел на дорогах?

Дарье же Роман спокойно ответил:

– Привет, нормально. Что хотела?

– Тебе нельзя домой возвращаться. Тебя ищут гаишники.

– Сам догадался, не тупой...

Об этом уже писали и маршрутки на шпионском ватсапе в группе «Где ДПС» – предупреждали друг друга об облаве. Дарья, однако, продолжала, не обращая внимания на тон Романа:

– До нашего дома добраться можно по дороге через пустырь со стороны ремзавода. Там грунтовка.

Роман молчал.

– Мы с отцом на пустыре будем ждать. Минут через двадцать. Конец связи.

Она отключилась, не дав озадаченному Роману ответить. Он, раздираемый сомнениями, размышлял: куда ехать – к Дарье или к кому-то из подружек. Может, к матери на хутор рвануть? Решил, что всё-таки – к Дарье. Красotka же она, однако! А у его дома точно ждёт наряд полиции.

Роман без света проехал по белёсой в ночи грунтовке за ремзавод. На обочине увидел две фигурки.

– Здрасьте, – слегка смущённо поздоровался Роман.

– Пап, это Роман, тот самый. А это мой отец, Леонид Ильич. Не путать с Брежневым, – предупредила она с улыбкой.

– Привет, молодёжь! Ну, наколбасили вы, – с энтузиазмом обратился щетинистый мужик к обоим. – Ладно, утро вечера мудренее.

Отец Дарьи стал энергично жестикулировать, показывая, как «Газельку» задним ходом загнать в неказистое строение между кустарником. Оказалось, это полупустой сеновал, где хранились прошлогодние тюки сена и соломы. «Газелька» мягко уткнулась задней дверью в подушку сена. Взрывчатка, которая покоилась за обшивкой задних дверей, осталась неколебимой.

– Ну вот, никто тебя здесь не найдёт, – сказал щетинистый мужик. – Глуши быстрее агрегат, искрогасителя же у тебя, конечно, нет... Корову продали, а сено и солома вот остались, – зачем-то пояснил Ильич.

Для надёжности вход на сеновал заложили тюками. Работали молча, Дарья – наравне с мужиками. «Барышня-крестьянка», – подумал про неё Роман, вспомнив невесть откуда возникшую в его приземлённых думках классику.

– Теперь всё чин-чинарём! – заключил щетинистый мужик. – Пойдём, чего-нибудь перекусим.

Дарья, взяв Романа под руку и слегка подталкивая, увлекла по тропинке, ведущей, как оказалось, к тылам огорода. По усталому телу Романа пробежал эротический озноб, он старался не показывать хромоты. Хотя, ворочая тюки, увечную ногу натрудил изрядно.

За добротной калиткой, ведущей в огород, в ночи фосфоресцирующим космическим светом мерцала теплица.

– Быстрее, молодёжь! – скомандовал Дарьян отец, отворяя дверь теплицы. – Не выпускайте тепло.

– Тут микроклимат, – пояснила Дарья. – Температура, влажность. Даже пчёлы есть.

– Пчёлы? – удивился Роман.

– Да, для опыления. Видишь пустоцветы? Это мужские цветки. Пчёлы переносят пыльцу на другие цветки, где есть завязь, так и появляются огурцы.

– И от пустоцветов есть толк. У них своё предназначение, – философски пояснил народный агроном. – Без пустоцветов завязь не случается. Природой всё продумано.

– Папа у нас агроном-философ с инженерным образованием, – улынулась Дарья.
– Ну уж не ботаник, – довольно хмыкнул тот.
– Типа пустоцветы – это мужики? – уточнил Роман.
– Типа того. Как в жизни, – заключил доморощенный агроном с металлургической специализацией.

Подвязанные на шпалерах огуречные плети, отягощённые тропических размеров листьями, тянулись к искусственному солнцу люминесцентных ламп.

Нескольких минут пребывания в теплице Роману хватило, чтобы, как ему казалось, надышаться влажной огуречной атмосферой, насыщенной невидимой пылью. Роману захотелось быстрее вырваться из парника и избавиться от ощущения пустоцвета.

Вышли с другой стороны теплицы.

– Запарился? – спросила Дарья.
– Ну, есть такое. Я ж не тепличное растение.
– Да и мы не оранжерейные, – парировал Ильич. – Но париться приходится, есть жизненная необходимость.

Роман промолчал.

– Переночуешь в летней кухне, – сказал Дарьян отец, когда через аккуратный дворик прошли к полуигрушечному строению; там же Дарья быстро накрыла на стол.

– Давай поужинаем, – сказал отец Дарьи, – чем Бог послал.

Кроме традиционного набора, на столе появилась миска с нежно-зелёными ростками. Дарья перехватила недоумённый взгляд Романа и пояснила:

– Это микрозелень, пророщенные до первого-второго листка злаки. Очень полезная штука: витамины, минералы, антиоксиданты.

– Я экспериментирую пока, – включился в разговор тепличный агроном. – Народ у нас тёмный, непродвинутый, а вот в Статграде уже заказали микрозелень в магазине «Здоровая пища».

– Понял, – сказал Роман, хотя в микрозелени он ничего не понимал и не хотел. Своих проблем хватает.

Ильич плеснул в стаканы золотистой жидкости из фигуристой бутылки:

– Эликсир молодости, настоян на скорлупе ореха.

Дарья налила себе такого же золотистого, но чая.

– Тоже целебный, – сказала она. – Эликсир мудрости.

– У кого чего не хватает? – попытался сострить Роман.

На его доморощенный юмор никто не среагировал.

– Ну, давай по стаканцу за успех нашего безнадёжного мероприятия! – подбодрил озабоченного Романа хозяин стола. – Утром никаких последствий – ни перегара, ни головняка...

– Утром будут последствия, – не согласился Роман, имея в виду сегодняшний конфликт на посту.

– Посмотрим, – многозначительно сказала Дарья, отхлёбывая «эликсир мудрости».

Ильич аппетитно закусил, в том числе микрозеленью, и вопросительно посмотрел на Романа.

Тот с маху опрокинул стаканец и... лишился возможности дышать. Выпучив глаза, стал судорожно искать, чем закусить. Опрокинул фигуристую бутылку прямо в хлебницу. Хозяин, впрочем, быстро подхватил её, не дав вылиться всему «эликсиру молодости». Роман хотел было схватить пучок микрозелени, но даже в таком полушоковом состоянии понял, что это не его еда. Цапнул кусок хлеба, уже, как оказалось, пропитанного пролитым «эликсиром». Жадно грызнул и... Едрить твою за ногу!.. Но такого быка, как Роман, не свалишь даже неразведённым спиртягой. Он переборол шок и прожевал проспиртованный хлеб. Не выплёвывать же.

Дарья, пытаясь сдерживать смех, подала чашку с чаем.

– На, запей.

Эта влага оказалась спасительной.

– Ничего смешного, – с укором сказал дочке Ильич. – Просто шоковая терапия. Теперь стресс точно снят.

Роман был сконфужен.

По ходу ужина «шоковую терапию» повторили ещё пару раз. Роман поплыл.

– Ну, засиживаться не будем, – сказал отец Дарьи, обращаясь к дочке: – Принеси гостю постельное бельё. Вот здесь мы его и уложим, – кивнул он на дерматиновый диван времён настоящего Брежнева.

Дарья вопросительно подняла брови, он пояснил:

– Не вести же половозрелого мужика в дом, где ночует девушка на выданье.

– Аргумент, – согласилась Дарья и ушла.

Роману не сильно нравились их какие-то шибко грамотные речи: «половозрелый», «аргументы», «антиоксиданты-секунданты». Как-то не по-человечески они разговаривали. Да ещё эта «микрозелень», «эликсир». Хотя про эликсир тут можно поспорить. Это озверин, скорее.

– Ну, располагайся, утро вечера мудренее, – сказал хозяин и ушёл.

Не успел Роман оглядеться, как вернулась Дарья с постельным бельём. В мозгу, разжиженном «эликсиром молодости», поплыли всякие эротические картинки. Он совершенно невпопад спросил у Дарьи:

– А зачем вы меня через теплицу провели? Обычай такой, что ли?

– Ритуал, – звонко засмеялась Дарья. – Просто от сеновала через огород нет другой дороги. Отец занял теплицей всю площадь. Он каждый клочок земли использует.

– Дарья, домой, – на пороге возникла её мать, она же Угрюм-река.

Роман неуверенно встал как бы в приветствии, уже не ощущая левой ноги в культеприёмнике:

– Здрасьте...

Угрюм-река не удостоила его даже взглядом.

Дарья выскочила, дверь захлопнулась.

М-да-а-а. Ну и семейка. В черепной коробке у Романа гнездилась всякая всячина: «разрисованный» протокол гаишников, заиндевшая женщина, «Зил» с бедолагой за рулём, странная парочка пассажиров – Иван да Марья, два Леонида Ильича – отец Дарьи и отец «застоя». Весь калейдоскоп обильно порос микрозеленью. А в тропиках теплицы заманчиво вырисовывалась эротичная фигура Дарьи. С таким набором «мультишек» в голове Роман и отрубился, не сняв, однако, протеза. Даже в бессознательном состоянии он не хотел разоблачать себя, культепого. <...>

Про Ванькино донорство, смерть заиндевшей женщины и Сталинскую премию Вертинского

<...> Иван после разбойного нападения наездников приехал из Статграда в райцентр на час раньше Марьи. Он решил подождать её на конечной остановке. Этот логистический пятачок, распределявший потоки пассажиров и транспортных единиц по окрестностям, имел ещё и магнетическое свойство управлять людскими судьбами. В том числе и судьбой Ивана.

Правда, сейчас он об этом не думал. Мастерового напрягали болючая рана и проступившая сквозь бинты кровь. Ему, конечно, надо бежать к врачу, а он здесь сидит, ждёт Марью. Иван тревожился, что потерял много крови. Переливают ли сейчас кровь, он не знал. Сейчас, наверное, и доноров-то нет. А кровь нужнее не шабашникам, которые проливают её в овощных ларьках, а реальным бойцам в прифронтовых госпиталях, критически рассуждал Иван.

Эта мысль заставила мастерового вспомнить, что он сам был когда-то донором. Конечная же остановка, магнетическое место управления судьбами, – оказалась начальным пунктом главного этапа и в его жизни.

А было так. Когда после армии Иван только устроился плотником в стройконтору, бригадир объявил: надо сдать кровь для их старшего товарища. Тот лежал в местной больнице с тяжёлым диагнозом и постоянно нуждался в переливании крови.

Иван, конечно, кровь сдал. На безвозмездной основе. Получил чай с лимоном, шоколадку и оплачиваемый отгул. И тот отгул для Ваньки оказался судьбоносным. Ну как парню отгул использовать? Очень просто! Если у тебя есть мотоцикл «Минск», ты, считай, король всех сельских дорог. Такие дороги сроду не знали гнёта асфальта, не были исполосованы дорожной разметкой и не ограничивались запрещающими знаками. Как раз по таким только и газовать на моцыке, рассекать бархатную пыль по обочинам да катать рискованных девчат на заднем сиденье! Можно и в райцентр проскочить по хулиганистым просёлкам. Как раз до конечной остановки.

О! А там Наташка-одноклассница стоит, дожидается автобуса на хутор. Приехала из знатного города в отпуск без содержания к бабушке – дарами натурального хозяйства поправить своё худалое здоровье. Потому что за два года работы после ПТУ нанюхалась всласть канифоли на конвейере завода телемеханической аппаратуры. А завод тот, бац – и прикрыли. В девяносто третьем году никому не стали нужны приборы «Сигнал-31», предназначенные для охраны объектов. Нечего стало охранять. Радиомонтажниц в белых халатах распустили по домам без содержания. Вот и вернулась Наташка на хутор. Стояла на райцентровской конечной остановке, автобус ждала. А тут Ванька на моцыке:

- Натаха, привет!
- Привет, Ванёк! Так ты уже из армии вернулся?
- Давно, третий месяц как.
- Устроился куда?
- В стройконтору.
- А что сегодня не на работе? Тоже без содержания отправили?
- Не, отгул дали за донорство.
- О! Что, много крови накопил?
- Полным-полно! Изо всех ушей брызжет!
- Отцедил бы... А то мои братцы-придурки обзывают меня бледной поганкой.
- Хоть не бледная спирохета!
- А ты, я вижу, Ванёк, не придурок. Ты полный Иван-дурак! Хоть знаешь, что болтаешь?
- Ну, ладно, Натаха... Я пошутил. Садись лучше, прокачу на моцыке. Тебе же на хутор?

Одноклассница Наталья, приобщившаяся за пару лет к городской культуре в ПТУ и на заводе телерадиоаппаратуры, такие шутки никому ни в жизнь не простила бы! Такая она, вся строгая и правильная – монтажница телерадиоаппаратуры третьего разряда, почти техническая интеллигенция.

«Но прокатиться на юрком “Минске” прямо до бабушкиного дома всё же лучше, чем на чадающем автобусе, который, неизвестно ещё, подойдёт или нет, – трезво подумала Наталья. – Тут ещё и сумки с общежитскими пожитками. Ладно уж, позволю этому Ваньке-колхозану довезти меня до места. Но я ему ещё это припомню».

Короче, вечером было кино. Точнее, в сельском ДК открыли видеосалон – под присмотром сельсоветских же депутатов. Всё пристойно. Не то что сейчас по Интернету. Иван и Наталья посмотрели какой-то фантастический ужастик. Не впечатлились. После этого по вечерам просто гуляли по берегу Невольки или катались на моцыке, если Ваньке удавалось наскрести на бензин. Ну, а что гулять без толку? Решили через месяц пожениться. Родители, застуканные врасплох, всё же послали к невесте сватов, закололи кабанчика на свадьбу, подарили ковёр. Сельсовет нарезал земельный участок под стройку. За остаток лета подняли временку из самана. Всё как положено!

Понятно, что Наталья в знатный город, в общагу и на законсервированный завод телемеханической аппаратуры не вернулась. Пошли дети, строительство большого дома, хозяйство. И так тридцать лет...

Вот и сейчас, пока Иван сидел на конечной остановке, забинтованный, как самодеятельный артист, и ждал непонятную Марью, его Наталья дома привычно управлялась по хозяйству.

Берега прозы

Владимир Вдовиченко

Владимир Дементьевич Вдовиченко – родился в 1942 году, кандидат физико-математических наук, доцент, астрофизик, главный научный сотрудник Астрофизического института имени В. Г. Фесенкова, писатель. Автор более 150 научных публикаций, шести научных монографий и четырёх обучающих курсов. Более полувека его научная деятельность была посвящена изучению планет Солнечной системы и созданию приборов для астрономических исследований.

ТЕЛЕВИЗИОННЫЙ ДЕБЮТ С КОСМОНАВТОМ

Красива и разнообразна природа предгорий Заилийского Алатау – этих пёстрых гор, окруживших Алматы. Яблоневые сады протянулись вдоль предгорий на десятки километров. Дубовые, берёзовые и осиновые рощи меняют свой наряд с каждым временем года. Особенно прекрасны они осенью, в октябре, когда склоны гор окрашиваются в жёлтые, оранжевые и багряные цвета. Может быть, именно поэтому они называются Алатау – «Пёстрые горы». Выше поднимаются гигантские тьяньшаньские ели, а за ними, до самых снегов, уходят альпийские луга, источающие дурманный запах разнотравья. И ещё выше – остроконечные вершины, покрытые вечными снегами.

Массивный хребет огромной подковой окружает город, тесно прижавшийся к самому его подножию. Сегодня Алматы (бывшая Алма-Ата) – южная столица Казахстана. Это современный город с населением более двух миллионов человек, с проспектами, автомобильными развязками, рекламными огнями и сложной инфраструктурой.

Алматы и хребет Заилийского Алатау

Но особенно красив Алматы поздним вечером. Если смотреть на него с Кок-Тобе, где находятся телевизионная вышка, колесо обозрения и просторная смотровая площадка, город внизу действительно напоминает слова нашего казахстанского поэта:

Мой город в синеве плывёт,
как звёздами наполненная лодка.

А примерно в десяти километрах от южной окраины города, на высоте около 1450 метров над уровнем моря, находится Астрофизический институт имени В. Г. Фесенкова со своей сложной и очень интересной историей – место, с которым связана большая часть моей жизни. <https://aphi.kz>

Главный корпус Астрофизического института имени В. Г. Фесенкова

Когда-то, в тяжёлые девяностые годы, мы всерьёз опасались, что после нашего поколения в институте просто некому будет работать. Однако институт пережил смутное время. А настоящее возрождение началось тогда, когда сюда пришла молодёжь. «Свежая кровь» буквально вдохнула новую энергию в научную жизнь.

Сегодня молодые исследователи работают с современными методами анализа данных, используют мощные вычислительные технологии, участвуют в международных проектах. Изменилась и сама астрофизика. Она давно перестала быть только наукой романтиков вроде нас, которые морозными ночами могли часами стоять у окуляра телескопа.

Но сейчас я вспоминаю совсем другое время.

Середина июня 1979 года.

В институте вдруг прошёл слух:

– К нам едет космонавт.

Никто ещё не знал, кто именно приедет, зачем и надолго ли. Но научный улей уже загудел.

И вот в назначенный день к главному корпусу подкатил серый УАЗик, а следом за ним – чёрная «Волга». Из УАЗика выскочили телеоператоры, быстро развернули камеры и начали снимать.

«Волга» постояла ещё минуту.

Затем открылась передняя дверца.

Из машины вышел невысокий, плотного телосложения человек в военной форме. Полковник. На груди – Золотая Звезда Героя Советского Союза.

Но не форма, не ордена и не награды привлекли моё внимание.

С первого взгляда меня поразило его лицо – открытое, светлое, с доброй улыбкой и смеющимися глазами.

Высокогорное Асы-Тургеньское плато. 2700 метров над уровнем моря. Новая обсерватория

Он окинул нас взглядом, приветливо кивнул и направился к спешившему ему навстречу директору института. Они обменялись рукопожатиями, несколькими приветственными словами и поднялись на крыльцо.

Так мы узнали, что к нам приехал не ревизор, как кто-то успел пошутить, а космонавт Юрий Николаевич Глазков – бортинженер космического корабля «Союз-24» и орбитальной станции «Салют-5», лётчик-космонавт СССР № 39, Герой Советского Союза.

Позже в кабинет директора пригласили руководителей отделов и ведущих сотрудников. Разговор был долгим. Гости познакомили с основными научными направлениями института и работами его сотрудников.

Выяснилось, что Юрий Николаевич ведёт телевизионную передачу для школьников «Звездочёт» и приехал к нам, чтобы снять встречу с учёными, занимающимися исследованием планет.

Таким образом, выбор пал на нашу лабораторию физики Луны и планет.

Началась подготовка к съёмкам.

Операторы сразу предупредили: время ограничено. Поэтому необходимо заранее распределить роли, определить последовательность выступлений и договориться, кто и что будет говорить.

Но при этом никаких конспектов и подсказок.

Всё должно было выглядеть как естественная, непринуждённая беседа.

Легко сказать.

Трое из нас – заведующий лабораторией Виктор Германович Тейфель и сотрудники К. Ю. Ибрагимов и А. Н. Аксёнов – уже имели опыт лекционной работы. Внешне спокойно держались и остальные: С. М. Гайсин, Ю. А. Егоров, Н. В. Прибоева, К. С. Куратов.

А меня всего трясло от страха.

По сценарию я должен был выступить дважды. Тему и свою роль я знал прекрасно. Но какой-то совершенно иррациональный панический ужас сковывал меня.

Накануне я до поздней ночи зубрил свою часть. А утром с ужасом обнаружил, что начал путаться даже в последовательности собственных мыслей.

Тем временем приближались съёмки.

Мы разместились в круглом конференц-зале института. Моё место оказалось рядом с Виктором Германовичем, который сидел справа от Юрия Николаевича.

Перед космонавтом лежала схема расположения сотрудников за столом с указанием последовательности выступлений. Во время беседы ему предстояло просто переводить взгляд с одного человека на другого, как бы приглашая его продолжить разговор.

Перед началом съёмки Юрий Николаевич обвёл взглядом всех присутствующих.

Задержал взгляд на мне чуть дольше.

Мне это почему-то запомнилось.

Затем он коротко изложил суть разговора, чётко поставил его цель и задачу. Первым выступил Тейфель. За ним непринуждённо высказались Ибрагимов и Аксёнов. Гайсин и Куратов также легко вступили в разговор.

Я сидел насупившись, переводя взгляд с одного выступающего на другого и нервно покручивая между пальцами скрепку.

Наконец очередь дошла до меня.

Я на секунду замешкался.

Первое предложение своей речи никак не удавалось вспомнить.

В растерянности я посмотрел прямо в лицо Юрию Николаевичу.

И он улыбнулся мне.

Не формально, не для камеры, а совершенно искренне.

В этот момент произошло нечто странное: мой страх исчез так же быстро, как тает утренний туман под лучами восходящего солнца.

Я, не отводя взгляда от его лица, заговорил.

Легко. Свободно.

Он улыбнулся ещё шире и одобительно кивнул.

По-видимому, ещё в самом начале, когда задержал на мне взгляд, он понял, что я самое слабое звено в этой маленькой телевизионной игре, и решил меня подбодрить.

Надо сказать, ему это удалось.

Когда мы пошли по второму кругу, я уже совершенно не волновался и спокойно произнёс свою вторую часть монолога.

Тейфель и Ибрагимов, отступив от заранее утверждённого сценария, даже немного поспорили. И, как ни странно, именно это добавило беседе особую естественность.

Съёмка закончилась.

Мы все с облегчением вздохнули и приступили к чаепитию.

А потом, уже на улице, мы с Юрием Николаевичем около получаса разговаривали вдвоём.

И вот тогда я увидел в нём уже не просто космонавта, Героя Советского Союза и телевизионного ведущего. Меня поразили его кругозор, простота и удивительная лёгкость общения. После такой беседы хотелось говорить с этим человеком ещё и ещё.

Мы спросили, когда можно будет увидеть передачу.

Нам обещали сообщить, но предупредили: раньше чем через месяц не ждите.

Вечером я рассказал жене о съёмках, о нашей беседе с космонавтом и, конечно, о том страхе, который я пережил перед камерой.

Тайком от меня она написала письмо своим родителям в Башкирию, чтобы они обязательно посмотрели на своего учёного зятя по телевизору.

Через полтора месяца мы получили от них письмо.

Они писали:

«Дорогой сынок! Мы всей улицей смотрели телепередачу с твоим выступлением. Отец всё время показывал пальцем на экран и гордо повторял: “Вот он – наш зять”. Вот только мы не совсем поняли, почему ты всю передачу молчал и крутил в руках какую-то скрепку, переводя взгляд с одного выступающего на другого.

Отец даже сцепился с Кузьмой – нашим соседом. Помнишь Кузьму? Он ещё на левую ногу хромает. Кузьма-то и говорит:

– А чего это ваш зять за всё время не сказал ни слова? Так и я мог бы там сидеть, скрепку крутить.

На что отец ему со злостью ответил:

– Ишь чего? Так тебя туда и посадят! Много ты понимаешь в науке. Роль у него такая была. Он среди всех там самый умный. Может, умнее даже самого космонавта будет. Следил, чтоб кто-нибудь не сболтнул чего лишнего. Телевидение – она ведь штука такая. Её и американцы смотрят!»

Я перечитал письмо несколько раз.

И только потом, чуть позже, выяснилось, что произошло.

Именно во время моих выступлений у операторов что-то сломалось. Запись моих ответов получилась рваной, и мои выступления в итоге просто вырезали.

Получалось, что всю передачу я действительно просидел молча, с видом человека, который строго следит за происходящим и контролирует, чтобы коллеги не сказали ничего лишнего.

Вот такой получился мой телевизионный дебют с космонавтом.

И всё же от этой встречи главным у меня осталось совсем не это воспоминание.

*Подпись на фото «Владимиру Дементьевичу!
На добрую память. Успехов Вам. 26.06.1979 г.»*

*Встреча Юрия Николаевича Глазкова с сотрудниками Лаборатории физики Луны и планет.
На снимке слева направо: Н. В. Прибоева, Ю. А. Егоров, К. Ю. Ибрагимов, далее В. Д. Вдовиченко,
А. Н. Аксёнов, Виктор Германович Тейфель – заведующий лабораторией, профессор*

Гораздо важнее для меня была та короткая улыбка Юрия Николаевича, которая когда-то помогла мне справиться со страхом.

И конечно, наша последующая беседа.

Наверное, именно поэтому спустя много лет я особенно дорожу фотографиями, которые сохранились после той встречи, и автографом космонавта, оставленным мне на главной фотографии и в альбоме нашей лаборатории.

В нём Юрий Николаевич написал:

Телевизионная передача “Звездочёт” познакомила меня с замечательными людьми – тружениками Астрофизического института АН Казахской ССР, и особенно с научными сотрудниками лаборатории физики Луны и планет. Вы замечательные, добрые, умные люди, люди с большой душой и горячим сердцем. Встреча с вами не только приятна, она обогатила меня и некоторыми знаниями, и человеческой добротой. Спасибо вам. Вы прокладываете нам путь в космические дали, вы предвидите наши трассы, вы – наши первопроходцы. Желаю вам крепкого здоровья, счастья, успехов.

*Лётчик-космонавт СССР,
Герой Советского Союза
Ю. Глазков
26.06.79».*

Берега поэзии

Александр Орлов

Александр Владимирович Орлов – родился в 1975 году в Москве. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького и Московский институт открытого образования. Поэт, прозаик, публицист, историк, педагог, директор Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь», член МГО СП России, эксперт комитета Государственной думы РФ по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений, сопредседатель Культурного фронта Москвы. Автор девяти поэтических сборников и четырёх книг малой прозы. Лауреат Всероссийских премий им. А. П. Платонова (2011), Ф. Н. Глинки (2012), С. С. Бехтеева (2014), Н. С. Лескова (2018), Д. Н. Мамина-Сибиряка (2020), М. Ю. Лермонтова (2022), А. И. Куприна (2024), Ф. М. Достоевского (2024), Бориса Корнилова (2025), им. святителя Филофея (Лецинского), митрополита Сибирского и Тобольского (2022), имени святителя Макария (Невского), митрополита Алтайского (2022), Открытого конкурса изданий «Просвещение через книгу» ИС РПЦ (2018, 2019, 2021), Международной литературной премии «Югра» (2019), Международного литературного Тютчевского конкурса «Мыслящий тростник» (2020), Международной Лермонтовской премии (2025), обладатель «Золотого Витязя» (2019), «Бронзового Витязя» (2017, МСЛФ «Золотой Витязь») и специального приза ИС РПЦ «Дорога к храму» (2017).

* * *

За Тобой я ходил по пятам,
Но Тебя узреть не дано.
Говорили: Ты здесь или там
Хлеб ломаешь и пьёшь вино.

Я для встречи искал слова,
Оттесняя всю ложь времён,
Кругом шла моя голова,
Тьма ползла с четырёх сторон.

И слезились мои глаза,
И сердечный был слышен стук,
И считал я все против и за
В бесконечности земных мук.

Я подобен был тощей вше.
Был я мелок, Тебя не узнав,
А Ты жил у меня в душе,
Усмирял мой ордынский нрав.

* * *

Я чувствую: полететь холод кроток,
Он ощутим тобой и мной едва.
Поманит мгла в подлунный околоток,
Рождая на пути земном слова.

Навстречу мне из дождевой утробы

Спускаются по тучам и воде
Мои мечты – блаженные зазнобы,
Их след зеркальный стелется везде.

Швырнут деревья красные обноски,
Склонится вниз соломенный лопух,
Застынет мир, и в багрянистом воске
Свеча вселенной согревает дух.

* * *

Наступит вскоре паутины лёт,
Покажется, что лето вновь напрасно
Связало дни мои крестообразно.
Они останутся, когда оно уйдёт,
И будет на сырых дорогах грязно.

И на прощальный сев озимой ржи
Туманы приведёт летопроводец,
В поля заступит время безработиц,
Коротких дней, и холода души,
И звёзд, сковавших до весны колодец.

И буду говорить душе я вслух,
И в ожиданье скорого ответа
С печальною улыбкой домоседа
Почувствую тепло весны, и вдруг
Вернётся в сердце неземное лето.

* * *

Чародейные речи
О грядущем отлёте
Журавлиное вече
Заведёт на болоте.

Прокурлыкают птицы
Тростнику и осоке,
Одиноким влюбиться
Уготовлено в сроки.

Эти сроки настали,
Но выходят, однако,
В листопадном запале
По следам полумрака.

Посбиваются клином
Журавли над землёю,
Я небесным тишинам
Своё сердце открою.

* * *

За окном собираются тени,
В ночь ведёт сухошавый настил.
Распахнулись небесные сени...
Уходя, я тебя попросил:

Вспоминай обо мне обречённо,
Наша жизнь – недоеденный пуд.
В багрянцу вихрастого клёна
Твои слёзы дожди принесут.

Ни просить, ни молить я не вправе,
Разговоры на нет сведены.
В дождевой оседают канаве
Сквозняком нанесённые сны.

ПРЕДВЕСТНИК

*Памяти Его Высокопреподобия
схиархимандрита Илия (Ноздрина)*

Разросся шум среди толпы –
Тревожен миг скороговорок –
Всем каждый шаг монаха дорог,
Слышны стенанья и мольбы.

Что он сказал? Как посмотрел?
Насколько строг его келейник? –
Людской вскипает муравейник –
В нём столкновенья душ и тел.

Я – в изголовье вереницы –
В уме воюют сотни слов,
Не замечаю я толчков –
Молюсь Иверской Всецарице.

Не смотрит схиархимандрит,
Иду к нему, он с Богом где-то,
Я каюсь, плачу, жду совета
И жду, когда благословит....

ВЛАДЫКА

*Его Преосвященству,
преосвященнейшему епископу
Козельскому и Людиновскому
Макарию (Комогорову)*

От полевиц, иван-да-марий,
Веснянок и разрыв-травы
Преосвященнейший Макарий
Идёт под оклики совы,

Пылятся трудников посадки,
Растут под сводом певчих птах,
И думает в пути монах
О Боровске, Алтае, Вятке...

О том, что ново и не ново,
О том, что к ночи день приник,
О животворной власти слова,
О Господине всех владык,

О том, как жизнь иконописна,
Проста, смиренна, пресвята,
О том, что будет ныне, присно,
У всех крестившихся в Христа.

ШАМОРДИНО

*Святому
преподобному Амвросию,
Оптинскому чудотворцу*

Верные мысли приходят неожиданно,
Старцем указан нетленный маршрут,
Хмурость лесов и огни автобана –
Все позади меня в пустыни ждут.

Много въедается в голову вздора,
Вся моя жизнь – переключка времён,
Тянется служба, но знаю, что скоро
Буду Создателем я обновлён.

В сладком созвучии многоголосий
К вечности светлой меня подготовь
И укажи, преподобный Амвросий,
Крёстный мой путь в сокровенную новь.

Я причащаюсь, одна из пустынниц,
Благословляя мой тихий отъезд,
Ласково дарит печёный гостинец,
Вышитый плат и верёвочный крест.

ПРОЗОРЛИВИЦА

*Памяти преподобной схимонахини
Сепфоры (Шнякиной)*

Нам, кто встревожен, разгневан, мытарится,
Кто переполнен, угрюм, нездоров,
В камне лилейном столетняя старица
Сердцем ответит на горестный зов.

И поведёт на моление в Клыково,
В светлую удаль берёзовых рощ,
Где нет напастей врага темноликого,
Где мир надутый становится тощ.

И мы пойдём, разбитные молителю,
По изворотам холмистых дорог,
И у порога Христовой обители
Ты нас узнаешь, ведь Бог нас нарёк.

Как же нам лучше к тебе обратиться?
Ты так огромна, а мы так малы,
Ты словно Царская белая птица,
Что предвещает крушение мглы.

* * *

*Святому преподобному Тихону,
Калужскому и Медынскому чудотворцу*

Я не отшельник, не подвижник
И был рождён в безбожный век.
Я рос, как сныть, полынь, гречишник,
Среди замшелых лесосек.

В кромешной тьме, в кругу пролузин
Я жил, ропща и трепеща,
И колдовщицей был иссушен,
Страдал от гнева и сряща...

Но встретил я пустыннолюба,
С ним говорил в святой глуши,
Молился день и ночь у дуба,
Обрёл смирение души.

И был не видан и не слыхан
Тот день, та ночь, моления час,
Когда мольбой затворник Тихон
Кручину снял с татарских глаз.

СВЯТОЙ ИГУМЕН

*Святому преподобному Пафнутию,
Боровскому чудотворцу*

Скажи мне, ворон чернокрылый,
Скиталец девственных чащоб,
Ведом архангельскою силою
И по какой из древних троп
В лучистый зной и хмарь беспутий,
Дождям и вьюгам супротив,
Шёл чист, покоен, прозорлив
Игумен Боровский Пафнутий.

Какой он был: в овчинной ряске,
Кимвалке, мантии худой,
Столетий сумрак приоткрой,
Мы все равны в Христовой связке.
Я ждал ответа, жеста, знака,
И ждал немыслимых чудес,
Не понимая, как воскрес
В последней строчке внук баскака.

БЛАГОТВОРЕЦ

*Памяти Его Высокопреподобия
схиархимандрита Власия (Перегонцева)*

И солнца луч мертворождён,
И холод нагнетает пытки,
И всё же требует подпитки
Листва, спадающая с крон.

Скажите мне: а можно ей
Чего-то требовать в приплясе
И падать в дождевой проказе,
Забыв о крепости ветвей?

И умолять кого? О чём?
Смердит и плачет позолота,
И время вьюжного подлёта
Предсказано календарём.

И что листва оставит нам?
Кого, прощаясь, обессилит?
Кто будет, раненный навывлет,
Вверять болезни образам?

И чья смиренно теплота,
Когда рассвирепеют стужи
И станет всем безвольно хуже,
Летит сквозь темень от скита?
Кто в разночтенье катавасий
Окажется с тобой вблизи?
Ты сердце тихо расспроси,
Оно ответит: старец Власий.

Берега поэзии

Наталья Егорова

Наталья Николаевна Егорова – родилась в Смоленске. Окончила Смоленский педагогический институт. Работала в издательстве «Современник», газетах «День», «Завтра». Автор поэтических книг «Золотые шары», «Птицы в городе», «Тысяча лет – снегопад», «Русской провинции свет», «Сияние мира, бьющее за край», поэтических подборок и статей в журналах «Наши современники», «Москва», «Молодая гвардия», «Новая Немига литературная», «Берега», газетах «День», «Завтра», «День литературы», «Литературная газета», других периодических изданиях, сайтах, альманахах и сборниках. Лауреат годовых премий журнала «Наши современники» и Всероссийской православной премии им. св. кн. Александра Невского Александровской лавры. Член Союза писателей России.

ПРАДЕД

*Ивану Ефимовичу Евфимову,
священнику деревни Ельша
Поречского уезда Смоленской губернии,
расстрелянному за веру в 1938 году*

Где ты, прадед, русский поп усталый,
В святцах Неба – мученик простой.
Вновь горит на чёрной рясе алым
Крест церковный, чисто золотой.

Под распевы древней Литургии
Бьётся грудкой ласточка о склеп.
И выносишь ты Дары Святые
Из алтарных врат – вино и хлеб.

Благодать земли – твоя работа.
Пахарь духа, вставший от сохи,
Не лентяй, поклоны бил до пота,
Пел псалмы, замаливал грехи.

И, смеясь, цвела твоя округа
От молитвы, древней и простой,
Синей-синей васильковой выюгой –
Осиянной Богом красотой.

Мы до сей поры не знаем точно,
Где искать твой неотпетый прах.
Увели тебя чекисты ночью,
Расстреляли в заполярных льдах.

Век мы ждали вести. Век искали
След твоей судьбы – да не нашли.
Лишь сиял над вымершею далью
Светлый столп от неба до земли.

Где ты, Русь? Колодец сгнил у стога.
Чёрны избы. Луч зари угас.
Только ангел посреди острога
Всё поёт: «Помилуй, Боже, нас!»

ГЖАТСК

Летел Гагарин в небе над страной.
Жила в прибрежном яворе звезда.
У кладбища за Гжатью под луною
Цвела зеленоватая вода.

А в церкви, уцелевшей от разрухи,
Качая ив могильных корабли,
О Боге пели древние старухи
И раскрывали Небо для Земли.

Мы, дети, затаясь в речных ракидах,
Желали знать неведомое нам:
Как в звёздах свечек гроб плывёт открытый
И, словно космос, дышит светом храм?

Но в голосах, дрожащих перед Богом,
Такая вера была током слёз,
Что смерть ушла. И в дальнюю дорогу
Живою взял почившую Христос.

Истёрлась плоть в горниле превращений.
Истёрло время вкус земной беды.
Старуха, Марьей званная в крещение,
С какой пришла, с какой ушла звезды?

...А Гжать за храмом делалась всё тише,
И говорил со звёзд могучий Дух,
Что всех орбит и всех планет превыше
Вот это пенье скорбное старух.

Что где-то там, причастный тайнам Духа,
Летит Гагарин в вечной звёздной мгле,
Пока поёт последняя старуха
В забытой церкви Богу – о Земле.

УЛИТКА

Ты в этом мире медленнее всех.
Ползёшь к цветку – и время тратить грех,
Чтоб наблюдать за медленным движеньем.
Но нет быстрее урагана звёзд,
Летающих по спирали млечных вёрст
В стремительном витке преображенья.

Куда тебе спешить и почему –
Навек неясно твоему уму
В пространстве продвижений постепенных.
Ведь если время не остановить –
Так можно спрятать или закрутить
В спиральный панцирь медленных вселенных.

Сгорают звёзды, пролетают дни,
Поют пульсары – времени сродни.
А ты ползёшь замедленной дорожкой
По правилам неведомой игры.
Ведь можно так: свернуть в себя миры –
И с лепестка цветка топорщить рожки.

НИЩЕНКА С ГОЛУБЯМИ

На соборном дворе крыши белых церквей
Плавят золотом синь голубую.
Облепили убогую сто голубей –
Плечи, руки – поют и воркуют.

Восседают, как ангелы на облаках, –
Божьей стае легко и счастливо
На корявых руках, на убогих платках,
На кофтёнке, заштопанной криво.

Эта нищая жизнь пролгала, пропила,
В блуд ушла, в проходимца влюбилась.
Нагулявшись, бог весть от кого родила.
Нарожавшись, от горя топилась.

Из-за горьких кручин позабыл её сын.
Хату отняли добрые люди.
А сегодня слетел голубеющий крин
Из-за туч на иссохшие груди.

И поют, и цветут небеса-голубень
Над смущённой судьбой бесшабашной.
Так всю жизнь ожидаешь обещанный день,
А увидишь спасенье – и страшно.

Вот и нищенка – вольно крылами шумит,
Недоступна мольбам и укорам.
С голубями в зенит поднялась – и летит
Прямо в рай над высоким собором!

ИЗ ЦИКЛА «СМЯДЫНЬ»

Над поймами – ивы, над ивами – холмы,
Над холмами – облачный город. И снова –
Над облаком – просинь долиною ровной,
А дальше – великие Царства Христовы.

И чудится: братьев, безвинно убитых,
Распахнуто кровью священной Небо,
И руслом днепровским в звенящих ракетах
Вся Русь пролегла – от Бориса до Глеба.

И кровь та святая течёт и поныне
По венам и рекам великой наградой:
Из Киева в Вышгород – к тихой Смядыни,
И вновь от Смядыни – до Вышнего града.

И в ивах звенит, и в болотцах с осокой,
И в утках, утят выводящих на стрежень,
И в песне старинной, бездонно высокой,
Над вольным раздольем днепровских безбрежий.

Опять от России к далёкому устью
Днепр ищет пути сквозь пороги и броды
К садам Украины и льнам Беларуси,
В Священную Русь собирая народы.

Что древние распри? Что смуты над новью?
Что войны народов? Что морок удачи?
Искуplen и ты драгоценною кровью –
Той братскою кровью – о чём же ты плачешь?

Здесь всё искупили – давно и навеки –
Святые и пахари, земли и воды,
И помнят, струясь, полноводные реки
О том, что давно позабыли народы.

А утки летят растревоженным клином
Над древнею Русью, над вечною Русью,
Над буйной седой головою повинной.
И Днепр звенит – от истока до устья.

ПАПИН КОЛОДЕЦ

Скрипели стволы, обрастая корявой корою,
А кроны смыкались, мерцающей вязью легки.
И вырыл отец мой колодец под старой ветлою,
Ведь ивы живут там, где бьют из земли родники.

Он пот вытирал фронтовою рубахой с исподу,
И ладил лопату под руку – как с детства привык.
И землю носил, и вычёрпывал вёдрами воду.
И сруб золотился. И бил потаённый родник.

Там жили – сиянье, лягушки, пугливые тени,
Ручной головастик, весёлый жучок-плавунец.
Мы воду носили под жадные корни растений,
И в небо смотрел с затаённою мыслью отец.

Но годы промчались. Наш дом утонул в сухостое.
И сад наш зарос, не вспоённый водою живой.
А старый колодец давно затянуло землёю,
И след его слабый давно затянуло травой.

Но знаю я точно – под кучами веток и сора
Есть тайный родник, не иссякший за годы
утрат.

И тихий колодец сияет в разломе простора,
Где синие ивы над прошлым шатрами шумят.

И что мне с того, что копают одною лопатой
Могилу и грядку, поющий колодец и дот.
Мне снится под утро, что детство, и есть ещё
папа,
И входит лопата в суглинки небесных пород.

И есть ещё – сад. Есть – колодец небесного свода.
Есть – вера и ум. Есть – упрямая твёрдость руки.
И жажду я, Господи. Жажду – как жаждет
природа.

И память отца говорит мне, где бьют родники.

* * *

В огне любви сгорели дни и даты.
Но в час, когда предельно больно мне,
Я вспоминаю в пламени заката
Пробитый купол храма на холме.

И вижу, как из глубины вселенной,
Горя и плаваясь в щебне и пыли,
Лилось в провалы чёрные на стены
Расплавленное золото Любви.

А в туче голубь плавился. И сила,
Что плавит землю, воздух, даль и близь,
В потоках света камни возносила –
И храм из праха поднимала ввысь.

И Бог Любви – Христос – в закатной лаве
Сойдя с Небес в крапиву и репей,
Сидел на троне в Негасимой Славе
Среди развалин родины моей.

* * *

В этом солнце сквозном – что мне твой
вековечный укор!
Не сотру я со щёк тривиальные глупые слёзы,
А вдохну в свою грудь белой рябью прошитый
простор –
Каждым сердцем зелёным трепещут и любят
берёзы!

И нырнув с головой в эту странную явную новь,
В мир, где каждое сердце округу творит
и струится,
В сотый раз я скажу: наша родина – это Любовь,
А не место в пространстве, где выпало жить
и родиться.

Как берёзы трепещут, стараясь беду одолеть,
Каждым сердцем в простор превращая
заросшую местность, –
Лей в пространство любовь, невзирая на беды
и смерть,
Чтоб очнулась в тебе и тебя полюбила
окрестность!

Надо свить себе родину, как на берёзе гнездо
Вьёт весной соловей мхом и пухом израненных
крылий.
Так и деды твои, улыбаясь за плугом незло,
Тыщи вёсен любя – все вокруг для тебя
налюбили.

И берёзовых рощ водопадом гремевшая новь
В тыщу тихих сердец вдруг пошлёт пониманье
и чудо.
И пойду я к любви – ибо родина наша – Любовь,
На дорогах земных и в мирах, где не жили
покуда.

А когда отторят все пути на краю синевы,
И судьба не подскажет, направо идти
иль налево –
Я совью себе родину в плеске любви и листвы
В белоствольном лесу мирового шумящего
древа.

Приюти меня в тёплые белые рощи твои –
Там, где любящи вечно и всеми безмерно
любимы,
Вьют из пуха и веток гнездилища вечной Любви
В белоствольных лесах у престола Творца
серафимы.

Берега поэзии

Олег Мошников

Олег Эдуардович Мошников – родился в 1964 году в Петрозаводске. Окончил Свердловское высшее военное политическое танко-артиллерийское училище и заочно – Ивановское пожарно-техническое училище. После сокращения Вооружённых сил двадцать пять лет проработал на различных должностях Государственной противопожарной службы Республики Карелия, других пожарно-спасательных подразделений. Ветеран пожарной охраны Карелии. Автор пяти сборников стихов, книги переводов вепсских поэтов и трёх книг прозы. Публиковался в журналах и альманахах Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска, Урала, Сибири, Калининграда, Поволжья, Воронежа. Лауреат нескольких литературных премий, в том числе Всероссийской премии им. Г. Р. Державина «Во славу Отечества». Член Союза писателей России. Заслуженный работник культуры Республики Карелия.

ВОКРУГ СВЕТА

* * *

Былью и небылью веши богаты:
Лодка не движется, небо – везёт...
Берегом вёсельной Кижской регаты
Флот кораблей «кругосветных» плывёт.

Сметая каждый вечер пыль
С ботинок, сквозь оконный створ
Глядеть на ветренный распыл
Густой листвы, июльский двор.

Ладной кижанкой любитесь плотник:
Плавность и сила – в изгибе доски! –
Дразнит соперников иногородних,
Дабы гурьбою уйти за мыски.

Прохладу, втёкшую в подъезд –
Всё в тот же вездесущий створ,
Вдыхать, как мёрзлый зимний лес
И снегопад – под Рождество,

Соймы весёлые, будто со свадьбы, –
Смело – за гичкой – карбасы летят,
Деду-ушкую весло удержать бы –
Старый, да баловень, будто дитя!..

Не прикасаться к башмакам,
Забыть про серый тлен земли, –
Идти по снежным облакам,
По чистой замяти зимы.

Вязы к загубинам встали поближе:
К Преображенской подходят челны.
Солнце играет на маковках Кижей,
Как на чешуйчатой зыби волны.

* * *

Твоя любовь – рассветным бликам
И строчкам памятным сродни...
Закладки треплются по книгам
Любимым, только распахни:

Свет – для покоя, *свет* – для разбега,
Радостный благовест над головой! –
Ждёт «магелланов» своих на Онего
Остров былинный, остров живой.

Миры, один другого лучше,
Кружат, меняясь на лету! –
И Александр Сергеевич Пушкин
Глядит с улыбкой на звезду.

Зорить на диво сбежалась деревня,
Гости и сродники, молод и стар:
Будет кижанка на пристани первой,
Славится исстари плотницкий дар!

И ты прочла строку с любовью...
И свет рождественский проник
Сквозь тюли солнечною новью! –
Уже из сердца, не из книг:

«Мороз и солнце, день чудесный!» –
Всё ты смогла предвосхитить! –
Чтоб на твоём любимом месте
Открылись и мои стихи.

ПОКРОВ

Октябрь у дачного крыльца.
Чего желать ещё изволили?
В лучах рассветного венца –
Блеснул за лесом день лазоревый.

Омыт дождём багряный клён,
Красны рябины вдоль околицы...
Переливается огнём
На солнце риза Богородицы.

ПРЕДДВЕРЬЕ СНЕГА

И вот ноябрь на свете,
Огромный, просветлённый.

Давид Самойлов

Всё глубже, ближе небо.
С обеда – дождик снулый...
Ждут завтрашнего снега
Проспект и переулок.

Надышит за ночь стужа –
Вдоль тополиных линий –
Ледок на пёстрых лужах,
Сковавший клумбы иней.

Ноябрь – венчает осень.
До звёзд – пусты аллеи.
Лавины листьев сбросив,
Мир тише и светлее.

НА НИКОЛУ...

*Памяти
Николая Абрамова*

Держат путь перелётные птицы
К берегам незабвенной земли:
Будто отблески Светлой седмицы
Принесли на крылах журавли.

Ветерок на пролесках колдует.
Сон с еловых слетает венцов...
Вышел утром на Вытегру «Клюев»,
Потянулся на Мурманск «Рубцов».

Не одним только святцам забота –
Имена сыновей возгласить:
То автобусом, то самолётом
Пребывает Поэт на Руси.

Возвели, вознесли и воздали,
Чудотворцу поставив свечу.
Исчезает в заоблачной дали
Журавлиная стая. Но, чу! –

Впереди именины Николы...
Вдруг сподобится северный край:
Вдоль по борту, на вывеске школы –
Снова имя мелькнёт Николай.

Пусть «Некрасов» проследует прямо
До Казани от Питера! Пусть –
Малой родине Коля Абрамов
Пропоёт свою вепскую грусть.

ОСЬКИН БЕРЕГ

Встречает утро полуостров –
В подкове ладожских протоков...
Бурёнок в пойму гонит Оська –
Деревни летний пастушок.

Под горкой – лагерь пионерский,
Лесной дороги поворот:
С ведром и удочкой простецкой
Я уходил за горизонт.

Не местный? – не было печали:
По мне читалось – парень свой!
Что пастушонка Оськой звали –
Дошла молва сама собой.

Облюбовали берег чайки...
На место знатное пешком
Я из отряда – без утайки –
Ушёл за ранним окушком.

Крючок забросил рядом с Оськой, –
И поплавок пошёл ко дну.
Навстречу дню шагнули сосны,
Взлетели тени на волну.

Под вечер солнышко остыло,
Туман поднялся из глубин...
Кивнул мне Оська: – Клёво было! –
И подал руку: – Константин.

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

На школьных ступенях, несомая веком,
Читателя книга нашла...
Нестарая женщина, библиотекарь,
В квартире при школе жила.

Учебным хоромам была она сторож.
Но утром, затеплив огни,
Из комнатки тихой, за белою шторой,
На царство журналов и книг –

С достоинством, чинно, красиво ступала –
Под тихий восторг половиц:
Служила большая читальная зала
Открытию дивных страниц!

И надо ещё подгадать к перемене,
Что нужным окажется вдруг
Пытливому школьнику: Носов, Тургенев?
Том Сойер, Гаврош, Винни Пух?

Не может пострел оторваться от книжки.
Куда и хозяйке спешить? –
Всё так, всё сложилось. И ради мальчишки,
Занятого, – хочется жить!

Счастливый читатель. Ступенька у входа.
Второй перевёрнутый лист –
Той книги потёртой, лохматого года...
Той книги, любимой всю жизнь.

КРАСНАЯ РЯБИНА

(воспоминания о пожарной службе)

В пламени – жухлые листья сгорают:
Близко к домам подступили кусты...
Ловко пожарные кровлю вскрывают,
С крыши горячей срывают листы.

Стойко рябина, листвою опадая,
В вихрях золы – продолжает мерцать:
Грозди, в бездушном чаду пропадая,
Крепче – к живым приникают сердцам.

В горьком дыму огнеборцам упорным
Хочется очень спасти от огня
Маленький садик, от копоти чёрный, –
Пламя тугая сбивает струя!

Линии судеб названных братьев
Сетью прожилок накроют ладонь –
Жизни немеркнувшей рукопожатье,
Перед которым бессилён огонь!

Чувства бесстрашные не умирают...
Дымные всполохи. Зов темноты.
Тянется лестница – к самому краю
Зольной, горючей, бездонной беды.

К Богу ведут не ступени – минуты...
Гонит усталость, отчаянье, злость,
Боль утоляет обычное чудо –
Красной рябины горящая гроздь.

Берега поэзии

Валерий Куликов

Валерий Юрьевич Куликов – член Союза писателей России. Автор и исполнитель своих песен в стиле городского романса. Представляет фрагмент своего нового сборника стихов «Строки и струны».

* * *

Мелодия судьбы становится ясней
И ярче бытие, когда со мной ты рядом.
Покоится рука твоя в руке моей,
И я дышу одним твоим весёлым взглядом.

Улыбкою своей ты отменяешь тьму
И наполняешь жизнь лишь солнечными днями.
Душа твоя прильнула к сердцу моему
И нежно обвила изящными ветвями.

Гляжу в твои глаза, где вечная весна,
Без них мгновенье мне десятилетий дольше,
И сам осознаю, что жизнь моя ясна –
Я с каждым новым днём люблю тебя всё больше.

* * *

Белизной луны застылой
Обозначен небосвод.
Вторгся огненной кобылой
В нашу эру новый год.

Незатейливо и просто
И без спросу, как судьба.
Пламенем искристых тостов
Занялась моя изба.

Жизнь нам задаёт задачи,
Мы решаем их в ответ.
В яростном пожаре скачет
Вся земля, весь белый свет.

Кто ту скачку остановит,
Мир неся в умы мирян?
И опять без страха входит
В тьму пожаров дочь славян.

* * *

Зима снежинки с облаков сметает.
Снег, падая, на стёклах окон тает,
Перерождаясь в дождь.
Так и мечты, необратимо тая,
На платье капают, с ресниц слетая.
А ты всё ждёшь...

* * *

Прислушайтесь. Над полем и рекой,
Над дремой дорогого сердцу сада
Летит с небес, неся душе покой,
Мелодия ночного снегопада.

Она как песня ангелов звучит,
Сопровождаемая еле слышным звоном,
Над мёртвой тишиной гранитных плит,
Над истинной любви подлунным лоном,

Над городом, над маленьким селом.
И это нам Небесное посланье –
Святою ночью перед Рождеством –
Божественного чуда ожиданье.

Напев её по улицам плывёт
И к окнам льнёт на свет горящей свечки.
Душа сама под звёздный небосвод
Возносится, как белый дым из печки.

И чувствуем тогда, и слышим мы,
Что колыбельная святому Сыну
Спускается на лес и на холмы,
И пробуждает сонную долину.

РОМАНС

В стаи снежинки сбивая,
Гонит в ночи по лесу
Ветер, на флейте играя,
Вечно пастушью пьесу.

Звёзды во тьме искрятся,
Снегом засыпан ельник.
Спящим деревьям снятся
Белые сны в сочельник.
Будто бы каждой ёлке,
В этом краю рождённой,
Хочется до иголки
Небом быть освящённой.
Каждая ветка хочет
Выглядеть величаво.
С неба Рождественской ночи
Светит великая Слава.
Кружит снежинок стаи
Ветра пастушья флейта.
В чёрной пучине тает
Тоненький серпик света.

* * *

Романс

Под звёздным пологом небес
Слышна симфония вселенной.
Мир, полный сказочных чудес,
Звучит в мелодии волшебной.
Я в невесомости с тобой
Под эту музыку танцую.
Танцуй со мной, моя любовь,
Твой каждый милый жест целую.

Луны серебряный венец
Плывёт над сонною долиной.
Дыхание и ритм сердец
Теперь в гармонии единой.
Мы в звёздном сонмище летим,
Подобно солнечным осколкам.
Прикосновением своим
Ты разжигаешь кровь восторгом.

И шёпот ветра из полей
Приносит мне разгадку тайны
Твоих загадочных очей
И ритмов сердца – неслучайно.
С тобой мне нечего терять.
Любовь моя кипит, как море.
Я буду небо умолять,
Чтоб к нам не прикоснулось горе.

* * *

Вся жизнь полна забот.
И мы бежим бегом.
Ведь дел неуворот,
И не успеть пешком.

Нет времени стоять
И тихую зарю
Спокойно созерцать.
Нет, нет, я не хандрю.
Но с завистью порой
Смотрю на то, как пёс
Следит в тиши ночной
За плавным танцем звёзд.
И в щёлках карих глаз
Искрится благодать.
Нет дел ему до нас.
Его удел — мечтать.
А наша участь — мчать,
Верша свой интерес.
В упор не замечать
В сплошном мельканье лес
Густой, и сочный луг
В искрящейся росе,
И неба полукруг...
Лишь тёмное шоссе
И рой горящих фар
Навстречу. Все хотят
Лететь как на пожар.
Куда они спешат?
Мы все спешим зачем,
Не успевая жить?
Как хочется над всем
Над этим пошутить.
И в вихре дней крутясь,
Про всё шучу всерьёз.
Сам на себя смеясь
До коликов и слёз.

* * *

Давайте попробуем жить не спеша,
И делать почаще в пути остановки,
Чтоб время подвергнулось балансировке
И мы понимали, как жизнь хороша.
Не стоит по жизни стремглав пробегать.
Пора научиться, себя уважая,
Спокойно сказать, на звонки отвечая:
«Сегодня я занят – ушёл отдыхать».

* * *

Знакомо всем до боли и знают даже дети,
Что есть покой и воля, а счастья нет на свете.
Все вторят: «Не упорствуй, тебе уж лет-то
сколько!
Что счастье? – это просто иллюзия, и только».
Скажу: «Оно такое – вам непонятно, что ли? –
Оставьте нас в покое и не лишайте води».

Берега поэзии

Ираида Кельмелене

Ираида Кельмелене – автор трёх поэтических сборников. Публиковалась в газете «Latvijas dzelzceļnieks»; альбоме «Жизнь и творчество В. Пикуля»; в книге «Поэтическое слово В. Пикуля и стихи о нём»; в журналах «Берега» (Россия), «Настоящее время» и «Корни» (Латвия); в международных альманахах «Laisves aleja» и «Ступени» (Литва). Лауреат журнала «Берега» (2021). Лауреат Международного фестиваля-конкурса «Балтийский Гамаюн – 2022». Обладатель приза зрительских симпатий фестиваля-конкурса «Балтийский Гамаюн – 2025». Член общества Кришьяниса Барона (Латвия), координатор Творческого объединения любителей поэзии, музыки и живописи «Созвездие» (Рига). Член МАПП. Живёт в Риге (Латвия).

РАЗМЫШЛЕНИЯ

Сомнения, стремления, порыв.
Играем в жизни роли, что не ново.
И годы чередой летят в обрыв.
Нетленным остаётся только Слово.
Из уст в уста, столетьям вопреки,
События известны повсеместно.
Одни слова коварны и легки,
Другие лечат и ласкают лестно.
Младому поколению расти,
Актёрский опыт получив в наследство.
Все зёрна мудрости зажав в горсти –
Словами, не лишёнными кокетства.
Так было человечеству дано
По Слову строить разум для Вселенной.
Распахнуты и двери и окно,
И путь известен для души нетленной.

ТАЙНЫЙ КОД

Не каждому из нас дано
Влиять на судьбы во Вселенной,
Посеять мудрости зерно,
Не став монетою разменной.
Не каждому, но есть черёд –
Столетия тому порукой –
И неизвестно наперёд,
Что станет радостью, что мукой.
Погаснут искры, но свеча
У Алтаря всегда на страже,
И не позволит сгоряча
Мир уничтожить, в мыслях даже.
И в хмурый день взойдёт заря,
И мнимая уйдёт тревога.
Так, человечество любя,

Жизнь создаётся кистью Бога.
Я выпадаю из эфира.
Не слышу, видеть не хочу.
Войной охвачено полмира.
Я огорчаюсь... и молчу.
Не в силах развести людей
Всех по домам, убрать барьеры.
Чтоб только стаи лебедей
Несли на крыльях Символ веры.
И потаённые слова я прячу,
Чтобы ненароком
Их не услышала Земля
И не назначила Пророком.
Чтоб не разверзлись Небеса
И длань на голову не пала.
Остались в прошлом чудеса.
И вдруг внезапно тень пропала.

ЧЕЛОВЕК

Наивный ребёнок – спиралью закрученной
нитью
Ты мечешься, стонешь, желая познать до конца
Своё назначение и правду Божественных истин,
Сжигая мосты и не пряча гримасы лица.
И вот, уже взрослый – в ком горе и счастье
едины,
В ком тени и светлые образы слиты в одно.
Но время на страже, виски украшают седины,
Кто ввысь устремился, а кто опустился на дно.
И снова костёр, и свеча, и молитвенный шёпот.
На Млечном Пути отражение звёздных парсек.
Крылатых коней не расслышать причудливый
топот.
И падает ниц пред иконою вновь человек.

* * *

Сублимация времени.
Профанация чувств:
Отрекаясь от бремени,
Впасть в истому искусств.
Всё смешать вдруг и выплеснуть,
Никого не кляня,
А потом эхом выкрикнуть
На пороге огня.
Кто поймёт – согласится
Жизнь поставить на кон:
Полыхает зарница,
И церквей перезвон.

* * *

Ты говори со мною, Муза, говори...
Пройдись по комнате... А может, выпьешь чаю?
Ещё так рано – нежен свет зари.
Я щебет птиц с улыбкой привечаю.
Июнь распахнут. Дивный запах трав!
Каштаны отцвели, а липы вскоре,
Медовый аромат цветов набрав,
Всех очаруют, не нуждаясь в споре.
А берег моря – просто красота!
Встречать рассветы, провожать закаты...
Там жаркая дневная суета
Душевных сил не требует затраты,
Поскольку голубые небеса
Благословенны, солнце в том порукой...
Смеёшься ты, подруга. Полчаса
Побудь ещё, и день не станет скукой...
Известны муки творчества – поверь,
Моей душе они, как омовенье.
И для тебя всегда открыта дверь,
И чай горяч, и в вазочке варенье.

* * *

Унывать мне не пристало.
Раз не спится, так пиши.
И бессонница отстала,
С Музой шепчемся в тиши.
По-приятельски, как сёстры,
И с распахнутой душой.
Язычок у Музы острый,
Но и мой-то не простой.
Всё по чести разложили,
Чин по чину, чётко в ряд.
Долго думали, рядили,
О чём люди говорят.
И сказала Муза твёрдо:
«Если можешь, то пиши.

Только искренно. И гордо
Не красуйся, не греша –
Я ведь многим диктовала.
Предавать меня не смей!
Темы нет и рифмы мало,
Вьётся искуситель-змея?
Почитай мою диктовку:
Блок, Ахматова, иных...
Вот и обретёшь сноровку.
Только, чур, без выходных».
Так на том и порешили.
Оглянулась, Музы нет.
Я одна в своей квартире.
В окна заглянул рассвет.

* * *

Я иду по улице и в дожде купаюсь.
Мне тепло и весело, мило улыбаюсь.
Зонтик в сумке дремлет, экая забота,
Подрасти немного мне сейчас охота...
Что-то шепчет дождик, капает на ушко
Про любовь и дружбу. Говорит: «Подружка,
Весело шагаем, ты же не промокла?
Я грибной и добрый и знавал Софокла».
Я расхохоталась. Дождик, ты философ!
Впечатлил, не скрою, даже нет вопросов.
Так дошли по лужам с дождиком до дома.
Ну, прощай, приятель. Рада быть знакома.

* * *

Вас волнует аромат сирени
И трава в веснушках по весне?
Солнечные зайчики и тени
От черёмух в утренней росе?
Открывают розовые тучи
Календарь купаний на сезон.
Разбегаются берёзки с кручи
Под весёлый птичий перезвон.
Если вас волнует – значит, вместе.
Значит, сопричастны Бытию.
Я Весне – сиреновой невесте –
«Аллилуйя!» – громко пропою.

* * *

Шли двое по аллее, и липы шелестели,
И души их сплетались в единстве Бытия.
Они ещё не знали, что в будущем апреле
Родятся сын и дочка, Марина и Илья.
В глубинах Мироздания, в расчётах звездочёта,
Невидимым пунктиром наметилась стезя.
Шли двое по аллее в предчувствии полёта,
По грани притяжения с улыбкою скользя.

Берега поэзии

Марина Рощина

Поэт, член ЛООО Союз писателей «Воинское содружество». Родилась в Целинограде, окончила факультет иностранных языков Липецкого государственного педагогического института в 1988 году, преподаватель иностранных языков, пишет стихи и прозаические миниатюры. Живёт и работает в Липецке. Литературным творчеством начала заниматься в зрелом возрасте. Публиковалась в периодических изданиях Липецка, в литературном журнале «Подъём» (Воронеж), в сборнике «Патриотическая эстафета памяти» (Самара, 2023), в литературном интернет-журнале Literra, в литературном альманахе АСПУР «Чаша круговая» (2023 и 2025), в литературных альманахах «Литературное созвездие» (2024), «Литературная стро-

ка» (2025, Беларусь). В 2021 году вышел сборник стихов «Вдыхая этот мир». В 2023-м – поэтический сборник «Рифмы шорох травяной».

ПУСТЬ ЖИЗНЬ СЫГРАЕТ СНОВА...

* * *

Прерывиста строка.
Небрежно, торопливо
Набросаны в листах созвучий
Переливы.
Рождается мотив нечаянно,
Неловко.
Здесь нот и мыслей связь,
Пунктиры, остановки,
Скрипичные ключи,
Сердечные засовы.
Пусть вечность помолчит!
А жизнь сыграет снова.

* * *

Пройди по лунному лучу
Или по нитке паутины!
Рискни, мой друг, я не шучу!
Поэты с космосом едины.
В день поражения и потери,
А может, в безмятежный час
Строка появится, поверь мне!
Слова откроются для нас.
В них свет и тьма попеременно
Одержат верх, начнётся вновь
Извечный круг, слепая смена:
Жизнь – смерть и ненависть – любовь.

ЯБЛОЧКИ

Когда-то яблочки-ранетки
По осени срывали с ветки
И засыпали в медный таз,
Варенье пенилось, дышало,
И сладкой пенки было мало.
А малышня вокруг стояла,
За ложки крепко ухватясь.
Сегодня утром кисти-ветки
Случайной яблоньки ранетки
Напомнили нехитрый вкус
И аромат варенья мамы,
И стали радостным бальзамом
Душе, наивной и упрямой,
Две горсти мелких яблочек-бус.

ПО ЛЕЗВИЮ

По лезвию войны до мира так далеко...
Темно в квартире.
И воет, и свистит она,
Совсем недалёкая война.
Там бьются совесть и порок,
И смерть ступает на порог,
И жутко матери седой
От стука в дверь, звонка с бедой.

* * *

Считаю дни до поворота
От холодов к капельным дням,
До вешнего дрожанья ноты:
Бурленья речек по камням,
До пробужденья первоцветов
И обновления травы.

Я верю в светлый праздник этот:
Жизнь одолеет смерть! А вы?
Вдруг утишится, разомкнётся
Объятый ненавистью люд,
Негромко небо рассмеётся
И ливни тёплые польют.

* * *

Назови мне имена звёзд,
Хоть, я знаю, мир до них не дорос,
Знаю я, что имя миру – Война,
Но коснётся звёзд строка и струна.
Назови мне имена звёзд,
Имена мечтаний, славы и слёз!
Вдруг отыщется Небес календарь
И откроется забытое встарь.
Вдруг обнимутся бывшие враги
И увидят, что все равно наги...

* * *

И новый день – и новая весна,
И солнце набирает в горсти света,
Пока ещё в снега земля одета,
Не верится, что жизни не до сна.
Но бродят соки в розовых стволах,
Ладони к солнцу первотравье тянет.
Весна надежды наши не обманет,
И мир восстанет, тёмный бред прервав.

* * *

В платок – хоть горсточку своей земли!
Ведь люди мы – не аисты, не журавли,
Нам оторваться трудно от руин.
Во тьме летит на нас за клином клин,
За дроном дрон врезаётся в дома,
И не одна прошла уже зима...
Но вера в дело русское крепка,
И воля не слаба. Мы на века.

* * *

После нынче – только мгла...
Подзабытое вчера
Лупит молотком дверным
В настоящее, здесь – дым
От пожарниц, войн и лжи,
Договоры – миражи,
Обещания – обман.
Кто же в будущее зван?
С чем пойдут вперёд сыны
Против войска Сатаны?

В чём найдут они опору? –
В силе Правды. Скоро... скоро.

* * *

На тонкой дудочке из дерева ситтим
Хотела бы сыграть о том, что победим
Ненастье, ненависть, недуги,
О том, что люди – братья, друзья!
Ещё о том, что свежие ветра
Уже струят тепло, хотя пора
Колючих вьюг и каменных сердец
Ещё над нами властвует... Отец
Всего, что есть под небом, негодует,
Но дудочка споёт о долгом поцелуе,
О ласке и живительной любви.
Мне веточку от дерева ситтим
Найди, мой друг, сорви!

ПИШУ ДИКТАНТ

Пишу диктант, диктует вечер,
Приносит странные слова,
В них радость, свет и свежий ветер,
В них прорастает мурава.
В диктанте жизнь почти незримо
Пронзает гибельный распад.
И смерти нет, и беды мимо,
И годы мимо шелестят.

В ТИХОМ ДВОРИКЕ

А в нашем дворике с утра –
Октябрь, ненастная пора.
Как дружно пожелтели клёны!
А юный дуб пока зелёный.
Повсюду листья, листья, лужи.
Башмак повыше – шарф потуже!
Сидят три галки на ограде,
Гуляет мопс в смешном наряде,
В грязи испачкался малыш.
Глядишь тихонько в эту тишь –
Денёк обычный, без прикрас.
Эх, если б завтра, как сейчас...

* * *

Многоголосье у пруда в вечерний час:
Лягушки славят жизнь. Они мудрее нас,
Живут сейчас, сегодня, во весь дух.
Не важен голос им, совсем не важен слух.
Их пенье – гимн простого бытия,
Пусть всё пройдёт: они пройдут и я.
Но жизнь продлится, будут в отблесках звезды
Лягушки на пруду и люди у воды...

Берега поэзии

Михаил Кулеш

Михаил Иванович Кулеш, 69 лет. Поэт, прозаик, переводчик, педагог. Окончил Белорусский государственный университет, филологический факультет. Проживает в Бресте, в Беларуси. Работает в СШ № 10 Бреста педагогом дополнительного образования, ведёт литературный кружок. Учащиеся неоднократно становились победителями, финалистами и дипломантами международных, республиканских и городских литературных конкурсов. Член Союза писателей Республики Беларусь, Союза писателей Союзного государства, Международной ассоциации писателей и публицистов (полномочный представитель МАПП по Брестской области).

Победитель четырёх международных конкурсов, двух республиканских. Награждён медалями Максима Богдановича, Марины Цветаевой, «За большой вклад в литературу», медалью Международного фонда маршала Г. К. Жукова «80 лет Великой Победы», а также Почётными грамотами Союза писателей РБ, Минского городского отделения СПБ и МАПП. Печатался в журналах и коллективных сборниках в Москве, Лондоне, Вильнюсе, Омске, Махачкале, Минске, Бресте.

ПОТОП

Сколько зла и обиды на свете,
Сколько бед и различных хвороб.
Видно, снова на нашей планете
Повторится Всемирный потоп.

Я подобный исход не приемлю,
Но потоки греха и страстей
Захлестнут, как потоп, нашу землю,
Истребив всё живое на ней.

Как избежать подобного ада,
И трагедию предотвратить?
Я не Ной, но я знаю, что надо,
Чтобы жизнь на земле сохранить.

Я сошью из терпенья одежду,
Причащусь, отрекусь от грехов.
И построю ковчег из надежды,
Веры в Бога, любви и стихов.

И возьму я с собою в дорогу
Всю семью и надёжных друзей,
Всех животных и птиц понемногу
И невинных душою детей.

Обязательно Книгу Заветов,
Хлеб и корм погружу на корму,
Заберу музыкантов, поэтов,
И художников тоже возьму.

И тогда со спокойной душою
Под счастливой и новой звездой
Мы поднимемся над суетою,
Над жестокостью и над бедой.

Уплывём от вражды и печали
К необъятной и светлой мечте.
И тогда непременно причалим
К той желанной, святой высоте.

Где здоровы и счастливы дети
И не будет ни войн и ни злоб.
Так не хочется, чтоб на планете
Повторился Всемирный потоп.

ПАМЯТНИК

Я памятник себе воздвиг нерукотворный.
К нему не зарастёт народная тропа...

А. С. Пушкин

Уже немолодой, но нет заслуг весомых,
Желаемых высот я так и не достиг.
Известен как поэт в кругу своих знакомых
И памятник себе пока что не воздвиг.

Он мне необходим для самоутверждения,
Чтоб помнили меня, короче говоря.
И чтоб спокойно жить, мне нужно подтверждение,
Что нужен людям я и прожил жизнь не зря.

Хотя бы лет на сто – не надо на века мне,
Но я его создам, ведь всё в моих руках.
Конечно, будет он не в бронзе и не в камне, –
В моих учениках, рассказах и стихах.

Он будет из любви, а как же по-иному,
И к дочери моей, и к внучке, и к жене,
К котяткам и щенкам и ко всему живому,
К родителям, друзьям и всей моей стране.

Я счастлив, что могу задуматься о вечном,
Мои стихи всегда останутся в цене.
А значит, буду жить в том мире бесконечном,
Пока живут в нём те, кто помнит обо мне.

НЕ РАССЛАБЛЯЙТЕСЬ!

(рондо)

Не расслабляйтесь в жизни, не сдавайтесь,
Когда припрут к стене – сопротивляйтесь,
Ни в чём не допускайте слабину,
Ведь так порой легко пойти ко дну,
А вы всегда быть на плаву старайтесь!

Унынию, хандре не поддавайтесь,
Старайтесь искупить свою вину
И свято чтите истину одну:
Не расслабляйтесь!

Когда успех придёт – не зазнавайтесь,
Споткнулись и упали – поднимайтесь,
Не гните перед сильными спину,
Забудьте про мигрень и седину
И даже в мелочах не оступайтесь, –
Не расслабляйтесь!

ЗА ДРУГИХ НЕ РУЧАЙСЯ

Не стоит за других стоять горой,
Пусть он умён, талантлив и успешен.
Пусть он судья, священник или герой.
Он смертен, как и ты, и не безгрешен.

И рыльце так же у него в пуху,
И слабости свои, и недостатки.
Не стоит перед ним, как на духу,
Выкладывать все тайны и загадки.

Ты можешь им гордиться, уважать,
Писать о нём дипломные работы,
Но никому не стоит доверять
Свои проблемы, беды и заботы.

Ты можешь с ним дела свои вести,
Секретами делиться и грехами,
А завтра ваши разошлись пути
И он тебя заложит с потрохами.

Конечно, так поступит не любой,
Но крепче спишь, когда поменьше знаешь,
А как в беде поступит он с тобой,
Ты наперёд никак не угадаешь.

Никто не знает, где кого припрёт,
Любой из нас и падал, и срывался,
Да что с нас взять, когда-то даже Пётр
От Бога, испугавшись, отказался.

Семье создай достаток и уют,
Друзьям звони, коль горе одолело.
Свои, возможно, тоже предадут,
Но здесь уже совсем другое дело.

Твори, дерзай, стремись всё время ввысь,
Не лезь в долги и никого не трогай.
А за других ручаться не берись,
Пусть себе идут своей дорогой.

СУДЬБА

Судьба играет человеком,
А человек играет на трубе...

И. Ильф, Е. Петров

Вся наша жизнь висит на волоске.
Неверный шаг – и ваша песня спета.
Мы у судьбы на жёстком поводке
И для неё разменная монета.

Пусть в жизни ты всего сумел достичь,
Обдуманно всё делал, не рискуя,
А тут тебе на голову кирпич,
И пропоёт священник: аллилуйя.

Жил человек как надо, не тужил,
Не мучила ни зависть, ни обида.
Здоровым был и эту жизнь любил,
Глядишь – а завтра умер от ковида.

Неясно, что там ждёт нас, ад или рай,
Не считаешь и не угадаешь.
Одно понятно: как ты ни играй,
А всё равно судьбу не обыграешь.

Мы ничего не в силах изменить,
Дорога наша не бывает гладкой.
Куда ведёт нас нашей жизни нить,
Нам навсегда останется загадкой.

И здесь, конечно, дело не в тебе,
Как ни старайся успевать за веком.
Пусть человек играет на трубе,
Зато судьба играет человеком.

ДИАЛЕКТ

Мой диалект понятный и простой,
Он не язык, конечно, и не мова¹,
Но для меня он близкий и родной,
И мне не надо языка другого.

В нём столько теплоты и доброты,
Фантазии и мудрости народной.
А сколько в выраженьях красоты,
Достоинства и силы благородной!

А до чего здесь песни хороши,
И сказки, и легенды, и преданья!
Мой диалект – он часть моей души,
Основа нашей сути и сознания.

Мы говорим на разных языках:
На русском, иногда на белорусском,
А наши люди в разных уголках –
На польском, на немецком,
на французском.

Но, приезжая в свой отцовский дом,
Все при вполне высоком интеллекте,
Мы говорим на нашем, на родном,
Забытом, деревенском диалекте.

Пусть говорят, он грубый и смешной,
Но критик мой пускай с плеча не рубит.
Я знаю, из моих друзей любой
Родную речь как мать родную любит.

Я УЖЕ НЕ ТОТ

Стал реже волос и мудрее взгляд,
Не балуюсь ни рюмкой и ни трубкой.
Желанья нет, как тридцать лет назад,
Здрав штаны, бежать за каждой юбкой.

Вдвойне быстрее бегут мои часы,
Не радуют, как прежде, дни рождения.
Сбрываю поседевшие усы
И церковь посещаю в воскресенья.

Меня ничем сегодня не проймёшь,
Я закалён в житейской круговерти.
Познал беду, предательство и ложь
И был не раз на волосок от смерти.

Рассудит Бог, кто прав, кто виноват,
Но, несмотря на опыт мой печальный,
Я тот же, что и тридцать лет назад:
Простой, открытый и sentimentalный.

Спешу на помощь, если вдруг беда,
Кормлю батоном белым птичью стаю.
И о далёких звёздах иногда
Украдкой по ночам ещё мечтаю.

Я в жизнь врезаюсь, как шахтёр в забой.
Девиз мой прежний: доброта и честность.
Я, в принципе, остался сам собой,
Немного изменилась только внешность.

MAME

Вновь покрылась листва позолотой,
И давно в серебре голова.
Мы хранимы теплом и заботой
До тех пор, пока мама жива.

Как всегда она встанет с рассветом,
Чай согреет, блинов напечёт.
Успокоит, поможет советом
И молитву в дорогу прочтёт.

Может ветер стучаться тревожно
И остаться под снегом жнивье,
Но представить совсем невозможно
Мне себя на земле без неё.

Я, естественно, всё понимаю,
Всем на свете свой срок отведён,
Но с тревогой всегда замираю,
Если ночью звонит телефон.

¹ У нас так называют русский и белорусский языки.

Берега поэзии

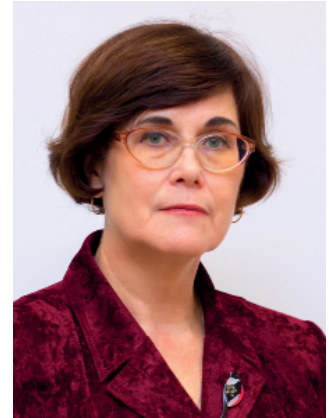
Наталья Швецова

Наталья Валентиновна Швецова (псевдоним – Наталья Адлер) – родилась в Новгороде Великом в 1962 году. Выпускница филологического факультета Вологодского педагогического института. Живёт и работает в Вологде. С 1999 года сотрудник Вологодской областной универсальной научной библиотеки имени И. В. Бабушкина.

Первая публикация была в 1981 году в областной газете «Вологодский комсомолец». Публиковалась также в журналах «Вологодский ЛАД», «Свеча» (Вологда), «Двина» (Архангельск), «ЛиФФт» (Москва); альманахах «Автограф» (Вологда), «АСТЭС» (Мурманск), «Иртыш-Омь» (Омск); в альманахе «Притяжение» (Москва, 2024); в региональных газетах «Красный Север», «Русский Север», «Маяк». В 2015 году стала одним из участников книги «Вологодский альманах – 2015» (Вологда, 2015).

Автор книг: *Лещина: (стихотворения).* – Вологда, 2002. – 60 с.; *Доверчивость: стихи.* – Вологда, 1995. – 70 с.; *Сады сочувствия: (сборник стихотворений).* – Вологда; Череповец, 2020. – 127 с.

С 2013 года член Вологодского регионального отделения Русского литературного клуба Российского союза писателей. Личная страничка: <http://www.stihi.ru/avtor/adlernata>

СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Всё, что сердце дарило,
Радость или мечту,
Время не угасило,
Не смело на лету.

И не стала прогорклой
Или пресной на вкус
Эта нежность к пригоркам
Всех испытанных чувств.

Пусть покажется зыбким,
Что почувдится вновь.
Но любовь – не ошибка,
Если это – любовь...

ФЕВРАЛЬСКИЕ СТИХИ

По улице моей
И вдоль и поперёк –
Февральский выюговой,
Февральский снеготок.

Неделя – не предел.
Семь дней ли, полчаса –
Всё снег, сыпуч и бел,
Дырявит небеса!

Летит благая весть,
Спешит, коль повод есть,
Упасть, чтоб сразу – весь;
Земле – такая честь!
В открытое окно
Влетает не боясь,
Беззвучное кино,
Таинственная вязь!
Ночь – снежные рои,
День – снежные валы!
Так трудятся твои
И пчёлки, и волы!
Метельная зима,
Отчаянный февраль!
И я в снегу сама,
И выберусь едва ль!
Пока мне так близка
Подруга – тишина,
И снежная строка
Мне так сейчас нужна!

АПРЕЛЬ

Ах, апрель величавый
Всё солнечным светом омыл!
Я люблю это небо
В эмалевом праздничном глянце,

Эту весть первоцветов
В ещё замирающем танце,
Пробуждения шум,
Просветленья восторженный пыл!
Всё, что выжило ныне,
Что вызрело в чреве земном,
Всё, что силой весны
Из сурового плена исторгло –
Всё в немолкнувшем хоре
Одним изливается горлом,
Шепчет, плачет, журчит
И хохочет в порыве одном!

КИРИКИ-УЛИТЫ. ЛЕТО-22

А в Кириках – зелёный шум
Да волны клевера,
И небо выше всяких дум,
Пустого плевела.
Здесь к небесам устремлены
Сосняк и ельники,
У них свои мечты и сны,
И понедельники.
А мы, мирская суета,
Живём и маемся
И жизнь всё с чистого листа
Начать стараемся...

* * *

Да, стихи, они от счастья,
От свиданий – расставаний!
Всё – слагаемые части
Человеческих стараний!
В переменах тьмы и света,
Токах радости и боли
И в мелодии, пропетой
Малой птахою на воле!
А ещё они от муки
И сердечного томленья,
Как единственной поруки
Истинного вдохновенья...

СВЕТЛАЯ НЕДЕЛЯ

Вот и Светлая неделя
Отзвенела, отплыла;
Золотые дни апрелю,
Видно, Пасха отвела.
Распустились верба с ивой,
Целый день звенят скворцы;
Во дворах костры ретиво
Жгут мальчишки-сорванцы.

Ждут деревья, ждёт кустарник,
Ждёт, таясь в земле, трава...
Май уронит луч янтарный,
Ссыплет звон из рукава;
Да по-царски, да с размахом,
С пересвистом – в перепляс!
Закружатся роем птахи,
Пчёлки, бабочки тотчас;
И пойдёт буравить землю
Молодых побегов рать.
И чудес, что мир объемлют,
Силам тьмы не удержать!

САДЫ СОЧУВСТВИЯ

Переливы, перепевы –
Птицы, травы и ручьи.
Зреют яблоки. У Евы
Руки и глаза мои.
И вокруг меня купины,
Сад из всех земных садов,
Что уже наполовину
Тучен тяжестью плодов.
В том саду живые краски,
В том саду озвучен свет,
И покинуть эту сказку
У меня желанья нет.

Времена опять сомкнулись:
Ждёт гонцов Иерусалим.
И сочувствовать могу лишь
Всем, кто жаждою томим.

ЧИТАЯ РАСУЛА ГАМЗАТОВА

Высоких гор ответного посула
Мне на найти щедрее и верней –
К поэзии великого Расула
Иду, как к роднику среди камней.

Из детства – мудро, иронично, ново –
Оранжевых страниц возник туман,
По-русски пересказанное слово.
И это слово было – Дагестан.

– Да полно! – скажут.
– Видано ли это,
Чтоб сызмальства запомнить и сберечь
Далёких гор неведомые меты,
Орлиную – восторженную! – речь...

Прошло полсотни лет. С тех пор немало
Гремело гроз и пролилось дождей,
Но слово «Дагестан» не исчезало
Из благодарной памяти моей.

Я не горянка, но высоким гулом
Кавказских гор навек покорена,
И мудрый слог великого Расула
Свои щедроты мне открыл сполна.

ПЕТРЯЕВО

Затейливо петляет
Дорога в полях.
Вот оно, Петряево, –
Во весь размах!
И зелено, и знойно,
И солнце в зенит;
От мошкары назойливой
Округа звенит.

У дома знакомого
Машина замерла.
– Хозяева дома ли,
Вдруг важные дела?
И гости мы незваные,
И дел неупрочен.
Но вот, ступая плавно,
Хозяйка идёт.

И радостно открыта
Душа её словам,
И пыль дорог забыта,
И суета, и гам.
И лестницей заветною
Ведёт наверх, под сень.
Ступеньки светлые
И не скрипят совсем.

Проходит жизнь, но лестница,
Что в горницу ввела,
Времени былых ровесница,
По-прежнему бела.
А там, в светёлке-комнате,
И угощение ждёт.
А к дому – праздник, полноте! –
Стекается народ.

И вспоминать поэта нам
И грустно и тепло.
И, видимо, поэтому
Так в горнице светло.
Да, знать, места не даром
На песни здесь щедрый, –
Так солнце пышет жаром,
Так звонки комары!

Так музыкален птичий
Неутомимый гул.
И – русское величие! –
Берёза на лугу.
...Дорога вновь петляет,
Машина стелет след.
Спасибо, Петряево,
За солнце, за привет,

За доброе радушие,
За деревенский пир,
За то, что не разрушен
Твой уникальный мир.
За память о поэте,
За искреннюю боль.
И за дороги эти
Любить тебя позволь.

ДЕНЬ ПОЭЗИИ

Усадьба Владимировка. 19 мая 2013 года

Дом – средоточие Поэзии!
Когда б так верилось в слова.
У маргаритки и гортензии
Уже кружится голова.

И в живописном настроении,
Хмельном от градусов и рифм,
Несёт свои стихотворения
Поэт, над сценой воспарив.

Раскрылись в майском упоении
Черёмух робкие уста.
Не мудрствуют лукаво гении,
И вправду, истина проста.

Лучится Суда в свете солнечном,
Покуда дождь не загулял.
Какие тут роились помыслы,
Бил поэтический обвал!

Сюда в погоне за гармонией
Стремился радостный поэт.
Увы, давным-давно в агонии
Усадьба цвета «фиолет».

Но пестуют малютки-ландыши
Святую тайну этих мест,
Здесь оздоравливанье ран души,
Поэзотворческий насест.

Здесь маргаритки и гортензии
Венки на клумбах заплели,
И бьёт родник живой Поэзии
Из самой глубины земли.

Берега поэзии

Анатолий Мартынов

Анатолий Николаевич Мартынов – родился в Советске Калининградской области. Имеет два высших образования: журналист, филолог. Окончил историко-филологический факультет Калининградского государственного университета. Работал корреспондентом в местной газете, преподавал в школах области и в областном Промышленно-художественном техникуме. Печатался в ряде российских журналов и за рубежом – в Германии, Литве. Выпущено шесть сборников стихов и прозы. За сборник прозы «Исполнение заповедей» получил премию правительства области.

В настоящее время проживает в Зеленоградске. Является руководителем литературного объединения «Эклога», создателем которого был известный русский писатель Ю. Н. Куранов.

ВЕНОК СОНЕТОВ

Валентину Макееву

ПОКОЙ НАМ ТОЛЬКО СНИТСЯ

1

Где сердце Ты похоронил,
И я своё не прятал сердце...
Мармоль¹, ущелье, взрывы, пыль.
Нас не щадили иноверцы.
И, бог весть, как я уцелел?
Вернувшись в милый сердцу край,
Во снах своих стрелял, кипел –
Покой сам у себя украл.

Жизнь тучей мрачною ползла.
Дождю, казалось, нет предела.
Мелькнула молнии стрела
И в неизбежность улетела.
А клён в багрянце так красив
Под небом сумрачной России.

2

Под небом сумрачной России
Я жил в нелёгкие года:
В развал страны в деньки лихие,
Исполненный безумцами тогда.

¹ Кишлак в Афганистане. Сильно укреплённый район, который удалось захватить только после сброса с самолётов сильно воющих бочек без дна (хорошо подготовленное психологическое воздействие).

Хапки, лжецы, политики... –
Гвардейцы мутной перестройки
Кругом расставили капканы.
Мы все туда, увы, попали.

Один две «Волги» обещал,
Другой – на рельсы лечь. Не лёг.
Ещё один в Форос сбежал...
Я не топтал на митингах сапог.
Из всех страдальцев, в цвете сил,
И я страдал, и я любил.

3

И я страдал, и я любил.
Вагоны разгружал с углём,
Рыбачил... В общем, трудно жил.
Нет, я не гнался за рублём.
В театр хотелось и в кино
С девчонкой той, что мне мила,
И не забыть про «Эскимо».
Я от любви сходил с ума.

Окончив вуз, попал в Афган.
Ты поклялась, что будешь ждать.
Но мой солдатский «чемодан»
Войну не скоро отстрадал.
Вернувшись, не нашёл в России
Её очей небесно-синих.

4

Её очей небесно-синих
Я не нашёл. Но где-то ж светят:
В особняке с цветным камином?
Иль в клубе том, где их заметил
В свои студенческие дни,
Когда учился и мужал.
О, как же памятливы они!
Не будет больше их, а жаль.

И всё ж мосты я не сжигал.
Уроки вёл в лицее местном
И наши встречи вспоминал.
А мы с тобой учились вместе.
Наш первый искромётный вальс
Я ни на миг не забывал.

5

Я ни на миг не забывал
Студенческий наш стройотряд,
Рабочий юношеский гвалт,
Азарт и твой манящий взгляд.
А дальше – робкий поцелуй,
Слова безумные любви.
И дождь грибной из тёплых струй
В объятья наши души свил.

Был эпизод, когда случайно
Поранил крепко кисть руки.
Твоё лицо свело печалью.
В глазах плескалось море муки...
Нарушен мой покой земной.
Ушла девчонка та давно.

6

Ушла девчонка та давно,
Но – не любовь, коль сердце плачет.
С утра льёт дождь, как заводной.
День утомителен и мрачен.
Да и моя судьба – не Светоч.
Кому светить? Какой идеей?
Хотя есть и лицей и дети –
В них семена добра я сеял.

Их математике учил.
Когда же был совсем один,
Меня из всех лихих кручин
Терзал неумолимый сплин...
Я вдаль смотрел и вспоминал
Страстей моих девятый вал.

7

Страстей моих девятый вал –
Тебя, мой милый Светлячок,
Моя Светлана, вспоминал.
Я от тебя был так далёк.
Не ближе, видимо, и нынче.
Застрял я в поисках, как в глине.
А по ночам твой голос кличет.
И я бегу на зов сквозь иней.

Кричу и слышу только эхо,
Снующее вокруг меня.
И ночь – не ночь, а просто слепок,
И слышны трели соловья.
Кружится дней моих веретено...
Гнездо любви разорено.

8

Гнездо любви разорено.
А я, как тот Фома, не верю.
В работе выпало «окно».
И вот лечу, маршрут отмерив,
В Тбилиси – в город мудрецов,
В знакомый дом на Руставели,
Где жил Гурам, мой друг-кацо,
И с ним – сестра его Натела¹.

Два светлячка, подружки две,
Вы были не разлей вода,
И будто бы одних кровей
В студенческие те года...
Гурам гнездо любви сгубил,
А новое, увы, не свил.

9

А новое, увы, не свил.
«Запил безумец, сплоховал», –
Гурам себя, как мог, корил.
Жену свою он потерял.
А в реку дважды не войти.
Ушла надолго, насовсем.
Стою среди его картин.
Вот царство гор во всей красе,

Орёл, парящий над Курой.
Вот дед, штурмующий Рейхстаг.
А вот за карточной игрой
Натела среди друзей-стиляг.
А дальше тот, с кем ел я смог,
Познал тоску и даль дорог.

¹ В переводе с грузинского – Светлячок.

10

Познал тоску и даль дорог
Майор и бывший бомбардир.
Но взгляд бойца суров и строг:
В бою всегда шёл впереди.
Так это же отец Нателы,
Элердашвили Автандил!
Отменной выучки и смелый
Мой ротный Батя – командир.

Как он погиб, не видел я –
Лежал под скальпелем хирурга.
Осиротела вдруг семья.
Всё это есть в картинах друга.
Меня ж списали, как в утиль.
Хотя и был кому-то мил.

11

Хотя и был кому-то мил.
Кому? Об этом умолчу,
Ведь я одну тебя любил.
Хожу по миру, хлопочу.
Везде ищу твои следы.
Но ни Натела, ни Гурам
Мне не смогли сказать, где ты.
Удачи пожелав друзьям,

Я возвратился в дом свой старый,
Где жили мать с отцом когда-то,
В свой край, воистину янтарный.
Теперь они живут в Карпатах...
На днях мне был любви звонок,
Но я остался одинок.

12

Но я остался одинок.
Отверг очей очарованье.
Прошёл уже полста дорог.
Сейчас сижу в опочивальне.
Не спится, словно в час тревоги.
Куда я завтра устремлюсь?
В какую дальнюю дорогу?
Неужто, снова растворюсь
В сердечном таинстве печали?

Дорога – завтра... В этот вечер
Нам о любви глаза кричали,
И мы зажгли с тобою свечи.
Светился «Пушкин у Адмиралтейства»¹.
Пиит сражён был иноверцем.

13

Пиит сражён был иноверцем
Под небом сумрачной России.
Снег падал, будто по инерции.
Он был кровав и некрасив.
А я ведь жив. Любовью ранен
На всю оставшуюся жизнь.
Я, видно, слеп. Прости, Светлана.
Тебя ищу вдали и близ.

«Любовь и жизнь лишь раз даются.
Ты однолюб, как весь наш род.
А души любящих сольются», –
Слова отца, как с дерева плод.
Отец мой не бежал от бедствий.
И я своё не прятал сердце.

14

И я своё не прятал сердце
Подальше от любых боёв.
Я воевал и храбро, и усердно.
Был ранен. А мой друг Лунёв
Попал в тот перечень «двухсотых».
Хожу, ищу его могилу.
И вдруг у небольшой высоты –
Надгробье, крест и фото Гилюной,

Моей Светланы. Милый Бог,
Всё это явь или смутный сон?
Ну как же Ты не уберёг
Такой цветок?! Из горла стон...
Светлану «срезал» лимузин,
Где сердце ты похоронил.

МАГИСТРАЛ

Где сердце ты похоронил
Под небом сумрачной России,
И я страдал, и я любил.
И до сих пор очей тех синих
Я ни на миг не забывал.
Ушла девчонка та давно –
Страстей моих девятый вал.
Гнездо любви разорено.
А новое, увы, не свил.
Познал тоску и даль дорог.
Хотя и был кому-то мил,
Но я остался одинок...
Ты пал от пули иноверца.
И я своё не прятал сердце.

¹ Картина Гурама на стене.

Берега юбилеев

**Поздравляем с 20-летием альманаха «Крылья» всех коллег,
причастных к этому замечательному изданию!
Литературно-художественный альманах «Крылья» издаётся с 2006 года в Луганске.
С 2015 года является печатным органом Союза писателей
Луганской Народной Республики.**

Андрей Чернов

Родился в Луганске в 1983 году. Работал учителем, библиотекарем, журналистом. С 2016 по 2021 год находился на военной службе. Офицер запаса. Публикуется с 2004 года. Автор более 200 публикаций в изданиях Донбасса, России, Украины, Молдовы, Сербии. Автор книг очерков «Притяжение Донбасса» (2016) и «Донбасский код» (2019). Награждён орденом Фёдора Достоевского I степени Пермской краевой организации Союза писателей России. С декабря 2014 по декабрь 2023 года – секретарь правления Союза писателей ЛНР. С марта 2023 года – главный редактор литературно-художественного альманаха «Крылья». Живёт и работает в Луганске.

КНИГА СВЕТЛОЙ ВЕРЫ В РУССКУЮ ПОБЕДУ

В небольшом шахтёрском городке Свердловске, расположенном на юге ЛНР, действует одно из старейших литературных объединений Донбасса – «Забой». Годы войны не прервали деятельность писателей Свердловска. Все эти годы они активно печатались в изданиях Донбасса и России, издавали книги.

В самом конце 2023 года в Свердловске увидела свет книга «За мир и За Донбасс». Здесь собраны стихотворения и рассказы писателей шахтёрской глубинки Донбасса. Многие из авторов сборника не покидали свой родной дом даже в тяжелейшие месяцы противостояния, когда летом 2014 года украинские войска пытались силой сломить народ Донбасса. Они пережили обстрелы, разруху, отчаяние, разлуку с близкими, боль утрат. Но они не пали духом, не отчаялись, продолжают жить со своим народом, верить в мир на родной земле. Именно об этом они пишут все эти годы. Не всегда изданные в глубинке книги замечают в столице. Между тем эти сборники стоит прочесть внимательней, увидеть эту незаживающую рану, ощутить силу духа и страстную волю к жизни людей Донбасса.

В сборнике «За мир и За Донбасс» много горькой правды о страшных годах войны в Донбассе. Даже для взрослого – это тяжкие испытания. А как же быть с детьми? С донбасскими детьми войны, выросшими вблизи линии боевого соприкосновения – под обстрелами, в подвалах. Именно от лица такого ребёнка пишет Валентина Владимирова:

*Мир я видел на картинке
В очень старом букваре.
Там девчонки и мальчишки
Шли с цветами в сентябре.*

В этой страшной обыденности – весь экзистенциальный ужас войны в Донбассе. Он смотрит на нас в упор глазами детей, привыкших к жизни в подвалах, легко отличающих «прилёты» и «ответку», «Грады» от «Акаций». И знающих, что такое смерть – не от болезней, не от старости, а когда в клочья рвёт тело любимого человека. И такой привычной в своём отчаянии звучит мольба в стихах Владимировой:

*Где же ты, бессмертный Спас?
Заслони Донбасс от смерти!*

От звучащего в этой мольбе вопроса закладывает уши. Ведь сколько душ убиенных украинскими неонацистами ангелов в Донбассе отправилось на небо молить Господа о милости к нашей много-страдальной земле! В этих строках – боль и отчаяние, высказанные по-матерински честно и правдиво.

Лирический герой Людмилы Шевчук также задаётся вопросом, вопросом о том, зачем пришла война в родной Донбасс. И на этот вопрос он сразу же даёт ответ – по-шахтёрски прямой, без экивоков:

*Зачем война пришла в Донбасс?
На прочность чтоб проверить нас.
Но нас врагу не победить,
И дух шахтёрский не сломить.*

И этот жизнеутверждающий донбасский оптимизм – одна из примет творчества писателей Донбасса. Вопреки отчаянию и боли, вопреки утратам, вопреки всему – верить в своё дело, своё Отечество, скорую победу русского воинства.

Собственно, именно этот светлый оптимизм держит жителей ЛНР и ДНР на своей земле. Об этой глубинной связи с родной землёй пишет Любовь Бондаренко:

*От войны уехать так не просто,
Крепко держит дом родной,
От порога здесь и до погоста
Милый сердцу уголок родной.*

«От порога и до погоста» – в этом отрезке скрыта вся геометрия человеческой жизни, всё то, что держит нас на земле: милый дом и могилы предков. Не нажитое имущество, не деньги, не слава. Чувство глубинной связи с родной почвой, в которую ты уходишь ногами, будто корнями. Она питает тебя силой, той силой, которая спасает от отчаяния.

Вот потому так много в сборнике стихотворений, наполненных светлой верой в скорый мир, в победу, восстановление прежней созидательной жизни. Оксана Макаеева обращается в своих стихах к тысячелетним традициям русской литературы, вставляя образы предвестников войны – «чёрного ворона», «пса окаянного» (отсылка к мифопоэтике «Слова о полку Игореве»). Но как бы ни были ужасны эти демонические предвестники, сколько бы ни было разрушений на родной земле, вопреки всему этому звучит уверенный голос лирической героини:

*А свой край мы отстроим заново
Для цветущей родной страны.*

Поэт Ирина Лобанова с не меньшим оптимизмом заявляет:

*Мы каждый день и каждый час
С победой ждём своих героев...*

И в её голосе слились голоса тысяч донбасских женщин – матерей, жён, сестёр, дочерей. Для каждой её близкий человек – защитник и герой.

Люди русского Донбасса – люди созидательного труда. Так было столетиями, во все времена. Мы умеем сражаться за свою землю, за свой народ, за свой мир – во всех значениях этого слова. Но наши мечты – о тихих буднях, о труде во благо страны, о счастье материнства и чистого неба. Об этом строки Веры Давыденко:

*Желаем жить под небом ясным, чистым,
Детей растить у колыбели, песни петь.
Встречать рассветы с солнышком лучистым,
Любить душой и на родной земле стареть.*

Именно за это счастье сражаются русские воины с украинским неонацизмом. И долгожданное мирное солнце обязательно взойдёт над нашей землёй. Иначе и быть не может.

Берега юбилеев

Наталья Советная

С юбилеем, дорогая Наталья Викторовна!

Автор 16 книг поэзии, прозы, публицистики, статей о литературе, изданных в России, Беларуси, Сербии. Многие стихи переведены на белорусский, украинский, сербский, английский языки. По поэтическим и публицистическим произведениям лексикографом А. П. Бесперстых созданы три словаря эпитетов (2016, 2018, 2020), готовится к изданию словарь фразеологизмов.

Победитель и лауреат республиканских, всероссийских и международных литературных конкурсов, в т.ч. «Словенское поле» (2015), им. А. К. Толстого (2016), «Золотой Витязь», обладатель «Серебряного Витязя» в номинации «Публицистика» (2019) и др. Имеет награды: медали «Василий Шукшин» (2014), «Святой благоверный Князь Александр Невский» (2008), «Поэт и воин Игорь Григорьев (1923–1996)» (2015), «За вялікі ўклад ў літаратуру» (2016), «За служенне містечтву» (Киев, 2019), «Максим Богданович» (2020), орден Фонда мира «За веру и верность» (Москва, 2016) и др.

ВЗЛЕТАЮЩИЙ В НЕБЕСА

Даже просто знакомясь с сообщениями в СМИ об открытии мемориала погибшим воинам на Тверской земле, под Ржевом, я была потрясена памятником, воздвигнутым там. Воин, взлетающий в небеса на крыльях журавлей, – это необыкновенное решение! Задумать такое и создать – не просто гениально, здесь точно не обошлось без промысла Божьего и Его помощи.

Авторами же стали на удивление молодые скульпторы Андрей Коробцов, которому не было и сорока, и Константин Фомин, ещё моложе. В 2010 году они основали в Москве свою архитектурно-скульптурную мастерскую. Чтобы возникла достойная идея мемориала, перечитывали Александра Твардовского «Я убит подо Ржевом» и Роберта Рождественского «Реквием», слушали Марка Бернеса с песней на слова Расула Гамзатова «Журавли» (перевод на русский Наума Гребнёва), смотрели военные художественные фильмы.

Я тоже снова открыла Твардовского и, перечитывая, не смогла удержаться – глотала слёзы. Так вдруг явственно ощутила переживания тех, кто стоял на краю гибели, но не струсил, не отступил, не предал, продолжал верить в Победу.

*...Может быть... Да исполнится
Слово клятвы святой! –
Ведь Берлин, если помните,
Назван был под Москвой.*

*Братья, ныне поправшие
Крепость вражьей земли,
Если б мёртвые, павшие
Хоть бы плакать могли!*

*Если б залпы победные
Нас, немых и глухих,*

*Нас, что вечности преданы,
Воскрешали на миг, –*

*О товарищи верные,
Лишь тогда б на войне
Ваше счастье безмерное
Вы постигли вполне.*

*В нём, том счастье, бесспорная
Наша кровная часть,
Наша, смертью оборванная,
Вера, ненависть, страсть...*

А ведь они, погибшие подо Ржевом, улетевшие журавлями, такими молодыми были! Большинство из них – гораздо моложе архитекторов-скульпторов, создавших памятник. Чьи-то бесценные, любимые, ненаглядные, единственные, защита и опора – сыновья, мужья, папы-папочки... И вспомнились тут слова «Журавлей»:

*Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю эту полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей.*

*Сегодня, предвечернею порою,
Я вижу, как в тумане журавли
Летят своим определённым строем,
Как по полям людьми они брели.*

*Они до сей поры с времён тех дальних
Летят и подают нам голоса.
Не потому ль так часто и печально
Мы замолкаем, глядя в небеса?*

*Они летят, свершают путь свой длинный
И выкликают чьи-то имена...*

Летят у Ржева тридцать пять журавлей, возносящих в небо, в вечность, в нашу благодарную память мужественного и в то же время скорбящего по товарищам воина с автоматом в руках, в гимнастёрке, в плащ-палатке, которая развеивается за его спиной.

В «ржевской мясорубке» погибло более 1,3 миллиона советских воинов, а по неофициальным данным – не менее двух миллионов. Не один солдат вознёсся над курганом, в этой могучей скульптуре высотой двадцать пять метров их – миллионы! Как миллионы ангелов-журавлей, уносящих вечные, святые души погибших.

Перед строительством мемориала территорию разминировали: обезврежено около 500 мин, гранат, неразорвавшихся снарядов, сохранившихся с той военной поры, с тех кровавых боёв. Они вместе с найденным оружием, касками и другими предметами лежат на земле под стеклянным полом музея, чтобы всякий входящий мог увидеть и представить, что же творилось здесь в те страшные дни.

Грандиозную фигуру воина мы заметили задолго до того, как подъехали к мемориалу. Автобус оставили на стоянке, перешли через дорогу и направились к памятнику.

До нашего слуха доносилась мелодия «Журавлей». Летний ветер раскачивал гибкие ветви горькой рябины, шуршал в кронах краснолистных клёнов, перебирал их багровые, словно запёкшаяся кровь, листья, овеивал наши лица, как ветер военного времени, через годы долетевший до нас, коснувшийся наших сердец. И они затрепетали...

Перед величественно-трагической скульптурой на десятиметровом холме, рядом с огромными мемориальными плитами из легированной кортеновской стали с тысячами имён и изображением лиц погибших солдат, душа обмирала. Слова застревали в горле. Глаза блестели. Лица бледнели... Грандиозность мемориала поразила, он весь словно стремился соответствовать величине того необъятного горя, тоски, ужаса и одновременно великого героизма и стойкости, которые проявили советские воины на кровопролитной войне 1941–1945 годов. Памятник ошеломил не меньше, чем «Родина-мать зовёт!» на Мамаевом кургане в Волгограде. Тот образ уже был привычным, но всё же наяву оказался потрясающим. В Ржеве же памятник был необычен как образом, так и исполнением.

Как можно было такую махину водрузить и надёжно закрепить на хрупких крыльях журавлей так, что кажется, будто солдат действительно парит в воздухе, не касаясь земли!

Только одна рука с автоматом ПППШ длиной девять метров весила около 2,5 тонны. Монтаж осуществлялся сверху вниз. Сборка элементов совершалась на месте при помощи сварки и бронзовой проволоки. Огромным мощным краном сначала подняли и закрепили голову, затем плечи, торс и пояс. В последнюю очередь были смонтированы журавли. На создание мемориала ушло четырнадцать месяцев. Чудо! Ровно столько, сколько длилась Ржевско-Вяземская операция.

Когда мы возвращались домой и останавливались в Сычёвке, которая была освобождена в результате Ржевской битвы, так же как и Ржев, и Вязьма, а фашисты были вынуждены отступать на запад, перед глазами всё ещё стояли взмывающие журавли и непобедимый русский воин в небесах, а мысленно я повторяла слова из «Реквиема» Рождественского:

...Но зачем она им, эта слава, —
 мёртвым?
 Для чего она им, эта слава, —
 павшим?
 Всё живое —
 спасшим.
 Себя —
 не спасшим.
 Для чего она им, эта слава, —
 мёртвым?..
 Если молнии в тучах заплещутся жарко,
 и огромное небо
 от грома
 оглохнет,
 если крикнут все люди земного шара, —
 ни один из погибших
 даже не вздрогнет.
 Знаю:
 солнце в пустые глазницы не брызнет!
 Знаю:
 песня тяжёлых могил не откроет!
 Но от имени сердца,
 от имени жизни,
 повторяю!
 Вечная
 Слава
 Героям!..

Они, павшие, не поднимутся, но услышат, увидят, потому что — живы! Живы в нашей памяти, в нашей благодарности, в нашей скорби. Живы в потомках своих. Живы у Бога!

Миллионы людей уже побывали у мемориала. Значит, им, этим миллионам, это было нужно? Значит, надо, чтобы замирала душа и трепетало сердце, чтобы нестерпимо хотелось мира на земле, чтобы кипела решимость встать на защиту Родины. Надо, иначе бы не крушили военные памятники наши недруги. Павшие говорят с нами, и враги их боятся.

*Я листаю страницы военные —
 Содрогается в скорби душа.
 Горемычная память нетленная,
 Глянь, как нынче могилы крушат!*

*Над тобой, клеветой израненной,
 Потешаются внуки врагов —
 Племя клятых, с душой испоганенной —
 Ненасытная злоба веков.*

*А ведь это тебя, краснозвёздную,
 Схоронить в тех могилах хотят,
 Чтоб бессильною стала, негрозною,
 Чтоб манкуртами сделать орлят.*

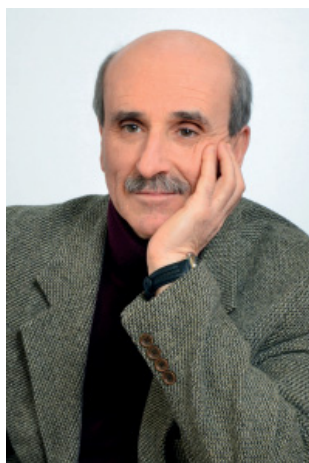
*Ворожат, насылают в мир пакости,
 Чтобы Вечный огонь твой угас.
 Нет покоя злодеям, нет радости,
 Пока память победная в нас.*

*...Я вчитаю страницы военные,
 Чтобы повести огненных дней
 Обожгли своей правдой священною,
 Стали памятью, болью — моей!
 («Пока память победная в нас»)*

Мы были у мемориала днём, когда ярко светило солнце. Увидеть его в позднее время суток не пришлось, но даже фотографии, обнаруженные в Интернете, где на фоне тёмного неба памятник, специально подсвеченный, выглядит мистически величественно-трогательно и непобедимо-грозно, произвели такое ошеломляющее впечатление, что неожиданно защипало глаза...

Берега юбилеев

Владимир Спектор

Владимир Спектор с 1998 по 2015 год избирался членом исполкома Международного сообщества писательских союзов, членом президиума Международного Литфонда, председателем правления Межрегионального Союза писателей. Редактор литературного альманаха и сайта «Свой вариант». Автор более двадцати книг стихотворений и очерковой прозы, изданных в Донецке, Луганске, Киеве, Москве. Лауреат литературных премий, среди которых – имени Юрия Долгорукого, Арсения Тарковского, Сергея Михалкова, Владимира Даля. В 2015 году стал лауреатом Международного конкурса «Открытая Евразия». В 2020 году – лауреатом газеты «Литературные известия» за лучшую публикацию года. В 2022 году – обладателем Гран-при Германского международного литературного конкурса «Лучшая книга года на русском языке».

Публиковался в журналах «Нева», «Юность», «Берега», «Слово-Word», «Новый Континент», «Сетевая словесность», «Дети Ра», «ВеликоРосс», «Камертон», «Вторник», «ЛиТерра», «Клаузура», «Терантелла», газетах «Литературная газета», «Литературная Россия», «День литературы», «Поэтоград»...

ПОД НЕБОМ ПАМЯТИ МОЕЙ

К 75-летию

* * *

По городу, в котором «да» и «нет»
Витают то спеша, то не спеша,
Шагает вместе с памятью, след в след,
Полузабытая, как сон, душа.

Не пустота страшит, не тень в глазах,
Не поцелуй, угасший поутру.
А позабытый, видно, впопыхах,
Наивный взгляд на бешеном ветру.

* * *

Казалось, там оркестр, а это – ветер...
И каждый слышал музыку свою.
Совсем не ветер за неё в ответе –
Вся жизнь стоит у бездны на краю.

Всё в свой черёд – звучали и печали,
И эхом в них – родная сторона.
Орудия внезапно замолчали,
Чтоб «Ода к радости» была слышна.

* * *

Совсем некстати опера слышна...
Каварадосси с Тоской погибают,
И, как тогда, решает всё война,
В которой музыка звучит по краю

Искусства жить, души не приоткрыв,
И слышать арию, как в небе птицу.
И сквозь войну угадывать мотив,
Что так случайно и легко струится.

* * *

Вновь время мёртвых душ. Цена им грош...
Жизнь далека от праведного слова.
Тем более, и тень уже свинцова.
А думалось, «уж замуж невестерпёж»...

На праздники встречались за столом
И обсуждали тайны винегрета.
И лишь сейчас понятно: было это
У времени под ангельским крылом.

* * *

В области сердца – сердечная смута.
Сердце – не камень, и кровь – не вода.
Кто-то когда-то расскажет кому-то,
Как переходит «всегда» в «никогда».

Кто-то расскажет, увидит, услышит
В области сердца тревогу-печаль.
Память всё ближе, а небо всё выше.
И ничего не попишешь. А жаль.

* * *

Всё пройдёт, проходит и прошло
Сквозь огонь несбывшихся желаний.
Помнить, ждать и верить – ремесло
Различать, где поздний, а где ранний

Свет в окне и глаз небесных свет,
Недопонимая смысл урока.
Всё проходит... Память шепчет: «Нет».
И молчит. Тревожно, одиноко...

* * *

Закончится всё – и война, и беда,
Не раньше, не позже. В свой срок.
Но тех, кто ушёл в никуда навсегда,
Утешит ли этот итог?

И всё же, сквозь слёзы родни и страны,
Сквозь памяти строгий салют
Виднеется правда осколком луны,
И правду победой зовут...

* * *

Мы лишние люди. Пора, брат, пора.
Печоринским знаменем клясться не будем.
И все же, как в поле идут трактора,
Так мы с тобой катимся в лишние люди.

Забытые лозунги бродят, как квас,
Плакатов глазницы глядят очумело.
Мы – лишние люди, уходим как класс,
И это, наверное, главное дело.

Помашет рукой удалой Азамат,
И что-то Максимыч шепнёт с укоризной.
И снова с тобой, как столетие назад,
Мы – лишние люди у нищей Отчизны.

И, видно, нескоро придёт романист,
Который покажет нас всех как явление.
Уходит эпоха, как фильм «Коммунист»,
Как эхо потерянного поколения...

* * *

Под небом памяти моей мечты – как острова.
И сквозь туман забытых дней, сквозь мысли и слова,
Мерцают завтрашние сны, пока ещё легки.
И острова едва видны, как свет в конце строки.

* * *

И воздуха простор, и красоты загадка,
И углем на холсте придуманный сюжет
О том, что даль близка, и близость сроков кратких
Не обещает «да». Но что такое «нет»,

Когда весь мир холста – пространство роковое,
Когда война и мир – в глазах и наяву.
И кажется, весь мир и всё вообще – лишь двое,
И воздуха простор, влюблённый в синеву.

* * *

У зимы короткий век – чай да сахар, тары-бары.
Выпал снег, растаял снег. Новый год – и снова старый.
И как будто ни при чём вальс, звучащий в ритме снега,
Но чуть слышно под плечом – жизни пляшущее эхо.

Растворяется в груди дня короткого истома,
А в окошке, – погляди, тень танцующего дома,
Дом продрог, и дальний свет, пробиваясь ненароком,
Сам отыскивает след в день, наивный и жестокий.

* * *

А живу я хорошо. Всё, что было, всё, что стало,
Кто ушёл, а кто пришёл, что упало, то пропало –
Вспоминаю, днём с огнём нахожу ушедший полдень,
Ну, а что хранится в нём – чемодан любви и осень.

А живу я хорошо. Чай да сахар, день да вечер.
Зачерствевший пирожок догрызаю. А на плечи
Давит неба сизый дым, птичий гомон, звон трамвая...
«Хорошо быть молодым... Просто лучше не бывает...»

* * *

Что же там за спиной? Вздых пространства «Вчера»,
Где прекрасное вдруг оказалось напрасным,
Где завяла опавшей листвой мишура.
Только кровь неизменна. И цвет её красный.

От «вчера» до «сегодня» мгновенный маршрут,
Сквозь абсурд, скорый суд и полынь с лебедою.
Нить судьбы с узелками, что только растут,
Продолжая маршрут меж войной и собою.

Берега юбилеев

Михаил Поленок

Сердечно поздравляем Михаила Демьяновича с 75-летием

Михаил Демьянович Поленок – капитан 1 ранга запаса, ветеран военной службы, член Союза ветеранов военной разведки. Более 32 лет проходил службу в разведке ВМФ СССР и РФ. Награждён двумя орденами, многими медалями.

Член РСП и МСП «Новый Современник», заместитель руководителя КРО МСП «НС». Прозаик. Лауреат конкурсов МСП «НС» им. В. Пикуля (2022 и 2024), финалист литературных премий: «Наследие» (2023), «Георгиевская лента» (2024), им. С. Есенина (2024), номинант национальной литературной премии «Писатель года» (2022 и 2024). Награждён медалями и дипломами РСП, МСП «НС», Русского литературного центра (РЛЦ).

Автор 13 документально-исторических и художественных книг.

Публиковался в литературно-публицистических сборниках Балтийского флота «На флаг и гюйс», историко-литературном журнале «Годы и люди» (Нерчинск), газете «Красногорская жизнь» Брянской области, альманахах РСП, РЛЦ, литобъединений «Остров вдохновения» (Балтийск) и «Прибрежные волны» (Калининград).

ЗОЛУШКА

Рассказ

Луч солнца, заглянув в окно, скользнул по зеркалу и россыпью заискрился на иконе «Семь Архангелов». В последнее время она удивляла и радовала пожилую и одинокую Ульяну Язепову. На её глазах икона, потускневшая от времени, вдруг стала обновляться. Она как ожила, вновь заиграв сочными красками. Ульяна – православная верующая с детства, оставшаяся с малолетства сиротой и претерпевшая голод и войну, осветлённая редким явлением – добрым знаком, тем более через икону её матери, ежедневно с молитвой благодарила Всевышнего за проявленное внимание к ней и высокую милость. Тёплая волна умиления и счастья накрыла её, согрел душу. «Нет, не забыта она! – радостно мелькали мысли. – Поэтому и луч солнца к иконе потянулся».

Архангел Михаил в доспехах и с копьём в руке, окружённый игрой солнечных бликов, добрым взглядом смотрел на неё с иконы. «Главный небесный защитник для нас. И сын мой Михаил тоже стоит на страже Отечества», – подумала Ульяна и перевела взгляд на фотографию флотского старшего лейтенанта, висевшую на стене.

Скрип несмазанных петель входной двери известил о прибытии кого-то и тут же порадовал – на пороге стояла Мария Савкова. На двенадцать лет младше Ульяны, в молодости лучшая в округе певунья и танцовщица, она была верной подругой, всегда готовой помочь. Обе художавые, не утратившие таинственной магии женской красоты, чувствуя родственность душ, тянулись друг к другу. Заметно постарев, но, ежедневно общаясь друг с другом, они не замечали происходивших с ними перемен. А время неумолимо оставляло свой отпечаток на их внешности. Волосы Язеповой, ранее имевшие редкие блёстки серебра, теперь были покрыты сплошным пепельным налётом.

– Ульяна, курица у меня пропала, – Савкова растерянно смотрела на подругу, ожидая сочувствия и поддержки. – Везде обыскалась, даже в кустах у речки. Нигде нет. Может, коршун схватил?

– А какая она у тебя?

– Серая, как мышка, невзрачная, но с золотым пером.

– Как это, серая, но с золотом?

– Имеет несколько жёлтых перьев на тусклом фоне, вот они в солнечном свете огнём-то и горят, – пояснила она. – Сама удивляюсь, как в сказке, где девушка была неприметной, а туфелька золотой. Вот я и дала ей имя Золушка.

– Всё сходится. У меня она. Сегодня незаметно прибилась к моим курам и ходит по двору, как будто здесь и жила. Хорошо, что ты подошла, забирай.

Серая скромница, увидев свою хозяйку, спешно, загребая когтями землю и поднимая за собой летнюю пыль, бросилась в бега и быстро юркнула в чужой сарай.

– Ишь ты, бесстыдница, как улепётывает от кормилицы своей! – удивилась и даже возмутилась Мария. «Спрятаться решила, не хочет возвращаться обратно», – поняла она.

– Ульяна, прикрой дверь, – попросила Савкова и строго добавила: – Сейчас мы эту самовольщицу изловим и призовём к порядку.

Восполнив нанесённый хозяйству пропажей курицы убыток и восстановив при этом хорошее настроение, довольная Мария, поблагодарив подругу, понесла строптивую Золушку домой. Та была явно не в настроении – возмущённая таким итогом, она хриплым жёстким голосом выражала своё несогласие с решением хозяйки.

– Покричишь и перестанешь, – одёрнула непослушную птицу её воспитательница, – порядок должен быть.

На следующий день Мария появилась вновь. Была она чем-то обеспокоена.

– Что случилось? – поинтересовалась Ульяна.

– Золушка вновь пропала.

– Вчера же ты её нашла.

– А сегодня снова нет нигде. Как в воду канула. Может, ты её видела?

– Нет, со вчерашнего дня не наблюдала. Недавно кур кормила, но её среди них не было.

Мария стала пытливо осматривать подворье.

– Так вот же она! – Савкова, поражённая увиденным, по-женски выражая эмоции, всплеснула руками, показывая на густой куст сирени, росший в углу двора. – Выглядывает, как наблюдатель-разведчик. Всех провела. Так замаскировалась!

– Не вижу. Где она? – Ульяна, вращая головой, осматривала углы подворья, но не могла обнаружить Золушку. – Только петух Петька и красуется на виду.

– За кустом замаскировалась, одна голова торчит. Хитрая бестия.

– Скрытно, значит, прибилась. И петух мой не возмущался, что сторонняя особь, облюбовав чужое подворье, разгуливает по его территории.

– Похоже, даже рад был, что ещё одна подчинённая появилась.

– Мария, что же она так бежит от тебя? И кормишь ты хорошо, и поишь, а она не угомонится.

– Петух не хочет её принимать, гоняет постоянно. И куры, по его примеру, заклёвывают тихоню. Полный разлад во дворе.

– А почему мой относится к ней добродушно? Никаких проблем не возникает, как будто она постоянно здесь находилась. Смотри, выхаживает перед нами, как на показ, демонстративно. Непросто это, хитёр Петька – отвлекает внимание от твоей блудницы.

– Сама не понимаю, что происходит и как её на путь истинный наставить. Придётся наказать – запру её в сарае на несколько дней, возможно, потом успокоится.

На следующий день, навестив подругу, Савкова поделилась:

– Закрыла Золушку в сарае. Пусть посидит, подумает, как жить будет дальше.

– И как она восприняла наказание? – поинтересовалась Язепова.

– Возмущается, как оглашенная, сумбур вносит, других кур тревожит, – делилась Мария. – Нет покоя от бестолковой. А муж поддержал меня, говорит: «Правильно! За дисциплинарное нарушение и меня в армии на гауптвахту сажали».

– Не будет толку, не приживётся она теперь у тебя, – в голосе Ульяны была уверенность.

– А почему? – удивилась Мария. – Никуда она не денется, придётся ей смириться.

– Петьку ведь ты мне давала. А Золушка вместе с ним в один день на Божий свет появились, привыкли друг к другу.

– Да, дружили они, вместе ходили, но, как привыкли, так и отвыкнули, – упрощённо резюмировала Савкова, однако в её голосе уже звучали нотки неуверенности, поэтому добавила: – Они же не люди, чтобы усложнять себе жизнь и не подчиняться нам. Чего ради?

– Петьку она увидела, теперь не сможет жить без него. Её можно понять, – вздохнув, произнесла Ульяна и с интересом, по-новому взглянула на страдальцу.

– Так в рассуждениях и до абсурда можно дойти – мол, у них любовь, как у людей.

– А без любви и белый свет никому не мил, – спокойно отреагировала Ульяна.

– Ничего, потихоньку пообвыкнет, и всё станет на свои места.

Увидев, что подружку уносят, взбудораженный петух выскочил на середину двора, поднялся в полный рост, красуясь ярким алым гребешком, и раздражённо во весь голос издал клич. В нём были протест и одновременно боль.

– Ишь ты! – удивилась Ульяна. – Не хочет, чтобы Золушку забирали.

Мария уходила домой задумчивая, а через сутки вновь появилась, но уже с мешком в руке.

– Принесла обратно Золушку, – поведала она подруге, обратившей внимание на мешок, оживший на полу.

– Что с ней?

– Не берёт ничего, не ест и не пьёт. Надо воссоединять их, иначе пропадёт без своего принца.

– Каким образом?

– Возьми её себе в хозяйство. Для меня потеря небольшая, а Золушка будет счастлива, – её лицо осветила добрая улыбка.

– Выпускай уж свою декабристку на волю, вытаскивай её из мешка. Намаялась она, заслужила свободу.

Золушка, отряхнув измятые крылья и поправив перья, бодро и важно, не спеша, как хозяйка подворья, двинулась к ватаге кур.

– Вид-то неброский, а по манерам и походке королева! – восхищённо отметила Мария.

– Важна внутренняя самооценка, а не просто внешний наряд, – задумчиво произнесла Ульяна, о чём-то размышляя.

Внезапно из-за угла сарая, как взметнувшийся вихрь, выскочил петух и бросился навстречу Золушке. Он лихо, по-кавалерийски скакнул перед ней, чуть не звякая шпорами, гордо склонил голову и выпучил глаза, как бы говоря: «Каков я?» И в её скромном взгляде мгновенно узрел прозрачный ответ: «Красавец!» Довольный Петька, высоко подняв голову и распушив веер длинных разноцветных перьев хвоста, огласил округу громким, в высокой тональности криком победы и радости жизни.

– Ишь, возликовал! – умилённая идиллией картины, Савкова с интересом и любопытством наблюдала за счастливой парой.

– Да, у них всё, похоже, как у людей, – философски, имея за плечами большой жизненный опыт, отметила Ульяна. – Не захотела она своё жизненное счастье терять, до последнего боролась. Молодец, заслужила награду!

– А мы порой удивляемся, почему люди бегают друг от друга, всё ищут чего-то? А получается, что даже птица не хочет жить без счастья.

Внешне неброская Золушка на пару с красавцем Петькой, отбившись от кур, мирно щипали травку-муравку.

Подруги, ощутив новое понимание сути и смысла жизни, молча и задумчиво наблюдали за воссоединившейся счастливой парой.

Берега юбилеев

Григорий Блехман

Поэт, прозаик, публицист, литературовед. Мастер спорта СССР по хоккею с шайбой. Доктор биологических наук, профессор. Много лет был научным и литературным редактором журнала «Физиология и биохимия». Стихи, художественная проза, эссе и публицистика опубликованы в отечественных и зарубежных журналах и альманахах. На десять стихотворений композитором Раисой Агаджанян написаны романсы. Некоторые произведения переведены на персидский, литовский, армянский, болгарский, немецкий и английский языки. Автор 15 сборников стихотворений, прозы и очерков, вышедших в издательствах «Российский писатель» и «Вече».

Член редколлегий журналов «Берега» и «Литературная Феодосия». Секретарь правления Союза писателей России, лауреат двух международных и многих всероссийских литературных премий: им. Н. Гумилёва, им. А. Блока, им. А. Твардовского, им. М. Ю. Лермонтова, им. И. А. Бунина, «Слово-2017», им М. А. Шолохова.

КРИКНУ Я... НО РАЗВЕ КТО ПОМОЖЕТ...

К 140-летию Николая Гумилёва

Часть 2

Начало в № 2-2026

В 1910-м Николай Гумилёв и Анна Ахматова в Париже. «...в кафе просил французских поэтов читать стихи. Они отказались. Николай Степанович очень удивился», – вспоминает Анна Ахматова. А вот её разговор с Павлом Лукницким: «...Разговор перекинулся на тему о чопорности и торжественности Н. С. Анна Андреевна утверждает, что он совершенно был не таким на самом деле... до замужества она, пожалуй, тоже так думала... но была приятно удивлена, когда... увидела его необычайную простоту, (его «детскость». – П. Л.), его любовь к самым непринуждённым играм; А. А., улыбнувшись, вспомнила такой случай. Однажды в 1910 году, в Париже, она увидела бегущую за кем-то толпу и в ней – Н. С. Когда спросила его, зачем он бежал, он ответил, что ему было по пути и так – скорее, поэтому и побежал вместе... И добавила: “Вы понимаете, что такой образ Н. С., бегущего за толпой ради развлечения, немножко не согласуется с представлением о монокле, о цилиндре и о чопорности, – с тем образом, какой остался в памяти мало знавших его людей...”»

Тут обращает на себя внимание подмеченная Лукницким «детскость», которая, по словам тех, кто хорошо Гумилёва знал, действительно в нём сохранилась до конца его дней. Да и по стихам видно, сколько там мальчишеской романтики благородного свойства, к которой так тянутся дети. Что, собственно, я в детстве и сам испытал с тех самых первых строчек, о каких уже рассказывал в начале.

Впрочем, и ушёл-то он в другое измерение совсем молодым.

А молодые, насытившись Парижем – выставками, музеями, знакомыми, книгами (Н. С. купит их столько, что целый ящик отправит в Россию), через Берлин вернулись в Россию. Истосковавшись по работе, Гумилёв всё лето занимается переводами, пишет стихи, прозу.

А вот письма Брюсову – уже не так часто. Но какие! В одном из них: «“Жемчуга” – упражнения – и я вполне счастлив, что Вы, мой первый и лучший учитель, одобрили их. Считаться со мной как поэтом придётся только через много лет...»

Вот так. И «Жемчуга» – лишь «упражнения». И не написал он ещё ничего такого. Но *непременно* напишет, «*только через много лет*». Такая планка для самого себя. И это в пору, когда по его стихам любители поэзии сходят с ума. В восприятии многих он уже второй в России поэт после Блока. И сборников его не достать. Да и скупой на похвалы Брюсов об этих «упражнениях»: «...Гумилёв медленно, но уверенно идёт к полному мастерству в области формы. Почти все его стихотворения написаны прекрасно, обдуманно и утончённо звучащим стихом... приёмы стихотворной техники... предшественников, он сумел... усовершенствовать, развить, углубить...»

Но вновь – неодолимая страсть – Африка. И осенью – из Петербурга в Одессу. А там морем: Константинополь – Каир – Бейрут – Порт-Саид – Джедда – Джибути... На пароходе дописывает «Открытие Америки» – песнь четвёртую – и посылает её в «Аполлон». А потом пустыня Черчер – Аддис-Абеба (там в отеле его обокрали. – П. Л.) – Абиссиния... Вернулся почти через полгода с сильнейшей Африканской лихорадкой...

И всё больше отходит от влияния Брюсова и «башенных» взглядов на поэзию. Всё больше выкристаллизовывается в голове (или душе) то, как ему следует писать: что диктует время. Он чувствовал, что наметился кризис внутри символизма: «...когда, пришедший к логическому концу, символизм задышался в мистическом тупике и метафизических умствованиях, и поэтическая молодёжь уже ясно отдавала себе отчёт в том, что дальше танцевать на символическом канате над бездной мироздания не только рискованно, но и бесполезно, ибо зрители, которым наскучили картонные солнца и звёзды, наклеенные на чёрном коленкоре символического неба, начали зевать и разбегаться...» – вот такие размышления приходят к нему в ту пору, это вспоминает поэт Сергей Городецкий, с которым тогда – в начале 10-х – сблизился Гумилёв.

Дебаты по этому поводу бурные, но всё же справедливость сказанного отрицать сложно. И в какой-то момент, когда в редакции «Аполлона» с докладами о символизме выступили Вяч. Иванов и Андрей Белый, Гумилёв парировал их слова собственным выступлением, в котором и сформулировал причину своего полного обособления от символизма. Фактически тот момент и стал официальным утверждением нового веяния в поэзии. Гумилёв провозгласил его название: «Акмеизм» – и, как показало время, стал его лидером. Вот фрагменты его выступления: «на смену (символизму) идёт новое направление, как бы оно ни называлось – акмеизм (от греческого слова акме – высшая степень чего-либо, цвет, цветущая пора) или адамизм (мужественно твёрдый и ясный взгляд на жизнь), – во всяком случае, твёрдо убеждён в том, что **необходимо сознавать самоценность каждого явления**... Ощущая себя явлениями среди явлений... мы становимся причастны мировому ритму, принимаем все воздействия на нас, и в свою очередь воздействуем сами... Здесь Бог становится Богом Живым, потому что человек почувствовал себя достойным такого Бога... Разумеется, познание Бога, прекрасная дама – Теология остаётся на своём престоле, но ни её низводить до степени литературы, ни литературу поднимать в её алмазный холод акмеисты не хотят... Вся красота, всё священное значение звёзд в том, что они бесконечно далеки от земли, и ни с какими успехами авиации не станут ближе... **Детски-мудрое до боли сладкое ощущение собственного незнания – вот, что даёт нам неведомое...**»

Не правда ли – звучит как поэма. И последняя фраза – не парадоксальность, а то «детски-мудрое», что, наверное, и вело его по жизни, сохранив полностью одно из самых сильных очарований, которое мы испытываем в детстве – очарование *благородством*. Что мало кому почему-то удаётся сохранить с годами.

И ещё об одном его высказывании о принципах акмеизма: «...всегда помнить о непознаваемом, но не оскорблять своей мысли о нём более или менее вероятными догадками... как бы великолепны, мудры и прекрасны ни были идеи и желания, они пропадут, если не найдут достойного способа выражения, и поэт, как мыслитель, творец, не выразит себя, если не сможет найти достойную форму достойным мыслям и глубоким чувствам...»

То есть время символов и некоей «размытости» изображаемого себя исчерпало и на смену пришло время, которое требует от искусства «подавать» предмет или явление в своей наполненности, вплоть до обнажённости (вспомним «адамизм»), чтобы ничто не мешало любоваться сутью того, что задумано природой.

Например:

...И мне нравится не гитара,
А дикарский напев зурны.

Не по залам и по салонам,
Тёмным платьям и пиджакам –
Я читаю стихи драконам,
Водопадам и облакам.

Или:

Я ребёнком любил большие,
Мёдом пахнущие луга,
Перелески, травы сухие
И меж трав бычачьи рога.

Каждый пыльный куст придорожный
Мне кричал: «Я шучу с тобой,
Обойди меня осторожно
И узнаешь, кто я такой!»

Я люблю – как Араб в пустыне
Припадает к воде и пьёт.
А не рыцарем на картине,
Что на звёзды смотрит и ждёт...

Чтоб войти не во всём открытый,
Протестантский, прибранный рай,
А туда, где разбойник, мытарь
И блудница крикнут: «Вставай!»

Только дикий ветер осенний,
Прошумев, прекращал игру.
Сердце билось ещё блаженней,
И я верил, что я умру.

Не один – с моими друзьями,
С мать-и-мачехой, с лопухом,
И за дальними небесами
Догадаюсь, вдруг, обо всём.

Я за то и люблю затей
Грозových военных забав,
Что людская кровь не святее
Изумрудного сока трав.

Эти стихи он опубликует чуть позже, но именно *такое* в нём к этому моменту уже созрело, и оно существенно отличалось от «заветов» его ещё недавнего Учителя. Вспомним знаменитое:

Юноша бледный со взором горящим,
Ныне даю я тебе три завета.
Первый прими: не живи настоящим,
Только грядущее – область поэта.

Помни второй: никому не сочувствуй,
Сам же себя возлюби беспредельно.
Третий храни: поклоняйся искусству,
Только ему безраздумно, бесцельно...

Но это уже никак не устраивало того «*юношу*». Перерос он такую философию. Его манило теперь другое, что он в конечном итоге сформулировал и огласил как «*достойный способ выражения*».

Именно такая «*достойная форма*», по его мнению, к тому моменту уже вызрела и напрашивалась в виде того, что он и декларировал на том собрании в редакции «Аполлона» 18 февраля 1912 года. И этот день стал днём окончательного разрыва Гумилёва и Вяч. Иванова.

А вот с Блоком – тоже знаменитым символистом – всё иначе. Когда выйдет новый сборник Гумилёва «Чужое небо», о котором известный поэт и переводчик Серебряного века Михаил Кузмин скажет: «...Своей новой книгой Гумилёв открыл широко двери новым возможностям для себя и новому воздуху...», Гумилёв пошлёт эту книжечку Блоку, где напишет: «Александру Александровичу Блоку с искренней дружественностью. Н. Гумилёв». И от самого знаменитого поэта того времени получит письмо с такими строчками: «Многоуважаемый Николай Степанович! Спасибо Вам за книгу. “Я верил, я думал” и “Туркменских генералов” я успел давно полюбить по-настоящему, перелистываю книгу и думаю, что полюблю ещё многое. Душевно преданный Вам, А. Блок».

Это слова поэта, на которого «*молились*» символисты и который безоговорочно и общепризнанно был лучшим из них.

Но, видимо, в том-то и дело, что название того течения, с которым изначально ассоциируют поэта, для поэта *выдающегося* стоит на втором месте. На первом – он сам. И *«когда строку диктует чувство»*, он настолько может выйти за пределы любой формы, что все, да и он сам, забывают, какого этот поэт направления. А помнят лишь, что он – Поэт. Ну, разве многие скажут, что Маяковского ассоциировали с футуризмом, Есенина – с имажинизмом, того же Блока – с символизмом или позднего Гумилёва – с акмеизмом... Их помнят как больших поэтов, как Имена, строчки которых стали классикой.

Удивительное для Гумилёва число 18 в этом (1912) году. Помимо только что изложенного события в «Аполлоне», ровно через семь месяцев, 18 сентября, в родильном приюте императрицы Александры Фёдоровны, на 18-й (!) линии Васильевского острова, у Анны Ахматовой и Николая Гумилёва родится сын – Лев. Время покажет, что природа не только не захочет на нём *«отдохнуть»*, но и наделит его таким сочетанием генов, что впоследствии мальчик станет выдающимся учёным с мировым именем.

А пока сын мал, в жизни его отца происходят такие события. Весной 1913 года командирован Академией наук для поездки в Абиссинию с научными целями: изучения неисследованных племён для составления коллекций предметов восточноафриканского быта... И через полгода привёз эту коллекцию для Музея антропологии и этнографии. За эти полгода он так соскучится по жизни в Петербурге, что *«...не пропускает ни одного интересного события в городе – концерта, литературного вечера, спектакля, не отказывается ни от одной встречи и пирушки; он всегда считал, что всё, что дарит нам случай, – богатство для поэта. Случайная улыбка, разговор о пустяках, прогулки, мучительные бессонницы – всё для поэта благо и благодать»*, – читаем мы в дневнике Павла Лукницкого.

А в новом сборнике «Колчан», который довольно скоро *«не достать»* – такие слова:

Я вежлив с жизнью современною,
Но между нами есть преграда –
Всё, что смешит её, надменную,
Моя единая отрада.

Нет, нет, я не герой трагический,
Я ироничнее и суше,
Я злюсь, как идол металлический
Среди фарфоровых игрушек.

Победа, слава, подвиг – бледные
Слова, затерянные ныне,
Гремят в душе, как громы медные,
Как голос Господа в пустыне...

Он помнит головы курчавые,
Склонённые к его подножью,
Жрецов молитвы величавые,
Грозу в лесах, объятых дрожью.

И видит, горестно смеющийся,
Всегда недвижные качели,
Где даме с грудью выдающейся
Пастух играет на свирели.

Или:

Я не прожил, я протомился
Половину жизни земной,
И, Господь, вот Ты мне явился
Невозможной такой мечтой.

Что моя молодая сила
Не смирилась перед твоей,
Что так больно сердце томила
Красота твоих дочерей.

Вижу свет на горе Фаворе
И безумно тоскую я,
Что влюбился в сушу и море,
Весь дремучий сон бытия.

Но любовь разве цветик алый,
Чтобы ей лишь мгновение жить,
Но любовь разве пламень малый,
Что её легко погасить?

С этой тихой и грустной думой
Как-нибудь я жизнь дотяну,
А о будущей Ты подумай,
Я и так погубил одну.

Не правда ли, какое гармоничное сочетание изящества, возвышенности и вполне земных мотивов. А ещё о преграде «с жизнью современной» и о своей «единой отраде». Это из детства. Все «души прекрасные порывы» сохранились в нём.

Ну и, конечно, молодость берёт своё. Поэту как же без увлечений. Тем более что в семье не всё просто. Из дневника Павла Лукницкого после разговора с Ахматовой летом 1925 года:

«Я: В каком году вы отошли “физически” от Николая Степановича?

А. А.: ответила, что близки они были ведь очень недолго. “До 14 года – вот так приблизительно. До Тани Адамович... Николай Степанович всегда был холост. Я не представляю себе его женатым... Таня Адамович редко... но бывала в доме... А Николай Степанович у неё постоянно бывал...”

Я: Красивая ли была Таня?

А. А.: Красивая? Красивой она не была, но была интересной...

Я: Понимала ли стихи?

А. А.: Понимала... Ну это Жорж (Георгий Адамович – поэт, брат Т. А. – П. Л.) её натаскал... Всегда просила читать ей стихи...»

Татьяна Адамович. «Колчан» посвящён именно ей, которой нравилось на иностранный лад – Татьяна. Поклонница. Завсегдатай «Бродячей Собаки» – кафе, где тогда собирается богема Петербурга. «Первое знакомство – несколько банальных случайных фраз. Потом – нечаянные встречи, неосторожные слова... и так быстро становятся привычными и восхищение прелестной женщины стихами, и так необходима восторженность в глазах, когда поэт рассуждает о поэзии и страсти в долгих прогулках по покрытому снегом городу...» А чуть позже: «Женскому сердцу мало говорят слова... Тот, кого любит женщина, всегда герой, но как приятно чувствовать себя этим героем...» – вот так он о себе той поры, предвещающей «Колчан».

И это длится почти три года. «Таня Адамович, по-видимому, хотела замуж за Николая Степановича, потому что был такой случай: Николай Степанович предложил... развод... Я сейчас же согласилась!.. Когда дело касается расхождения, я всегда моментально соглашаюсь!.. А расхождение с Адамович... произошло... постепенно и прекратилось приблизительно где-то около выхода “Колчана”», – запишет Павел Лукницкий в дневник сразу после встречи с Ахматовой тем же летом – в июне 1925 года...

* * *

И вот лето 1914-го. «Войну он принял с простотою совершенной, с прямолинейной горячностью. Он был, пожалуй, одним из тех немногих людей России, чью душу война застала в наибольшей боевой готовности. Патриотизм его был столь же безоговорочен, как безоблачно было его религиозное исповедание. Я не видел человека, природе которого было бы более чуждо сомнение, как совершенно, редкостно чужд был ему и юмор. Ум его, догматический и упрямый, не видал никакой двойственности...» – вспоминает театральный и художественный критик Андрей Яковлевич Левинсон, который хорошо знал поэта и писал о нём (после выхода «Романтических цветов» одним из первых отметил его дарование)...

О том, как он попал на фронт и как вёл себя там, мы уже знаем. Но некоторые детали, подтверждающие «меткость глаза» известного критика о том, что душу поэта: «... война застала в наибольшей боевой готовности...», наверное, дополняют рассказ. Например, это письмо жене: «...Я всё здоровею и здоровею: всё время на свежем воздухе (а погода прекрасная, тепло, скачу верхом, а по ночам сплю как убитый)... написал стишок, посылаю его тебе, хочешь, продай, хочешь, читай кому-нибудь. Я ведь потерял критические способности и не знаю, хорош он или плох... Раненых привозят немало, и раны все какие-то странные: ранят не в грудь, не в голову, как описывают в романах, а в лицо, в руки, в ноги. Под одним нашим уланом пуля пробила седло как раз в тот миг, когда он приподнимался на рыси, секунда до или после, и его бы ранило. Целую тебя, моя дорогая Анечка, а также маму (отца к тому моменту уже несколько лет как нет на свете), Лёву и всех...»

Вспомним его, идущее из детства, когда, преодолевая страх и физическую слабость, залезал выше всех на дерево, куда «...ни брат, ни дворовые мальчишки не решались... Я был очень смелый. Смелость заменяла мне силу... человеку необходимо быть храбрым, он должен идти вперёд и **оправдать** себя как человека. Он настолько человек, насколько побеждает свой страх...» Тот мальчишка в нём и остался. Оправдал он себя как человека на той войне. Георгиевскими крестами просто так не награждают. Оправдает и позже. Представится ему такой случай. Лучше бы его не было...

Но до того случая ещё – годы. А пока война и дневник «Записки кавалериста», о котором мы вскользь уже упоминали. И письма Анечке: «...Мы, наверно, скоро опять попадём в бой, и в самый интересный, с кавалерией. Так что вы не тревожьтесь, не получая от меня некоторое время писем, убить меня не убьют (ты ведь знаешь, что поэты – пророки), а писать будет некогда. Если будет можно, после боя я пришлю телеграмму, не пугайтесь, всякая телеграмма непременно успокоительная.

Теперь про свои дела: я тебе послал несколько стихотворений, но их в “Войне” надо заменить, строфы 4-ю и 5-ю про дух следующих:

Тружеников медленно идущих
На полях, омоченных в крови,
Подвиг сеющих и славу жнущих,
Ныне, Господи, благослови.

Как у тех, кто гнутся под сохою,
Как у тех, кто молят и скорбят,
Их сердца горят перед тобою,
Восковыми свечками горят.

Но тому, о, Господи и силы... и т. д.

Вот человек предполагает, а Бог располагает. Приходится дописывать письмо стоя и карандашом... Остальное всё, как прежде. Твой всегда Коля».

Стихотворение это я уже приводил полностью, но о том, как и в каких условиях рождался его окончательный вариант, тогда не сказал. А это, наверное, важно: поэт – всегда поэт.

И ещё из военного быта по воспоминаниям ротмистра Ю. В. Янишевского: «...Гумилёв был на редкость спокойного характера, почти флегматик, спокойный, храбрый и в боях заработал два креста. Был он очень хороший рассказчик, и слушать его, много повидавшего в своих путешествиях, было очень интересно. И особенно мне – у нас обоих была любовь к природе и скитаниям. И это нас быстро сдружило. Когда я ему рассказал о бродяжничествах в лодке, пешком и на велосипеде, он сказал: “Такой человек мне нужен, когда кончится война, едем на два года в Мадагаскар...” Увы! Всё это оказалось лишь мечтами...»

О первом Георгиевском кресте от 13 января 1914 года речь уже шла. А вот о втором. Весь июль 1915 года – в непрерывных боях. И за один из них – наиболее жестокий и стратегически важный – представлен ко второму. Он (крест) уже 3-й степени (тот был 4-й) и получен 25 декабря 1915 года приказом по 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии за № 148-б.

* * *

Январь и почти весь февраль – отпуск в Петербурге, теперь уже Петрограде. Много читает. И в круге его чтения на сей раз – книги, раньше не так занимавшие его – религиозные, особенно работы учёного и священника Павла Флоренского. Увиденное и испытанное на войне, конечно, сказалось: «У человека есть свойство всё приводить к единству, по большей части он приходит этим путём к Богу...» – запишет он в дневник в этот период.

А весной произведён в прапорщики и переведён в 5-й Александрийский Её Величества государыни императрицы Александры Фёдоровны гусарский полк – элитное армейское подразделение, куда он так стремился. Но вскоре заболел бронхитом. Болезнь затянулась. Врачи обнаружили процесс в лёгком, и он был отправлен на лечение в Царское Село в лазарет Большого дворца.

Здесь же – в Царском Селе – знакомится с Анной Николаевной Энгельгардт, своей будущей женой (дочерью известного историка и литературоведа Н. А. Энгельгардта).

Процесс в лёгких оказался серьёзным и был приостановлен лишь к лету. По совету врачей он почти на полтора месяца уедет долечиваться в Массандру. Потом оттуда по дороге на фронт заедет в Севастополь в надежде повидать жену, где в то время она должна была быть. Но, не застав её, поедет в Иваново-Вознесенск на три дня... к А. И. Энгельгардт.

В этом же году в конце лета он в Петрограде, чтобы держать экзамен в Николаевском кавалерийском училище на корнета. Отсюда письмо Ахматовой в Севастополь: «Дорогая моя Анечка, больше двух недель от тебя нет писем – забыла меня. Я скромно держу экзамены, со времени последнего письма выдержал ещё три; остаются ещё только четыре (из 15-ти), но среди них артиллерия – увы! Сейчас готовлю именно её. Какие-то шансы выдержать у меня всё-таки есть. Я ничего не пишу (если не считать двух рецензий...), после экзаменов буду писать (говорят, мы просидим ещё месяца два)... После экзаменов попрошусь в отпуск на неделю и, если отпустят, приеду к тебе...

Поблагодари Андрея (брата Анны Ахматовой) за письма. Он пишет, что у вас появилась тенденция меня идеализировать. Что это так вдруг? Целую тебя, моя Анечка, кланяясь всем. Твой Коля...

Он не выдержит экзамена по фортификации и возвратится в полк. «...Службой был вполне удовлетворён, так как, **поняв бессмысленность войны, разочаровавшись в ней** ещё на фронте, всё свободное время старался уединиться: по-прежнему читал философию... До середины марта 1917 года находился в Окуловке, где вместе со своим командиром заготавливал сено для полковых коней. Февральская революция прошла мимо. Гумилёв её “не заметил”. Каждый свой выходной день он стремился в Петербург, благо Окуловка недалеко. И говорил, что “Петербург – лучшее место земного шара”», – это из дневника Павла Лукницкого.

То, что он «не заметил» февральскую революцию, отметит и Анна Ахматова: «...Он позвонил мне по телефону и сказал: “...Здесь (на окраине Петербурга) цепи, пройти нельзя, а потому сейчас поеду в Окуловку...” Он очень об этом спокойно сказал – безразлично... Всё-таки он в политике мало понимал...»

То, что не влекла его политика, отмечали все. Да и удивительно ли для человека – от природы поэта, романтика, а потом и философа, который изначально воображал себе мир глубже – над мышинной вознёй политиков. И был последовательным в своей логике при любых, даже самых драматических событиях, что, например, видно из его этапной пьесы «Гондла», которую в конце 1917-го опубликует журнал «Русская мысль», и прокомментирует её суть Павел Лукницкий: «Он назвал её драматической поэмой, чем всё и объяснил. Там главное – непримиримость зла и добра, но и невозможность лишить человека единственного его оружия, его защиты – чести, гордости, достоинства. И ещё – то, что у человека всегда есть выход и надежда – уйти в мир иной. Но “та жизнь” будет чиста, светла и прекрасна настолько, насколько человек был чист и светел в жизни этой. И такой выход, такой уход – торжество победы над злом и несправедливостью...»

А слова:

...Совершилось, я в царской порфире,
Три алмаза в короне горят,
О любви, о прощеньи, о мире
Предо мною враги говорят...

– будто итожат то, что он вынес из этой войны, долгими размышлениями придя к выводу о бессмысленности любой войны.

Но до этого, в том же 17-м, его откомандируют в штаб русского экспедиционного корпуса, воевавшего во Франции, и он прибудет в Париж в распоряжение комиссара Временного правительства. Там сблизится с русскими художниками Натальей Гончаровой и Михаилом Ларионовым. И там же влюбится. Юная красавица, полурусская-полуфранцуженка, из обедневшей интеллигентной семьи – Елена Карловна Дюбуше. Он называл её Голубой звездой. Долго добивался взаимности, писал в альбом любовные объяснения в стихах. Но «Голубая звезда» окажется вполне «земной». Поэту она предпочтёт богатого американца и уедет с ним в Америку. А этот – горький для него – эпизод оставит нам стихотворение о красоте высокой любви, благородных разлук и расставаний:

Ещё не раз вы вспомните меня	Должно быть, плохо я стихи писал
И весь мой мир, волнующий и странный,	И вас несправедно просил у Бога.
Нелепый мир из песен и огня,	Но каждый раз вы склонитесь без сил
Но меж других единый, необманный.	И скажете: «Я вспоминать не смею,
Он мог стать вашим тоже и не стал,	Ведь мир иной меня обворожил
Его вам было мало или много,	Простой и грубой прелестью своею.

Конечно, любовная неудача ущемляет самолюбие любого человека, но у поэтов это нередко рождает ещё и стихи, которые потом заучивают и твердят своим возлюбленным в мечтах или наяву тысячи влюблённых. И его знаменитое:

Да, я знаю, я вам не пара,
Я пришёл из другой страны...

– которое здесь уже фрагментами приведено, тоже обязано своим рождением той любовной драме...

Вернётся он в Петроград в мае 18-го. А до этого из Парижа его командировывают в Англию, где он хотел получить назначение от военных властей на Месопотамский флот. И выдадут денежное довольствие до апреля. Но что-то там не выйдет. И он решит возвратиться в Россию. Хотя это уже было нелегко – получить по паспорту Временного правительства разрешение на въезд в Советскую Россию. Вернётся в Петроград из Лондона кружным путём – через Мурманск, захав перед возвращением всё же в Париж, где попрощается с теми, с кем уже успел подружиться...

Когда вернётся, позвонит Срезневским, чтобы узнать, где Анна. Там скажут, что она у Шилейко (известный востоковед, поэт, переводчик). Ничего не подозревая, отправится к нему.

Сидели вместе, пили чай, разговаривали. Потом Анна пошла к нему в меблированные комнаты «Ира». Была там до утра. Ушла к Срезневским. Через какое-то время туда пришёл и он. «А. А. провела его в отдельную комнату и сказала: “Дай мне развод”. Он страшно побледнел и сказал: “Пожалуйста...” Не просил ни остаться, ничего не расспрашивал даже. Спросил только: “Ты выходишь замуж? Ты любишь?” А. А. ответила: “Да”. – “Кто же он?” – “Шилейко”. Николай Степанович не поверил: “Не может быть! Ты скрываешь, я не верю, что это Шилейко”...

Развод был очень мирным... Но много позже А. А. скажет: “Когда я с Шилейко расставалась – так легко и радостно было, как бывает, когда сходишься с человеком, а не расходишься. А когда с Н. С. расставалась – очень тяжело было. Вероятно потому, что перед Шилейко я была совершенно права, а перед Н. С. чувствовала вину...”» – так Валерия Срезневская рассказала Павлу Лукницкому. По словам Срезневской, Ахматова говорила, что много горя причинила Гумилёву, и считала, что она отчасти виновата в его гибели, хотя последнему слову придавала оттенок не прямой, а нравственный – будто её поступок предопределил его судьбу с таким исходом...

Вскоре после развода с Ахматовой он делает предложение Анне Николаевне Энгельгардт и получает согласие. В это же время выходит его очередной сборник «Костёр», где уже какое-то будто предчувствие:

Он стоит пред раскалённым горном,
Невысокий старый человек.
Взгляд спокойный кажется покорным
От миганья красноватых век.

Все товарищи его заснули,
Только он один ещё не спит:
Всё он занят отливаньем пули,
Что меня с землею разлучит.

Кончил, и глаза повеселели.
Возвращается. Блестит луна.
Дома ждёт его в большой постели
Сонная и тёплая жена.

Пуля, им отлитая, просвищет
Над седой вспененной Двиной,
Пуля, им отлитая, отыщет
Грудь мою, она пришла за мной.

Упаду, смертельно затоскую,
Прошлого увижу наяву,
Кровь ключом захлещет на сухую,
Пыльную и мятую траву.

И Господь воздаст мне полной мерой
За недолгий мой и горький век.
Это сделал в блузе светло-серой
Невысокий старый человек.

Будто всё уже знал, когда открыл и читал он свою «ночных видений тетрадь», где, пока этот «невысокий старый человек» делает (или сделает) своё дело, происходит ещё и такое:

Моим рождённые словом,
Гиганты пили вино
Всю ночь, и было багровым,
И было страшным оно.
О, если б кровь мою пили,
Я меньше бы изнемог,
И пальцы зари бродили
По мне, когда я прилёт.
Проснулся, когда был вечер,
Вставал туман от болот,

Тревожный и тёплый ветер
Дышал из южных ворот.
И стало мне вдруг так больно,
Так жалко мне стало дня,
Своею дорогой вольной
Прошедшего без меня...
Умчаться б вдогонку свету!
Но я не в силах порвать
Мою зловещую эту
Ночных видений тетрадь.

И хотя стихотворение называется «Творчество», как судьбоносно оно звучит. Зная то, что будет чуть позже, даже зловеще в своей неотвратимости: *«Но я не в силах порвать...»* Не исключено, что говорил о другом. И, скорее всего, – о другом. Но у Поэтов часто – «сны вещице».

А пока это лишь пророчества. И жизнь идёт своим чередом. Горький приглашает его в редколлегия издательства «Всемирная литература», которое сам и создал, заведовать отделом французской литературы. Много пишет. Иногда встречается с Ахматовой и у себя, и у Срезневских, где она жила и где по случаю выходявших публикаций Гумилёва устраивались маленькие вечеринки... Но: *«Его пожирал голод (и нас всех). Во всех смыслах голод. И физический, и духовный... Вся организационная работа (во «Всемирной литературе») делалась для денег, но у Николая Степановича был принцип – всему, что он делает, придавать какую-то субъективно-приятную окраску, и уж если приходится что-нибудь делать, то нужно, чтоб это было веселее. С Блоком (который возглавлял там немецкий отдел и был редактором всей переводной литературы) они как-то вместе старались не оставлять этот принцип с самого начала...»* – вспоминал Шилейко, который тоже там трудился. А ещё, чтобы не умереть с голоду и как-то прокормить семью, преподаёт в «Институте живого слова», литературной студии Дома искусств, студиях Пролеткульта и в 1-й культурно-просветительской коммуне милиционеров. Вот такая жизнь интеллигента после залпа «Авроры». Но *«он любил эти занятия – они помогали ему чувствовать себя значительным, нужным человеком, который знает, как помочь таланту раскрыть себя, поверить в свои силы. Он любил хвалить своих учеников: “От щедрой похвалы вырастают крылья – вот, пожалуй, основное правило человеческих отношений... В самые жестокие исторические времена поэзия, искусство помогают людям не ожесточиться, не растерять своё достоинство”, – это его слова. Он знал: “...есть обиды свои и чужие, чужие страшнее. Творить – это всегда уходить к обидам других, плакать чужими слезами и кричать чужими устами, чтобы научить свои уста молчанию и свою душу благородству”»*. Вот так он жил и так говорил. И спасибо Павлу Лукницкому, что записал эти – чрезвычайно важные фразы, из которых через позицию Поэта видна его цельность.

Да и пошутить был не прочь. Тот же Лукницкий вспоминает, как на лекции в литературной студии Балтфлота кто-то из матросов в присутствии цензора-комиссара спросил Гумилёва:

«– Что же, гражданин лектор, помогает писать хорошие стихи?

– По-моему, вино и женщины», – ответил «гражданин лектор». К явному неудовольствию цензора-комиссара.

И таких эпизодов, когда он любил поддразнить «начальство», было немало. Никуда не ушло его «мальчишество» даже в такой, казалось бы, довольно опасной для шуток обстановке.

Хотя в том его шутилом ответе есть ведь и немалая доля истины, если разобраться.

* * *

А вот и знаковая дата нового режима: 5 сентября 1918 года. Этим днём датируется постановление Совета Народных Комиссаров, разрешающее расстреливать *«все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам»*. С этого постановления в стране фактически начался «красный террор». А чуть позже – 7 декабря – в газете «Искусство коммуны» – уже о «буржуазной эстетике» – заметка некоего Шитикова «Попытка реставрации», где: *«...с таким усилием, и то только благодаря могучему коммунистическому движению, мы вышли год тому назад из-под многолетнего гнёта, тусклой, изнеженно-развратной буржуазной эстетики... перестали писать или, по крайней мере, печататься некоторые “критики” и читаться некоторые поэты (Гумилёв, напр.). И вдруг, я встречаюсь с ними снова в “советских кругах”. Они не изменились за это время ни волосом. Те же ужимки, те же стилистические выкрутасы и проч.; стали только ещё более бесцветными и ещё более робкими (но это, вероятно, от красного фона наших великих революций). Этому воскрешению я в конечном итоге не удивлён... Политические авантюры не удалось, не воскресить Учредилки, так давай возьмём их искусством. Как умеем и чем можем, будем действовать на их сознание. Привыкнув к нашему искусству, привыкнув к нашим методам, а там недолго и до наших политических теорий. Так рассуждает эта притаившаяся и не мёртвая, нет, нет, ещё не мёртвая, гидра реакции...»*

Это только начало, потому что таких шитиковых (да и шариковых) уже пруд пруди. (И в такой тональности эти шитиковы будут писать ещё не один десяток лет.)

Теперь о том, как же живёт эта «притаившаяся... гидра реакции» – чем она недовольна? Ну, разве что этим: «...после девяти часов вечера нельзя было выходить на улицу, когда треск мотора ночью за окном заставлял в ужасе прислушиваться: за кем приехали? Когда падаль не надо было убирать – её тут же на улице разрывали исхудающие собаки и растаскивали по частям ещё более исхудающие люди.

Умирающий Петербург был для нас печален и прекрасен, как лицо любимого человека на одре», – рассказывал об этом времени поэт и переводчик Николай Оцуп.

И один из, очевидно, главных действующих лиц этой «изнеженно-развратной буржуазной эстетики» (поскольку именно ему «оказана честь» быть упомянутым персонально) тоже вынужден решать вопрос: «Как выжить?» Но ответ у него тут однозначный – работать. «...При всех бедах и невзгодах спасает одно – работа. Искусству нет дела до того, какой флаг развевается на Петропавловской крепости. До тех пор, пока человек чувствует в себе силы смотреть на мир и удивляться ему, до тех пор, пока желание творчества есть в душе его, – он жив...» – такие слова Павла Лукницкого о настроении Гумилёва той поры.

А по воспоминаниям Н. Оцупа: «...Он никого не ненавидел... с комиссарами держался свободно, без озлобления, с лёгкой иронией, никогда не заискивал ни перед кем...»

Как знать – может быть, эта «лёгкая ирония» и окажется той каплей, которая не позволит его спасти...

Но и предельная загруженность в издательстве и студиях не позволяет заработать достаточно, чтобы поддержать семью (Анна Николаевна уже родила ему дочь Елену). И он продаёт свои вещи и даже (!) книги. Продаёт всё, что можно было продать. Но никогда и нигде не показывал, что трудно. По воспоминаниям тех, кто входил в состав редколлегии «Всемирной литературы», на её заседаниях «...практически всегда присутствовал и всегда был в форме и благожелательном расположении духа...».

Но всё равно трудно настолько, что семью приходится отправить в Бежецк (под Петроград) к маме и сестре, где в это время и Лёвушка. Там легче переносить трудности. Хоть дрова есть. И ему так проще о них заботиться – присылать или привозить, что может.

Почему Бежецк? Дело в том, что недалеко расположена деревня Слепнёво, где у Гумилёвых было родовое имение. Но после октября 17-го, когда повсеместно беднота жжёт усадьбы, оставаться там опасно. И его мама Анна Ивановна, несмотря на хорошее к ней отношение «поджигателей», которым она простила все долги, всё же не решается остаться. И переезжает в небольшой городок – административный центр Бежецкого района Тверской области – Бежецк...

Обедать теперь он стал в Доме литераторов на Бассейной (ныне ул. Некрасова), а жить – в Доме искусств (бывший дом Елисеева, на углу Невского и Мойки), где в то время жили некоторые писатели, литературные и художественные деятели из состава сотрудников «Аполлона».

«Я бывала в большой, полутёмной, холодной комнате в Доме искусств, где поселился Николай Степанович. Большею частью он сидел в своей длинной, но уже потрёпанной дохе. А вот на занятиях студии, несмотря на холод в здании, он всегда появлялся в костюме, в сорочке с жёстким воротничком и маленькими отворотами», – вспоминает одна из его студийек поэтесса Ида Наппельбаум...

Но трудности трудностями, а пишет по-прежнему много. «Послания с небес» не ушли. И вот уже следующий сборник «Огненный столп», где и то, что ему потом припомнят, – про «Заблудившийся трамвай»:

...Мчался он бурей тёмной, крылатой,
Он заблудился в бездне времён...
Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон...

В красной рубашке, с лицом, как вымя,
Голову срезал палач и мне,
Она лежала вместе с другими
Здесь, в ящике скользком, на самом дне.

А в переулке забор дощатый,
Дом в три окна и серый газон...
Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон!

Машенька, ты здесь жила и пела,
Мне, жениху, ковёр ткала,
Где же теперь твой голос и тело,
Может ли быть, что ты умерла?..

И всё ж навеки сердце угрюмо,
И трудно дышать, и больно жить...
Машенька, я никогда не думал,
Что можно так любить и грустить.

И если у Блока чуть раньше есть не Машенька, а Ванька с Катькой, которые в кабаке, потому что «...*У ей керенки есть в чулке...*», и тогда – чуть раньше – Блок ещё питал какие-то надежды, что те *ваньки и катьки*, которые сожгли его библиотеку, могут быть справедливы и что-то справедливое построят, а позже, увидев, что строит их руками «*вагоновожатый*», перестал «*слышать звуки*» – и с какого-то момента – ни строчки вообще, то Гумилёв надежд таких, похоже, не питал. Может быть, поэтому и «*слышать звуки*» не перестал. Но то, что «*слышал*» и публиковал, становилось для него всё опаснее. Только мы ведь уже достаточно узнали его характер и вряд ли иного Гумилёва можем себе представить в той обстановке.

И тут же в «Огненном столпе», будто глядит на себя со стороны – юного, мечтательного. Глядит иронично и даже критично. Может, даже, как на двойника:

...Он совсем не нравится мне, это
Он хотел стать Богом и царём,
Он повесил вывеску поэта
Над дверьми в мой молчаливый дом...
Крикну я... Но разве кто поможет,
Чтоб моя душа не умерла?
Только змеи сбрасывают кожи,
Мы меняем души и тела.

Об этом стихотворении «Память» уже вскользь шла речь, но здесь следует отметить, что им *открывается* сборник, а такие стихи всегда *знаковые*, потому что первое, выбранное поэтом, должно, по его мнению, задавать тон остальному. Что-то главное автор в нём всегда хочет сказать. Оно как исповедь, как откровение, как предчувствие...

В конце 20-го уезжает в Москву, где в Политехническом музее читает стихи. И Москва его огорчила. Даже напугала «*своей беспросветностью и ограниченностью*». Он не мог здесь ни писать, ни думать. Всё вокруг казалось «*бессмысленно-мрачным*». Такое (когда не пишется) с ним впервые...

Из Москвы на несколько дней уехал в Бежецк к матери, жене и детям. И здесь отдел народного образования Бежецка попросил его выступить. Всех желающих зал едва вместил (знал бы Шитиков). Там же по просьбе местных литературных студий он организует объединение и ходатайствует о включении его в качестве подотдела во Всероссийский союз поэтов.

Вообще почти во всех воспоминаниях о его последних годах звучит: организовал то-то, принял участие в организации того-то, был инициатором в том-то... И как-то, обсуждая с Павлом Лукиным эти его действия, Ахматова заметила, что эти организаторские способности проявлялись у него и до 17-го года: «*Разница только в том... что до революции у Н. С. не было материальных побуждений ко всяческому таким начинаниям... Все эти студии стали предметом заработка впервые нуждающегося, обременённого семьёй и другими заботами Н. С. Они были единственной возможностью – чтобы не умереть с голоду...*» И всё это удавалось ему потому, что, со слов Н. Оцупы: «*...вопреки поверхностному мнению о нём, никого не подавлял своим авторитетом, но всех заражал своим энтузиазмом...*»

* * *

И вот – тот самый роковой 21-й. Начинается он обыкновенно, буднично. Как и прошлые три зимы, эта тоже холодная, голодная, во всех отношениях трудная – надо выживать. И к этому он уже будто привык. Всё время где-то выступает, преподаёт, организует, переводит... и пишет. Выходит его сборник «Шатёр», где о таком милом его сердцу – о путешествиях: «Красное море», «Египет», «Сахара», «Суэцкий канал», «Судан», «Абиссиния», «Мадагаскар», «Нигер»... Будто ищет он, где душе согреться:

...Сердце Африки пеня полно и пыланья,
И я знаю, что, если мы видим порой
Сны, которым найти не умеем названья,
Это ветер приносит их, Африка, твой!

И может быть именно там находит ей (душе) хоть короткую, но такую необходимую в том абсурде быта передышку.

Но это лишь передышка. А куда деться вот от такого:

Какая смертная тоска
Нам приходится и ждать напрасно.
А если я попал в Чека?
Вы знаете, что я не красный!
Нам приходится и ждать напрасно,
Пожалуй, силы больше нет.
Вы знаете, что я не красный,
Но и не белый – я поэт!
Пожалуй, силы больше нет
Читать стихи, писать доклады.
Но и не белый я поэт.

Мы все политике не рады.
Писать стихи, читать доклады,
Рассматривать частицу «как» –
Путь к славе медленный, но верный:
Моя трибуна – Зодиак!
Высоко над земною скверной
Путь к славе медленный, но верный.
Но жизнь людская так легка!
Высоко над земною скверной
Такая смертная тоска!

Но не учтёт «вагоновожатый», что «...я не красный, но и не белый – я поэт!» и что «моя трибуна – Зодиак!». Пропустит мимо ушей...

Однако ещё есть какое-то время до *того* часа. И в июле поэт вновь в Москве, где читает стихи в знаменитом «Кафе поэтов», среди которых – «Молитва мастеров»:

...Храни нас, Господи, от тех учеников,
Которые хотят, чтоб наш убогий гений
Кошунственно искал всё новых откровений...
Что создадим мы впредь, на это власть Господня,
Но, что мы создали, то с нами по сегодня...

А после этого, по воспоминаниям известного востоковеда, индолога и историка Григория Левина, случилось следующее: «...Гумилёв... направился к выходу. Ему и его спутникам следовало подумывать... где ночевать? Беседуя о слышанном, перебрасываясь словами, пробирались мы к выходу под необычный аккомпанемент. Кто-то неподалёку – должно быть “про себя”, но вслух – читал стихи Гумилёва. Одно стихотворение сменялось другим... читал не бледный юноша, не литературный денди, не истомлённая ночными бдениями девушка. Стихами Гумилёва опьянялся мужчина в кожаной куртке и в галифе казённого сукна. Крепко пришитая к плечам голова, крупные черты лица, обрамлённого чёрной бородой, чуть кривоватые под тяжестью тела, мускулистые, в обмотках, ноги. Лицо библейского склада.

- Это что за Самсон? – вырвалось у Гумилёва.
- Вас не удивляет, что я читаю ваши стихи? – спросил незнакомец.
- Нет, – церемонно ответил Гумилёв.
- Мне запомнились ваши стихи, – расплылся в улыбке незнакомец.
- Это меня радует. – Гумилёв, прощаясь, протянул незнакомцу руку.
- Тот по-прежнему просто, пожимая протянутую руку, называет себя.
- А я Блюмкин...

Стаяла чуть торжественная напыщенность Гумилёва. По-юношески непосредственно вырвалось:

- Вы – тот самый?
- Да, тот самый.

И снова рукопожатия и слова Гумилёва, чуть напыщенные и церемонные:

- Я рад, когда мои стихи читают воины и сильные люди».

(Для тех, кто помоложе: Яков Григорьевич Блюмкин – крупный чекист, начальник личной охраны Троцкого. 6 июля 1918 года вместе с другим левым эсером Андреевым убил германского посла Мирбаха. Расстрелян в 1929 году.)

И дальше: «Всю дорогу Гумилёв говорил о Блюмкине, вспоминая и других своих читателей – «сильных, злых и смелых» воинов и охотников, любивших его стихи...»

Вот такая ирония судьбы: поклонник – крупный чекист. Если бы ещё это помогло.

Но... «В конце лета я стал собираться в деревню на отдых. В среду, 3 августа, мне предстояло уехать. Вечером накануне отъезда я пошёл проститься кое с кем из соседей по Дому искусств. Уже часов в девять постучался к Гумилёву. Он был дома... Прощаясь, я попросил разрешения принести ему на следующий день кое-какие вещи на сохранение. Когда наутро, в условленный час, я с вещами подошёл к двери Гумилёва, мне на стук никто не ответил. В столовой служитель Ефим сообщил мне, что ночью Гумилёва арестовали и увели. Итак, я был последним, кто видел его на воле...» – вспоминает поэт и литературовед Владислав Ходасевич. Однако здесь он не совсем точен – в слове «последним». Хотя, может быть, он имел в виду – последним из уже имеющих в литературе имя. Потому что дальше, по воспоминаниям тех, кто посещал одну из его студий, было примерно так: «Гумилёв в день ареста вернулся домой около двух часов ночи. Он провёл этот последний вечер в кружке влюблённой в него молодёжи. После лекции Гумилёва было, как всегда, чтение новых стихов и разбор их... Во время обсуждения стихов царил строгая дисциплина, но, когда занятия заканчивались, Гумилёв переставал быть мэтром, становился добрым товарищем. Потом студисты рассказывали, что в этот вечер он был очень оживлён и хорошо настроен, потому так долго, позже обычного, и засиделся. Несколько барышень и молодых людей пошли Гумилёва провожать. У подъезда Дома искусств, где жил Гумилёв, его ждал автомобиль. Никто не обратил на это внимания – был НЭП, автомобили перестали быть, как в недавние времена “военного коммунизма”, одновременно и диковиной, и страшилищем. У подъезда долго прощались, шутили, уславливались “на завтра”. Люди, приехавшие в стоявшем у подъезда автомобиле с орденом Чека на обыск и арест, ждали Гумилёва в его квартире...» – запишет в своём дневнике Павел Лукницкий...

Ну, а дальше – о профессоре Владимире Николаевиче Таганцеве, «таганцевском заговоре» против новой власти, как выяснилось, во многом сфабрикованном Петроградским ЧК «для остротки», написано уже много. И ещё больше – о том, как в разряд той Боевой Петроградской контрреволюционной организации «заговорщиков» попал явно непричастный к тому, в чём его обвинили, Гумилёв. Материалов и в прокуратуре, и в МВД, и в КГБ СССР в конце 80-х открыто много, и этим, продолжая дело отца, занимался сын Павла Лукницкого Сергей, который первым выяснил, как фабриковали дело Гумилёва – всю ту «мышиную возню» следователей НКВД, чтобы обвинить Гумилёва и тем самым иметь право его уничтожить. Видно, уж очень кому-то он был неугоден. *Не вписывался такой тип человека в систему новой власти со своим понятием чести.* Но, по каким-то соображениям, пока открыты далеко не все материалы. Может быть, когда-нибудь и узнаем о самых последних часах того 27 августа 1921 года...

А пока – выдержка из статьи А. И. Куприна под названием «Крылатая душа», написанной сразу после гибели Гумилёва: «...Никогда, ни в каком заговоре он участвовать не мог. Заговор – это стая. В обезумевшей голодной, холодной России, заведённый за пределы того, что может стерпеть человек, – заговор из пяти людей – уже не заговор, а провал и катастрофа. А у Гумилёва был холодный, скептический и проницательный ум. Я не думаю также, чтобы он удостоил доносчиков каких-нибудь разъяснений по поводу своего политического символа веры.

Но, знаете, сорвётся иногда у человека, умеющего глубоко презирать и холодно ненавидеть, сорвётся, может быть, даже совсем невольно, – **всего лишь один быстрый, как молния, пронзительный взгляд**, но в нём палач мгновенно прочтёт: и то, как он микроскопически мал, гадок, глуп, грязен и труслив в сравнении со спокойно стоящей перед ним жертвой, и то... что эта бесконечная разница пребудет во веки веков. И тогда конец. Тогда неизбежна смерть избраннику, тому, кого сам Бог отметил при рождении прикосновением своего перста на возвышенную жизнь и ужасную кончину...»

Статья опубликована журналом «Неман» в 1989 году. До этого находилась в семейном архиве семьи Куприных...

Может быть, так и было – и такой «взгляд», и палач его «прочёл». И конечно же, не мог ему такой «невольный» взгляд простить. Может быть. Потому что, если человек – Художник (а Куприн – Художник), то в его устах, даже если и не «всё – правда», то «вся правда». Так сказал о Художнике Л. Н. Толстой...

А Гумилёв «...взял с собой в тюрьму Евангелие и Гомера. Из тюрьмы писал жене, ободряя её... Ходатайство представителей самых видных петербургских научных и литературных организаций с просьбой выпустить его (Гумилёва) на поруки не имело успеха...» – вспоминал Николай Оцуп.

О том же, что было в те дни у него на душе, наверное, лучше всего поведал его последнее стихотворение, написанное в тот последний август во внутренней тюрьме НКВД на Шпалерной. И неизвестно каким способом попавшее на волю.

Поначалу об этом стихотворении, а точнее, кто его написал, ходило немало споров. Среди предполагаемых авторов называли даже имя большого поклонника творчества Гумилёва писателя-мариниста Сергея Колбасьева. Спорили до тех пор, пока издатель и славист Никита Алексеевич Струве не привлёк специалистов, которые окончательно установили, что стихотворение написал Гумилёв. После этого – в 1970 году – Никита Алексеевич Струве впервые опубликовал его на Западе. Звучит оно так:

В час вечерний, в час заката
Каравеллою крылатой
Проплывает Петроград,

И горит над рдяным диском
Ангел твой на обелиске,
Словно солнца младший брат.

Я не трушу, я спокоен,
Я моряк, поэт и воин,
Не поддамся палачу.

Пусть клеймят клеймом позорным,
Знаю – сгустком крови чёрной
За свободу я плачу.

За стихи и за отвагу,
За сонеты и за шпагу,
Знаю, строгий город мой,

В час вечерний, в час заката
Каравеллою крылатой
Отвезёт меня домой.

Домой его не отвезли. И вообще до сих пор неизвестно, куда его «отвезли». Первый и наиболее тщательный биограф поэта Павел Лукницкий, вместе с Анной Ахматовой, на основании разного рода сведений, которые каждому из них удалось добыть, составили примерный план того места, где он погиб и, может быть, там же в земле и остался. Вспоминает сын Павла Лукницкого Сергей: «*Летом 1973 года мой отец, лёжа на больничной койке со смертельным инфарктом, набросал что-то на маленьком листке своей слабой уже рукой и, передав листок мне, сказал, что это план места гибели Гумилёва и что в кармашке одной из записных книжек его фронтового дневника (и на войну 14-го, и на войну 41-го, Павел, как и в своё время его кумир, пошёл добровольцем) хранится подробный чертёж. Этот он нарисовал, чтобы я не ошибся, ища тот, который он составил вместе с А. А. Ахматовой вскоре после её второго, тайного, посещения скорбного места в 1941 году. Составил, веря, что Правда Гумилёва явится России. Составил и заучил его на память навсегда...*»

Сергей нашёл то место – предполагаемое место в Бернгардовке под Ленинградом – и сделал фото, которое представлено в книге Веры Лукницкой.

* * *

Вот так и смолкла «волшебная скрипка» Поэта, овладев которой сполна, он взглянул «в глаза чудовищ» и погиб «страшной смертью скрипача»... Но остались волшебные звуки его поэтической гармонии. И они не смолкают вот уже второй век после того выстрела. Их оставило время. А оно – единственный критерий – чему (или кому) оставаться в веках, а чему (или кому) – нет.

Берега Янтарного края

К 80-летию Калининградской области

Л. В. Довыденко, М. В. Дробиз, М. С. Шевня

МУЗЕЙ ГЕОДЕЗИИ И КАРТОГРАФИИ БАЛТИЙСКОГО АГП

Часть 1

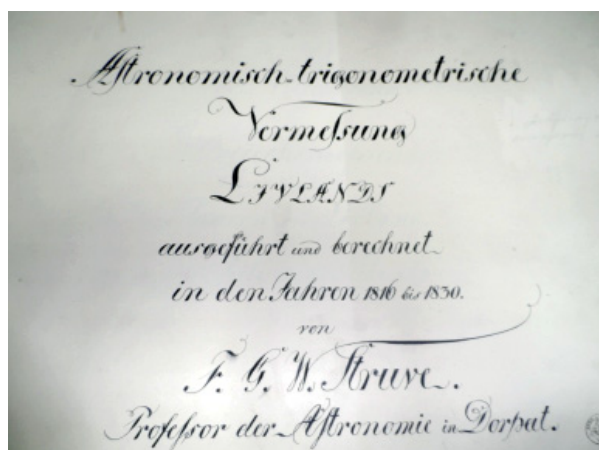
История и современность уникального музея геодезии и картографии БалтАГП отличается редкой интеллектуальной насыщенностью и любовью к нему создателей и собирателей экспонатов, наполнена звучанием истории России и Калининградской области, научным содержанием документов из области не только геодезии и картографии, но и истории, географии, астрономии, космонавтики, гидрографии, краеведения, имея безграничное будущее и перспективы.

Соприкосновение с какой-либо новой для тебя отраслью знаний – это всегда открытие, чарующее новизной и удивительными судьбами людскими, и это, несомненно, неисчерпаемый источник мудрости, расширяющий сознание. Чувство изумления охватит тебя, когда шагнёшь за порог Музея геодезии и картографии, который является частью филиала ППК «Роскадастр» «Балтийское АГП», так как не ожидаешь, что исторические и современные приборы, карты, материалы, связанные с геодезией, картографией и историей Калининградской области, обретут свет и полноту жизни в устах экс-директора, советника исполнительного директора – директора филиала ППК «Роскадастр» «Балтийское АГП» Михаила Семёновича Шевни, а также нынешнего директора филиала Михаила Валерьевича Дробиза.

Музей располагается в здании БалтАГП на проспекте Победы, построенном предприятием в соответствии со всеми новейшими необходимыми требованиями. Среди экспонатов музея очень интересна астрономическая составляющая, геодезическая, чертёжные инструменты, карты и атласы. Обратимся к истории наиболее ценных экспонатов.

Михаил Семёнович Шевня, 2017 г.

Обложка и титульный лист Отчёта об астрономо-тригонометрических измерениях на территории Лифляндии

Отчёты В. Я. Струве, вклад К. И. Теннера в измерение «Дуги Струве»

В. Я. Струве
(1793–1864)

К. И. Теннер (22.06.1783
(близ Нарвы) – 8.01.1860 (Варшава))

В уникальной экспозиции Музея геодезии и картографии БалтАГП, связанной с историей измерений Земли, картографирования, бросаются в глаза подлинные отчёты выдающегося астронома, геодезиста Василия Яковлевича Струве, который в 1816–1855 годах произвёл первое достоверное измерение большого сегмента дуги земного меридиана, что позволило точно установить размер и форму нашей планеты.

Одним из документов является рукописный отчёт об астрономо-тригонометрических измерениях на территории Лифляндии (часть территории современной Латвии и Эстонии) в период с 1816 по 1830 год, выполненных при непосредственном участии профессора астрономии Дерптского университета В. Я. Струве.

Рукописный отчёт включает 200 страниц текста, таблиц и различных схем наблюдений. Текстовая часть отчёта написана, как это было принято в Европе того времени, на латинском языке тушью чётким каллиграфическим почерком. Рассматривая страницы отчёта, не перестаёшь восхищаться удивительной сохранностью раритета, несмотря на его почти двухсотлетнюю давность. Многие из выполненных измерений В. Я. Струве на территории Лифляндии (по поручению Лифляндского экономического общества) того времени позднее стало составной частью измерений по Русско-Скандинавской дуге между Дунаем и Северным Ледовитым океаном, протяжённостью по долготе $25^{\circ}20'$, вошедшей в историю геодезии как «Дуга Струве».

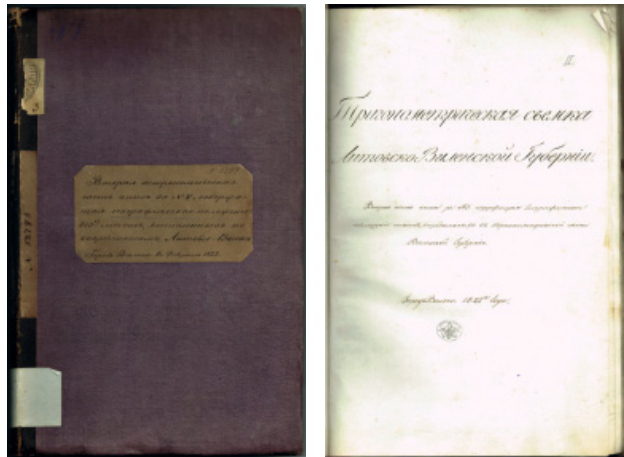
Независимо от В. Я. Струве южная часть этой дуги, протяжённостью от Двины до Дуная (до Измаила) и проходящей по меридиану Виленской обсерватории, измерена при непосредственном участии другого выдающегося русского геодезиста, в последующем генерала от инфантерии Карла Ивановича Теннера.

Именно под его руководством, при личном участии и с разрешения князя П. М. Волконского, параллельно с тригонометрическими съёмками Виленской, Гродненской, Курляндской,

Минской, Подольской и Волынской губерний выполнялись необходимые градусные измерения по значительной части будущего большого градусного измерения «Дуги Струве».

Его весьма точные триангуляции вошли, как отмечалось выше, в большое русское градусное измерение по меридиану. Началом этому измерению послужили топографические съёмки Виленской губернии, выполненные на триангуляционной основе, как того требовал князь П. М. Волконский. В своём предписании командующему 1-й армией начальник Главного штаба русской армии князь П. М. Волконский указывал: «Высочайше повелеваю произвести тригонометрическую и топографическую съёмки Виленской губернии и приступить тотчас же к первой, так как топографическая съёмка должна основываться на тригонометрической».

В музее филиала ППК «Роскадастр» «Балтийское АГП» хранится оригинальный технический отчёт 1822 года под названием «Тригонометрическая съёмка Литовско-Виленской губернии».

Обложка и титульный лист отчёта
«Тригонометрическая съёмка
Литовско-Виленской губернии»

О роли князя П. М. Волконского в становлении геодезии в России

Светлейший князь, русский генерал-фельдмаршал (1850), министр Императорского двора и уделов (1826–1852), назначенный в 1797 году адъютантом великого князя Александра Павловича, князь П. М. Волконский, вскоре после восшествия Александра I на престол, сделан был товарищем начальника Военной походной канцелярии Его Императорского Величества, в которой в то время сосредоточивалось всё управление военными силами государства. В ряду многих важных преобразований, ознаменовавших семилетнее управление князя Главным штабом, ему принадлежит честь учреждения Корпуса Военных Топографов (1822) и окончательного установления «правильного производства съёмок» с общегосударственными целями на триангуляционной основе.

В 2005 году в список Всемирного наследия ЮНЕСКО были включены 34 наиболее уцелевших пункта «Дуги Струве». Выдающийся учёный проводил измерение дуги меридиана от Северного Ледовитого океана до Чёрного моря, чтобы определить размеры Земли. В течение 40 лет длилась по высочайшему императорскому указу эта уникальная работа. Сохранились пункты этой дуги в 10 странах мира, и до сих они под охраной ЮНЕСКО. После завершения измерительных работ В. Я. Струве написал книгу «Дуга меридиана в 25°20' между Дунаем и Ледовитым морем, измеренная с 1816 по 1855 гг.».

В Республике Беларусь очень серьёзно относятся к сохранению пяти пунктов «Дуги Струве» на её территории. «Первые мероприятия по благоустройству этих пунктов, – рассказывает Михаил Семёнович, – выполнялись руководством Минского предприятия № 5 Главного управления геодезии и картографии при СМ СССР, с которым связана моя жизнь. Когда я уже работал в Калининграде, просили нас белорусские коллеги в 90-е годы 20-го века помочь с якорными цепями, чтобы оградить эти знаки. Цепи дали нам в Калининградском рыбном порту, которым в то время руководил Л. П. Горбенко (в 1996–2000 гг. губернатор Калининградской области), он просьбу уважил. Мы передали цепи, и минчане благоустроили пункты “Дуги Струве”».

Князь П. М. Волконский
(1776–1852)

*Благоустройство пунктов
«Дуги Струве» в Беларуси*

История экспоната музея – дневники с отчётами В. Я. Струве

На вопрос, как же попали дневники с отчётами В. Я. Струве в Калининград, в Музей геодезии и картографии, Михаил Семёнович поделился потрясающей историей.

– Во время Первой мировой войны немцы подходили к г. Варшаве, где находился Политехнический институт. Встал вопрос об эвакуации учреждения в Россию. Это был один из крупнейших вузов Европы. В то время в архивах этого института хранились документы по «Дуге Струве». И эти документы вместе с профессорско-преподавательским составом эвакуировали в г. Нижний Новгород. Там открыли вновь политехнический институт, который дал начало пяти другим институтам в Нижнем Новгороде. Трагически сложилась судьба некоторых преподавателей института. Они были репрессированы как враги народа, а это были высокообразованные люди из знатных родов. Они дали толчок для развития науки не только в г. Нижнем Новгороде, но и по всему СССР.

Шли годы, и во времена, когда распался СССР, оказалось, что никому не было дела до этих архивов. Но они оказались в добрых руках владельцев частной коллекции, спасших экспонаты от уничтожения. Это раритетные документы и инструменты. Один из владельцев этой коллек-

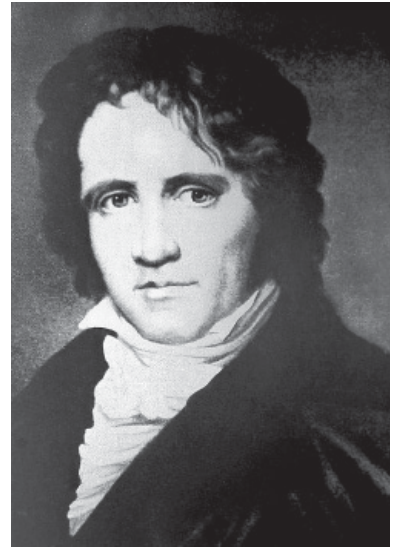
ции – Гусев Юрий Сергеевич, кандидат технических наук – побывал в нашем музее и принял решение передать нам уникальные документы из отчётов Струве, чтобы поднять статус музея. А основная часть коллекции находится в Москве, в главном здании Росреестра, где был создан музей, в котором и хранятся карты и уникальные старинные геодезические инструменты.

Струве и Бессель

В 2014 году в г. Калининграде состоялась большая научная конференция «В. Я. Струве – европейский геодезист». «Сюда съехался весь мировой цвет геодезии и картографии, – отметил Михаил Семёнович. – Были доклады о работе Струве по меридиану $25^{\circ}20'$. Отмечалось, что В. Я. Струве в своё время поделился своими измерениями с другим великим астрономом и геодезистом Фридрихом Вильгельмом Бесселем (1784–1846), который жил и работал в г. Кёнигсберге. В 1810 году Ф. В. Бессель стал профессором Кёнигсбергского университета и построил при нём обсерваторию, директором которой оставался до самой смерти».

«На меридианном круге этой обсерватории, – продолжил свой рассказ Михаил Семёнович, – Ф. В. Бессель произвёл наблюдения свыше 75 тысяч звёзд и составил каталоги, разработал теорию ошибок астрономических инструментов, открыл личное уравнение, то есть систематическую ошибку, присущую данному наблюдателю. При обработке результатов наблюдений широко применял математические методы, в частности, метод наименьших квадратов и теорию вероятностей. Большое значение имеют также работы Ф. В. Бесселя в области геодезии. Он известен классическими определениями длины секундного маятника и изобретением базисного прибора, с помощью которого в 1823 году проводил измерения, необходимые ему для построения модели Земли (эллипсоид Бесселя), а именно: измерил с высокой точностью базис (в пригороде г. Кёнигсберга) длиной 1 823 метра между Медниккеном и ныне несуществующим Тренком. В 1946 году Медниккен был переименован в село Дружное Зеленоградского района Калининградской области. В 1831–1841 годах Ф. В. Бессель совместно с И. Я. Байером (прусский генерал-лейтенант и выдающийся землемер) впервые выполнил триангуляцию в Восточной Пруссии и на основании десяти лучших измерений длины одного градуса меридиана (причём один из них признан шедевром человеческого гения – Русско-Скандинавская геодезическая дуга Струве) определил элементы земного сфероида, названного Бесселевым и ис-

пользовавшегося в мировой геодезии более ста лет. В Европе он используется до сих пор: в Германии, Австрии, Швейцарии, Чехии и странах бывшей Югославии, также используется в Индонезии, Японии, Эритрее и Намибии. В 1950-е годы примерно половина всех триангуляций в Европе и 20 % на других континентах базировались на нём. Использовался в Российской империи и в СССР вплоть до 1946 года, в Москве – до сих пор. Современные методы определения с использованием спутниковых систем подтверждают высокую точность проведения астрономических и геодезических работ в XIX веке. И сейчас разработки Ф. В. Бесселя широко используются при запуске космических аппаратов. В память об учёном бюст Ф. В. Бесселя в г. Калининграде будет установлен на историческом месте как научная точка для притяжения туристов».

*Фридрих Вильгельм Бессель
(1784–1846)*

«Когда я приехал работать в Калининград в конце 70-х годов 20-го века, – продолжил воспоминания Михаил Семёнович, – Минское предприятие № 5 ГУГК при СМ СССР, структурным подразделением которого был нынешний коллектив филиала ППК “Роскадастр” “Балтийское АГП”, в 80-е годы прошлого века перечислило Калининградскому горисполкому средства на благоустройство территории, на которой в далёком 1884 году перед обсерваторией был установлен бронзовый бюст Ф. В. Бесселя (разрушен во время бомбёжки Кёнигсберга английской авиацией в 1944 году). Эти работы под руководством архитектора А. И. Гараниной завершились в 1989 году реконструкцией плиты, установленной в 1975 году на месте утраченного в послевоенные годы бронзового бюста Ф. В. Бесселя. Постамент бюста Ф. В. Бесселя сохранился до настоящего времени, находится у одного частного коллекционера, бюст Ф. В. Бесселя отлит в Москве и доставлен в г. Калининград и находится в штаб-квартире Калининградского областного отделения Русского географического общества. Сейчас решается вопрос с землёй и вопрос разработки проекта благоустройства территории».

Значение карт на войне и в мирной жизни

Трудно представить развитие территории без карты – специального путеводителя по суше и на море – при движении войск и в туристических маршрутах, строительстве объектов экономического значения. «Кёнигсберг, – рассказывает Михаил Семёнович, – был взят штурмом стремительно, потому что у наступавшей Красной армии была карта города. Оригинал такой карты г. Кёнигсберга 1945 года хранится в нашем музее. Она попала в своё время в руки советской разведки, была обновлена по материалам аэрофотосъёмки и в большом количестве листов передана в войска. В 1941 году немцы, в начальный период Великой Отечественной войны, захватив картохранилища Западного фронта, были оснащены картами всей Восточной части СССР до Урала. Они так стремительно наступали потому, что у них были карты нашей территории. Генерал Д. Г. Павлов, командующий Западным фронтом, был расстрелян за сдачу «важнейших стратегических объектов» уже в июле 1941 года, и среди обвинений, конечно, был захват гитлеровцами карт СССР.

В советское время, с 1949 по 1991 год, существовал Совет экономической взаимопомощи (СЭВ). Это была межправительственная экономическая организация социалистических стран, целью которой было экономическое и научно-техническое сотрудничество, координация планов и создание единой экономической системы. Среди многих направлений деятельности было и создание карт различных дружественных государств. И поэтому стремительные действия вооружённых сил США в Ираке опирались на знание карт страны, а карты Ирака США получили от Польши, участницы бывшего СЭВ, так как они в рамках СЭВ осуществляли картографирование территории Ирака.

В СССР значение карт очень хорошо понимали, и в 1935 году на государственном уровне было принято решение о создании специального управления, приравненного к особому отделу НКВД. Одновременно было принято решение о коренном изменении изучения географии в школе; школьники должны были уметь читать атласы и карты. Вопрос картографической и геодезической грамотности комплексно решали. Жаль, что аналогов подобной практики нет в настоящее время».

Атлас Калининградской области

В 2005 году городской Совет депутатов Калининграда обратился к президенту Российской Федерации В. В. Путину, к премьеру, в то время М. Е. Фрадкову, с просьбой – отозвать из торговой сети книгу с картой России, на которой отсутствуют Калининградская область и Курилы. Речь шла о книге с учебно-тренировочными материалами для подготовки учащихся к Единому государственному экзамену, её выпустило московское издательство «Интеллект-Центр». На обложке учебника, вышедшего тиражом 200 тыс. экземпляров, была изображена географическая карта Российской Федерации, на которой нет Калининградской области и Курильских островов.

Неслучайно возникла идея специального доклада президенту В. В. Путину правительства Калининградской области. М. С. Шевня рассказывает: «Было принято решение: загодя изготовить специальный атлас “Калининградская область. Рабочая карта Президента России В. В. Путина”, состоящий из 29 специальных многокрасочных тематических карт с картограммами, сопровождающимися пояснительным текстом.

Для подготовки атласа была сформирована редакционная коллегия во главе с вице-губернатором В. В. Пироговым. Изготовление атласа было поручено ФГУП “Балтийское АГП”.

Домашняя заготовка оказалась удачной, атлас получился информационный и выразительный, а рабочее совещание президента В. В. Путина с участием заместителя полномочного представителя президента в СЗФО В. И. Матвиенко, заместителя руководителя администрации президента РФ А. С. Абрамова, спецпредставителя президента РФ по проблемам Калининградской области Д. О. Рогозина, заместителя министра иностранных дел С. С. Разова, заместителя полномочного представителя президента в СЗФО А. Г. Степанова с губернатором В. Г. Егоровым в кабинете губернатора на улице Д. Донского, 1, затянулось более чем на полтора часа (пока все карты не были просмотрены, не выслушан доклад по ним губернатора и не были приняты соответствующие решения)».

На время встречи в соответствии с действующим регламентом все сотрудники покинули здание администрации области на Д. Донского, 1. В смежном с губернаторским кабинетом находились вице-губернатор В. В. Пирогов и директор ФГУП «Балтийское АГП» М. С. Шевня, которые, при необходимости, должны были прийти на помощь губернатору с пояснениями по той или иной карте. Однако такая помощь губернатору В. Г. Егорову не понадобилась, так как накануне встречи с президентом В. В. Путиным он в течение двух ночей внимательно изучал каждую карту с нанесённой информацией с директором ФГУП «Балтийское АГП».

– Во время затянувшейся встречи президента В. В. Путина с губернатором В. Г. Егоровым в Калининградском государственном университете, – продолжает рассказ М. С. Шевня, – в ожи-

дании встречи с президентом томились представители органов региональной власти, общественности, бизнеса и журналисты вместе со студентами (ходили слухи, что президент, может быть, и вовсе не приедет на встречу). По завершении просмотра атласа президентом В. В. Путиным была дана команда: отнести атлас в автомобиль президента. Появившись в итоге перед студентами, представителями общественности и бизнеса, президент В. В. Путин был под впечатлением от просмотра атласа и обсуждения проблем Калининградской области с губернатором В. Г. Егоровым, потому что большую часть проблем, которую обсуждал с губернатором, он тут же озвучил. Сказал

Обсуждение проблем Калининградской области по Рабочей карте, подготовленной ФГУП «Балтийское АГП» к визиту в Калининградскую область президента Российской Федерации В. В. Путина (фото 2003 г.)

об особом геополитическом положении Калининградской области и поставленной по результатам просмотра карты «Калининградская область в Европейском пространстве» задаче – разработать программу «Мы россияне», чтобы дети и молодёжь региона имели возможность выезжать в экскурсионно-образовательные поездки по городам России (Москва, Санкт-Петербург, города Золотого кольца, Нижний Новгород, Казань, Екатеринбург и др.). Детально остановился президент и на экономике региона, транспортной инфраструктуре, строительстве грузо-пассажирской паромной линии С.-Петербург (Усть-Луга) – Калининград – порты Германии, на автодороге Калининград – Эльблонг, соглашении о строительстве которой было подписано польской стороной накануне визита, остановился и на принятом решении по результатам рассмотрения и обсуждения карты «Энергоснабжение» строительства ускоренными темпами калининградской ТЭЦ-2 для обеспечения энергобезопасности региона.

Останавливаясь на законе «Об Особой экономической зоне в Калининградской области», президент сообщил о телефонном разговоре с премьер-министром М. М. Касьяновым, во время обсуждения этого вопроса с губернатором В. Г. Егоровым, и обещании премьер-министра М. М. Касьянова принять этот закон уже осенью, с учётом просьб губернатора области.

Президент В. В. Путин отметил, что, рассматривая карты атласа «Культурное наследие», принял решение о праздновании 750-летия города Калининграда, которое не нужно замалчивать, а достойно праздновать на пользу региону. Прощаясь с калининградцами, Владимир Владимирович чётко и однозначно произнёс: «Будем развивать Калининград».

В изготовленном ФГУП «Балтийское АГП» атласе «Калининградская область. Рабочая карта Президента России В. В. Путина» ключевая задача представления в концентрированном виде комплексной информации о Калининградской области была реализована и способствовала принятию важнейших решений по выработке стратегии и конкретизации программ действий по вопросам развития региона. Атлас по праву занял центральное место в картографическом обеспечении Калининградской области как произведение, интегрирующее современную информацию и знания о местности, экономике, населении, природе, ресурсах, экологии и истории Калининградской области и конкретных путях решения проблем региона.

В своей книге «Записки командующего и губернатора» (вышла в свет уже после ухода из жизни) В. Г. Егоров пишет на с. 412:

27 июня 2003 года В. В. Путин прибыл в Калининград. В течение полутора часов я доложил ему обстановку в области, ход выполнения Федеральной целевой программы развития области до 2010 года, решение проблемных вопросов, по которым он дал поручения по телефону Председателю Правительства РФ. Я докладывал с использованием хорошего картографического материала, изготовленного в аэрогеодезическом предприятии под руководством М. С. Шевни. Карты были скомпонованы в альбом. В. В. Путину материал очень понравился, он сказал, что впервые видит такие информативные карты, и попросил сделать такой же альбом для его работы в Москве. У нас было изготовлено два альбома, один я передал Президенту. Карту с нанесенной обстановкой по портовым комплексам области он также взял с собой.

Обложка книги В. Г. Егорова
«Записки командующего
и губернатора»

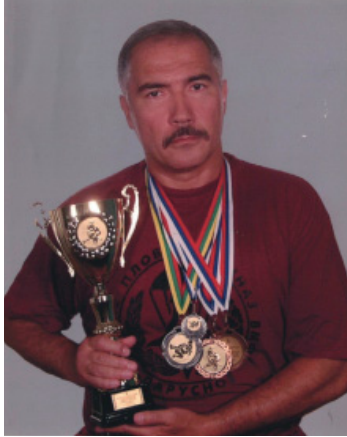
Впоследствии губернатор В. Г. Егоров неоднократно отмечал, что изготовленный ФГУП «Балтийское АГП» тематический атлас «Калининградская область. Рабочая карта Президента России В. В. Путина» к визиту в Калининград в июне 2003 года президента Российской Федерации В. В. Путина для обсуждения проблем области положил начало традиции: в настоящее время все, кто идёт на встречу с президентом Российской Федерации, приносят с собой альбомы своих регионов.

Продолжение в следующем номере

Берега Янтарного края

К 80-летию Калининградской области

Николай Жуков

Возвращение
на борцовский ковёр

Николай Викторович Жуков – родился в Донецке в 1957 году. Окончил среднюю школу № 21 Донецка, Донецкий техникум физической культуры и спорта с отличием. В 1976 году был призван на Краснознамённый Балтийский флот. Делегат 18-го съезда ВЛКСМ. Окончил Киевское высшее военно-морское политическое училище, Гуманитарную академию Вооружённых Сил РФ. Служил в морской пехоте, на боевых кораблях и в спецназе Балтийского флота. Решал задачи боевых служб, парашютист, офицер-водолаз спецназа, мастер боевых искусств, награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени. Уволился в звании капитана 2 ранга. Работает в МБОУ гимназии № 7 имени Константина Покровского города Балтийска, преподаватель-организатор ОБЖ высшей категории, обладатель гранта «Лучший учитель», победитель конкурса «Учитель года – 2022», лауреат, победитель, призёр и дипломант многих литературных конкурсов.

ДЕЛЕГАТ БАЛТИКИ

*Отрывок из воспоминания сорок лет спустя
Журнальный вариант*

9

Помня инструктаж главного комсомольца полка, я вышел из автобуса на остановке возле областного драматического театра. Оглядевшись на месте, путём опроса местных жителей, узнал, где находится обком комсомола. Здание довоенной постройки, слабо освещённый коридор, рекреация с деревянными стульями. К установленному времени прибыли уже все комсомольцы – представители городов и районов области, Балтийского флота и 11-й гвардейской армии.

К нам вышел секретарь областного комитета ВЛКСМ Александр Курков, он приветливо улыбнулся, пожал всем руки и порекомендовал прибыть в гостиницу «Калининград» для обустройства и подготовки к вечеру знакомства. Работники обкома выдали нам программки комсомольского сбора и так называемые карманные деньги. Гражданским делегатам повезло больше, они получили по сто рублей, мы, военные, довольствовались тридцатью.

Стол в главном зале гостиничного ресторана был накрыт по-праздничному. Кроме вкуснейших закусок, на столе стояли и всякие напитки. Прозвучали первые тосты. Сидевшие за столом делегаты повеселели, общение стало более свободным и раскованным. Всего в составе делегации нас было девятнадцать человек. Это были рабочие, колхозники, инженеры, учителя, учащиеся и военнослужащие. К сожалению, я уже не помню всех имён и фамилий. В моей памяти остались только некоторые из них. За столом сидели: руководитель делегации секретарь обкома комсомола Александр Петрович Курков, секретарь городского комитета ВЛКСМ Калининграда Владимир Иванович Крутиков, секретарь комитета ВЛКСМ Зеленоградска Владимир Владимирович Шегеда, лучший продавец области комсомолка из магазина «Силуэт» Люда Фёдорова, учитель средней школы № 6 из Балтийска Лариса Мясникова, моя симпатия Таня Донскова, военно-морской лётчик старший лейтенант Смирнов, сержант-танкист из полка 11-й гвардейской армии, студентка Калининградского университета Ирина, тракторист одного из калининградских колхозов, гвардии капитан – помощник начальника политуправления 11-й армии, ученица одной из калининградских школ. В памяти отложилось мнение неко-

торых специалистов о том, что наша небольшая делегация отличалась от других самыми симпатичными девчонками.

Курков посадил меня рядом с собой. Через несколько минут застолья я заметил, что армейский делегат сержант-танкист грустно ест, глядя на свою вилку и искоса поглядывая то на меня, то на своего капитана.

Повернувшись к Александру Петровичу, я посетовал на неравноправное положение делегатов, присутствующих за столом, и первый секретарь порекомендовал старшим представителям прекратить демонстрировать своё преимущество, все делегаты должны быть равны независимо от должностей и воинских званий! К счастью, моим куратором был военно-морской лётчик из Быхова, спокойный и рассудительный старший лейтенант Смирнов.

Заиграла музыка, солист местной ресторанной группы запел. Наибольшей популярностью в ходе вечера пользовалась песня из репертуара группы «Апрель» «Остановите музыку!». Мы весело танцевали быстрые танцы, знакомились с девчонками нашей делегации, приглашая их на медленные. На вечере было весело, как на празднике. Мы без проблем перезнакомились друг с другом, скованность и зажатость как рукой сняло.

Пробыли мы в Калининграде три дня. Совершили прекрасную автобусную экскурсию по городу и области, посетили могилу Канта, осмотрели развалины Кафедрального собора, бункер генерала Ляша, побывали на форте № 5, познакомились с экспозицией Музея янтаря. Нас встретил ещё старый Областной историко-художественный музей, который находился на улице Горького, посмотрели на Калининград с командного пункта 11-й армии, возложили гвоздики к памятнику 1200 гвардейцам, у мемориала павшим советским воинам в посёлке Русское, посетили музей янтарного комбината. Мне очень понравился Калининградский зоопарк с памятниками участникам его штурма. Мы встречались с известными людьми, ветеранами войны и труда, передовиками производства. В обкоме КПСС побеседовали с его первым секретарём, легендарным партийным руководителем Николаем Семёновичем Коноваловым. Седой импозантный мужчина внимательно выслушал рассказ Куркова, наши вопросы и отзывы о подготовке к съезду, рассказал о перспективах развития Калининградской области, посоветовал нам обязательно посетить в Москве некоторые достопримечательности. Вспомнил он и о гвардейских морских пехотинцах Балтийского флота. «Большое и хорошее дело осуществляют ребята, отлично справляются с боевыми задачами на берегу и в дальних морских походах! Побольше было бы таких полков!» – сказал он. Разговор был доверительным и добрым, и обстановка в кабинете царяла тёплая, с положительными впечатлениями мы вернулись в гостиницу.

Вечером вновь собрались на ужин за широким ресторанным столом, снова общались и танцевали. Сегодня мне кажется, что тогда солистом вокально-инструментального ансамбля, который выступал с ресторанной сцены, мог быть на тот момент ещё неизвестный для нас и для всей страны Олег Газманов.

Неожиданно к нашему столу подошёл один из официантов, сообщивший мне о том, что в фойе гостиницы меня ожидает какой-то капитан-лейтенант. Сначала я подумал, что это начальник военного патруля, заметивший моряка срочной службы через стекло гостиницы, но, выйдя за двери ресторана, я увидел корреспондента флотской газеты «Страж Балтики», который во время нашей экскурсии в Областном историко-художественном музее подходил ко мне и предлагал встретиться для взятия интервью. Мы поднялись в мой гостиничный номер и в течение целого часа провели интересную беседу. Газета с репортажем вышла перед самым нашим отъездом в Москву. Несколько экземпляров выпуска корреспондент принёс мне прямо к поезду.

Отъезд калининградской делегации в столицу был торжественным. Наш автобус от самой гостиницы «Калининград» до вокзала сопровождал целый кортеж автомобилей. Кроме комсомольских и партийных работников, нас провожали комсомольцы Калининградского университета и школьни-

*Гвардии матрос взвода разведки
Н. Жуков*

ки. Приятное впечатление произвело на нас приветствие пионеров из Черняховска. На вокзальном перроне ко мне подошёл сам начальник береговых и ракетных войск Балтийского флота полковник Ампилогов. Он пожал мою руку и пожелал счастливого пути и успехов в ходе работы съезда. В купе расселили по интересам, возрасту, профессии и с учетом гендерного принципа. Поездка была весёлой и не утомительной. В то время мы жили в великом и могучем Советском Союзе, тогда не было границ, таможен, утомляющих ночных проверок документов. Принимать пищу мы ходили в вагон-ресторан. Первый обед был очень весёлым, поднимали тосты за Родину, партию и комсомол. В купе продолжали общение. Кто-то читал, кто-то играл в карточного Кинга, кто-то смотрел в окно, а кто-то вёл беседы на самые различные темы. Просочилась и секретная информация о том, что нас в поездке самым серьёзным образом охраняют представители специальных служб. Но на протяжении всего пути мы их так и не заметили – профессионалы!

10

В столицу нашей Родины мы прибыли утром 22 апреля 1978 года, в день рождения Ленина. На Белорусском вокзале нас встречали хлебом-солью шефы Калининградской области, комсомольцы одного из московских научно-исследовательских институтов. Девушкам-делегатам они дарили букеты красных гвоздик, а нам вручали интересные сувениры (я до сих пор храню сувенир-парусник, изготовленный московскими умельцами). После передвижения по знаменитому перрону Белорусского вокзала под мелодию марша из одноимённого художественного фильма нас усадили в специальный автобус, который отправился в гостиницу «Россия». Там предстояло прожить до 29 апреля – конца работы молодёжного форума страны. Чтобы отметить заботу организаторов съезда о делегатах, хочу вспомнить о том, что, находясь ещё в Калининграде, мы уже знали номера своих комнат в гостинице. Для нас, делегатов, в «России» была развёрнута работа специальных магазинов, киосков и буфетов. Наш номер с сержантом-танкистом выходил окнами во двор гостиницы. Окна наших руководителей выходили на Москву-реку с замечательными московскими пейзажами. Ещё будучи в Калининграде, сержант-танкист пытался склонять меня к выпивке в номере, но после одного случая наши интересы по этому вопросу разошлись. Я мог себе позволить пообщаться со своими братьями-моряками или делегатами-земляками дончанами, но без его участия. Настойчивость коллеги, на мой взгляд, объяснялась излишним контролем со стороны его общевоинского капитана-комсомольца, который сопровождал своим всевидящим оком каждое движение вилки сержанта за столом. Мой куратор – военно-морской лётчик из Быхова отличался идеальным спокойствием и ко мне относился с доверием, и я в ответ на это ни разу его не подвёл. Расстались с гвардии старшим лейтенантом Смирновым мы по-дружески, соблюдая все уставные требования.

После размещения в гостинице мы отправились в Кремль на регистрацию и мандатную комиссию. Уже возле собора Василия Блаженного нас остановили милиционеры, проверявшие документы делегатов, вторая проверка ожидала в арке Спасской башни. В период работы съезда третья проверка документов проводилась и на входе во Дворец съездов, а четвёртая – при входе в сам зал заседаний. Но сегодня было 22 апреля – день рождения Ленина, и нам посчастливилось посетить кабинет вождя. Это историческое место всегда показывали только почётным гостям страны, как выяснилось, именно такими гостями стали и мы, делегаты Всесоюзного форума молодёжи. В Георгиевском зале мы прошли регистрацию и мандатную комиссию. Там каждому делегату был выдан дипломат с полным набором необходимых канцелярских товаров, полное собрание сочинений Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, парфюмерный набор, памятные ручные часы и настольная медаль. Также каждому делегату выдавалось по сто рублей на карманные расходы. Главным нашим документом с того момента стал мандат делегата 18-го съезда ВЛКСМ вместе с одноимённым значком, которые я храню до сих пор.

Времени на раскачку у меня не было, перед делегацией калининградских комсомольцев стояли задачи выполнения культурного плана. Мы были должны посетить ряд музеев, театров и концертных залов города Москвы. Несмотря на дефицит времени, я успел привести в порядок свою морпеховскую форму и выполнил свою первую задачу, посетив первого комиссара пехотной дивизии, сформированной в период Великой Отечественной в Омске зимой 1942 года, в которую на тот момент входил наш полк. Биография комиссара Василия Георгиевича Белугина была очень богатой. Будучи сотрудником российской Чрезвычайной комиссии, он встречался с Владимиром Ильичом Лениным, Феликсом

Эдмундовичем Дзержинским. Комиссар активно участвовал в гражданской войне, вместе с Котовским боролся с бандами Антонова на Тамбовщине. Зимой 1942 года солдаты-сибиряки прибыли в Сталинград и с честью выдержали свой первый фронтовой экзамен! Дивизия прошла славный боевой путь от стен Волжской твердыни до берлинского рейхстага. В настоящий момент легендарное соединение носит почётное наименование Рогачёвская и входит в состав Вооружённых сил Республики Беларусь. Её военнослужащие всегда внимательно смотрят военные парады из Москвы, и при прохождении по Красной площади балтийской морской пехоты они с гордостью говорят: «Наши идут!»

Руководители калининградской делегации знали о моём индивидуальном плане и помогли с вызовом служебной «Волги», которая доставила гвардии сержанта морской пехоты к станции метро «Лермонтовская». Во дворе военной комендатуры московского гарнизона находился пятиэтажный дом, в котором и проживал ветеран. Девчонки из нашей делегации отдали мне все свои гвоздики, подаренные им при встрече на Белорусском вокзале. Я быстро вычислил нужную квартиру. В дверях меня встретила дочь комиссара. Она позвала пожилого седого мужчину. Опираясь на трость, Василий Георгиевич подошёл ко мне. После приветствия я вручил ему букет алых гвоздик. Реакция ветерана была предсказуемой. Мой внезапный визит для первого комиссара стал неожиданностью, но, как мне показалось, весьма приятной. Мы выпили чая с печеньем и поговорили об учебно-боевых задачах нашего полка. Первый комиссар серьёзно болел, но разговор об однополчанах, как мне тогда показалось, стал для него тем бальзамом, который заставил забыть о своей хвори и помог вернуться в бурную и насыщенную интересными событиями молодость. Он рассказал о том, что продолжает работать с молодёжью, пионерами и школьниками Москвы и Московской области, посещает воинские части и военные училища. Простились мы почти по-родственному. Комиссар пожал мне руку и по-отечески обнял. Я пожелал ему крепкого морпеховского здоровья.

Уехать на спектакль в Театр кукол имени Образцова со всей делегацией я не успел. Со мной отстали от делегации ещё две девчонки, которые заезжали к родственникам. Мы вышли во двор гостиницы и взяли такси, и оно быстро домчало нас до знаменитого на весь мир здания. В зал мы вошли перед самым открытием занавеса. Представление было весёлым, его финалом стала свадьба главных героев, в то же время спектакль имел глубокий философский смысл, очень поучительный для молодёжи. В период антракта меня поразила высокая организация сотрудников театра. В холле нас встречали различные сказочные персонажи. Обслуживание зрителей в буфетах было настолько быстрым и чётким, что в нескольких очередях стояло не более чем по пять человек. Все успевали быстро купить кофе, бутерброды или что-либо другое, на своё усмотрение. После второго звонка столики были уже пустыми, а все зрители уже сидели на своих местах и ожидали продолжения представления. Зал был заполнен ещё до третьего звонка, опоздавших не было! После завершения спектакля сам Образцов попросил остаться делегации из Грузии и Калининградской области. Очевидно, все остальные участники съезда в этот день посещали другие московские театры. Трудно определить, кому из нас тогда повезло больше. Но многие завидовали тем, кому удалось посетить Большой театр или театр на Таганке. Позже мы узнали, что наши руководители побывали на Таганке, посмотрев спектакль по мотивам шекспировского «Гамлета». Они горячо обсуждали игру Владимира Высоцкого, исполнявшего роль принца Датского, при этом одетого в простой спортивный костюм и сланцы. С приветственным словом к нам обратился сам руководитель легендарного Театра кукол. От имени присутствовавших делегатов с короткой философской речью выступил представитель солнечной Грузии, профессор Тбилисского университета. Его витиеватое, мудрёное, как кавказский тост, выступление прозвучало красиво и тепло. Наши бурные и непродолжительные аплодисменты обозначили всеобщее согласие и поддержку.

23 апреля все делегации заторопились в Александровский сад, там выстраивалась колонна для посещения Мавзолея Владимира Ильича Ленина. Среди идущих в её рядах делегатов я увидел известных всей стране людей. Это были космонавты, актёры, выдающиеся спортсмены и ветераны Великой Отечественной войны. В Мавзолее я был уже не в первый раз, но это посещение вновь пробудило во мне самые яркие чувства, которые уже охватывали меня несколько лет назад, когда вместе с отцом и мамой мы впервые приезжали в Москву.

Каждый делегат имел в своём распоряжении справочники, в которых были указаны места проведения выставок, посвященных 18-му съезду ВЛКСМ, театры и концертные залы, кинотеатры, цирк, музеи, выставки, библиотеки и спортивные сооружения. Прежде чем принять участие в экскурсиях

по столице и её музеям, мы с моряками – делегатами от всех флотов собрались у арки Спасской башни. Несколько минут назад прозвучали куранты, и произошла смена почётного караула у Мавзолея. Стройные и подтянутые караульные, вместе с разводящим офицером, чётким ритуальным строевым шагом направились в караульное помещение. Они приближались к нам с максимальной скоростью. Вот тут-то и могла произойти опасная ситуация. Мы стояли стеной, ведь мы же флот! Они приближались, а мы и не собирались уступать дорогу! Позже каждый из нас понял, чем могло это закончиться, если бы не дежуривший возле входа в ворота милиционер. Он сразу сообразил, что свисток на нас особого впечатления не произведёт, и, выскочив из караульной полосатой будки, буквально сдвинул нашу группу с пути следования караула.

Переполняемые эмоциями, мы поспешили к нашим экскурсионным автобусам. В первую очередь мы посетили музей Ленина и экспозиционную выставку, посвящённую боевому пути комсомола. Наш туристический московский маршрут завершился на ВДНХ. Во время посещения павильонов выставки я пообщался с делегатами-североморцами, все они через несколько месяцев вместе со мной станут абитуриентами Киевского высшего военно-морского политического училища. Московские шефы Калининградской делегации сопровождали нас на протяжении всех походов и поездок, они были настоящими гостеприимными и добродушными хозяевами. Многие калининградцы обменялись с нами адресами и телефонами.

24 апреля все участники нашей делегации распределились по профессиональной принадлежности и направились в свои министерства и ведомства для встречи с их руководителями. Мы со старшим лейтенантом Смирновым и секретарём обкома ВЛКСМ Калининградской области Курковым прибыли в Главный штаб ВМФ. Первым перед делегатами выступил начальник Политического управления ВМФ адмирал Гришанов. Особое внимание он уделил шефству комсомола над флотом. Перед военным советом выступали матросы, мичманы и офицеры – делегаты съезда. Конкретные предложения высказал помощник начальника политотдела соединения атомных ракетных подводных лодок, одна из которых стала инициатором социалистического соревнования на военно-морском флоте. Много интересного высказал делегат, представлявший первый советский авианесущий корабль – тяжёлый крейсер «Киев». Перед нами выступили первые секретари региональных обкомов ВЛКСМ из Крыма, Челябинска, Приморского края, Мурманской и Калининградской областей. Они вручали памятные сувениры главному ВМФ СССР адмиралу флота Советского Союза Сергею Георгиевичу Горшкову. В ответном слове он отметил возможность подготовки комсомольцев к военной службе на флоте в системе ДОСААФ и направление их служить по комсомольским путёвкам на конкретные корабли и воинские части. За работу с молодёжью он поблагодарил присутствовавших на приёме секретарей областных комсомольских организаций. Во время выступлений прозвучали предложения продолжить называть новостроящиеся боевые корабли комсомольскими именами. Курков предложил дать имя новому боевому кораблю для Балтийского флота – «Калининградский комсомолец». После приёма нам посчастливилось встретиться с моряками – ветеранами Великой Отечественной войны. Мы сфотографировались вместе с Героем Советского Союза вице-адмиралом Алексеевым. Позже репортаж о мероприятии был опубликован вместе с фотографиями в журнале «Морской сборник».

В праздничном тираже «Комсомольской правды», который вышел в этот день специально для делегатов съезда, мы нашли небольшую усечённую заметку с моим небольшим фотопортретом и текстом, сделанным журналистом Ильёй Гричером. Я немного расстроился, ведь ожидал чего-то более значимого. Успокаивало то, что моя фотография была рядом с фотографией олимпийского чемпиона по дзюдо Владимира Невзорова из Майкопа, который тоже стал делегатом.

После ужина в ресторане гостиницы «Россия» все мы отправились в Лужники в Ледовый дворец на спортивный праздник, посвящённый съезду.

На момент нашего прибытия уже прошли показательные выступления воинов воздушно-десантных войск. Как подтверждение их боевых умений, в проходах были выставлены тележки с разбитыми красными кирпичами. Девушки из нашей делегации весело спрашивали у меня о том, смогу ли я сделать то же самое. Честно говоря, на тот момент я сделать этого ещё не мог. Нас этому не учили, но через полтора месяца, для того чтобы не уронить честь морской пехоты, я крушил кирпичи в учебном лагере Киевского высшего военно-морского политического училища в Лютеже. Я научился разбивать их сам и научил этому нехитрому делу участников детского военно-патриотического лагеря

«Альбатрос». На возросший бой кирпича тогда бурно отреагировали руководители стройки, которая проходила на территории нашего лагеря. Они обратились с жалобой непосредственно к начальнику училища. Начальники лагерного сбора дипломатично меня поправили. В результате пришлось исключить этот элемент из программы подготовки юных моряков.

Во время ледового праздника мы увидели много интересного, связанного с зимними видами спорта. Особенно мне понравилась шахматная партия Анатолия Карпова и юного шахматиста, чемпиона Москвы. В роли шахматных фигур были юные фигуристы, а участники матча перемещали королей, ферзей и коней с места на место, деликатно держа их за руку. По-моему, эта встреча закончилась ничьей. Победила дружба!

Солнечным утром 25 апреля всей делегацией мы двинулись в Кремлёвский Дворец съездов. Ко мне быстрым шагом подошёл наш калининградский делегат от Зеленоградска Владимир Шегада. Он протянул только что вышедший экземпляр «Комсомольской правды» от 25 апреля 1978 года, в котором была напечатана лаконичная, но очень интересная заметка под названием «Делегат Балтики». Она была исполнена вместе с моей фотографией. На фото я поднимался в атаку на фоне десантной высадки на песчаный балтийский берег подразделений морской пехоты. Моему ликованию не было предела, и переживаниям по поводу выхода заметки тоже пришёл конец. Сбылось! И произошло это в день открытия съезда!

Вечером этого апрельского дня мой отец после трудной шахтёрской смены поднялся на-гора. В раздевалке к папе подошёл знакомый горняк из его бригады по имени Саша, он с весёлой чумазой улыбкой спросил: «У тебя сын Николай? Он служит в морской пехоте? На Балтийском флоте?»

«А ты откуда знаешь?» – вопросом на вопрос ответил папа. «Это он?» – спросил Александр, протягивая ему измятую «Комсомолку», в которую он, очевидно, заворачивал свой шахтёрский тормозок (скромный обед).

Несмотря на то что к вечеру все газеты в киосках «Союзпечати» Донецка всегда распродавались, отец ринулся на поиски. И только «за тридевять земель», на привокзальной площади, в одном из киосков он нашёл последнюю ещё не проданную газету. Сначала папа принёс заветный экземпляр домой и показал газету родным и соседям. А уже на следующий день поехал в гости к дедушке Алексею Петровичу и бабушке Лидии Николаевне, обрадовать стариков. Дед-ветеран прочёл заметку сдержанно, но слёз сдержать не смог, поддержала его в этом и бабушка.

11

Пройдя три проверки документов, мы вошли в легендарный Дворец съездов. Глаза разбегались, вокруг было много известных на всю страну людей. Девушка из нашей делегации Таня Донскова подошла ко мне и попросила поддержать её дипломат. Я остановился у входа в свой сектор. Неожиданно ко мне подошёл журналист и спросил: «Ты хочешь, чтобы тебя увидели на страницах журнала “Советский воин”?» – «Конечно, хочу!» – радостно воскликнул я, вспоминая приказ командира полка. В другом конце зала на одном из диванов уже сидели военнослужащие с разным цветом погон из разных родов войск. Среди них был десантник из дивизии ВДВ, дислоцированной в городе Чирчик, что в Узбекистане, старший матрос с Новой Земли, мичман с атомной ракетной подводной лодки с Камчатки, курсанты военных училищ. На делегатских часах время показывало 09.50, прозвучал первый звонок, но корреспондент и не собирался нас отпускать. А когда время вышло, он посетовал на его нехватку и отпустил нас всех в зал, обещая собрать вновь.

Я устремился к входным дверям. Но не тут-то было! Возле входа в сектор стояла заплаканная Таня, которая потеряла всякую надежду, пытаясь в чём-то убедить двух импозантных молодых людей в гражданских модельных костюмах. Увидев меня, она с горечью сказала, что её мандат лежит в её дипломате, который находится у меня в руках. Не подкупила сотрудников КГБ и моя морпеховская форма, и в зал нас сразу не пустили, а ведь это могло стать для нас чрезвычайным происшествием, ведь наши кресла оставались пустыми! Но слёзы Тани всё-таки сыграли свою роль, и охранники, после коротких переговоров между собой, разрешили нам войти в маленький тоннель, из которого мы могли подняться в сам зал. Но делать этого до окончания отчётного доклада они нам с Таней строго-настрого запретили. Пришлось слушать отчётный доклад первого секретаря ЦК ВЛКСМ, стоя на ступенях, за входной дверью, то и дело успокаивая Танюшу и вытирая своим белым носовым платком её горькие слёзы.

Делегация Калининградской области в Кремле

В перерыве мы прошли на свои места, как оказалось, нашу делегацию уже сфотографировали. Кстати, у каждого из нас был график фотографирования делегаций на съезде. Я успокаивал свою подругу по несчастью, сетуя на то, что случилось, но говоря и о том, что будет о чём вспомнить в старости. Курков выслушал мои объяснения и предостерёг нас от последствий будущих встреч с безответственными журналистами. Сухопутный капитан-комсомолец из 11-й армии попытался воспитывать меня, но я предложил ему заняться этим процессом со своим сержантом-танкистом.

Совсем рядом с нами через перегородку размещались кресла делегации Дагестана. Наши девочки заметили пришедшего к своим землякам Расула Гамзатова. Их подведённые глаза засветились от радости, но добраться до легендарного поэта мешал барьер, который перепрыгнуть мог только я. Если честно, то особого желания мешать этой встрече у меня не было, но наши красавицы сыграли на том, что я морской пехотинец. Пришлось перемахнуть через препятствие. Гамзатов посмотрел на меня без особой радости, но перед моей просьбой дать автограф не устоял.

12

В адрес 18-го съезда ВЛКСМ поступали многочисленные приветствия от комсомольских организаций, комсомольско-молодёжных коллективов всесоюзных ударныхстроек, молодых рабочих и колхозников, воинов Советской армии и Военно-морского флота, пионеров и школьников, от партийных и профсоюзных органов, министерств и ведомств, ветеранов партии и комсомола, героев труда и войны, деятелей науки, литературы и искусства, от трудящихся нашей Родины, рапорты комсомольских и пионерских организаций. Президиум 18-го съезда счёл необходимым информировать об этом нас, делегатов. Для этого была выпущена брошюра, которая входила в набор нашего портфеля-дипломата. Нашему вниманию был представлен проект состава руководящих органов съезда, порядка дня и регламент его работы. Мы могли ознакомиться с предполагаемым составом мандатной комиссии, секретариата и президиума. Ещё одна брошюра содержала список зарубежных гостей, прибывших на 18-й съезд Всесоюзного Ленинского коммунистического союза молодёжи. Каждый делегат имел полное право самостоятельно записаться для участия в прениях и вносить свои предложения, связанные с работой съезда. Для этой цели в каждом делегатском наборе были специальные записки, для написания вышеперечисленного. Интересная информация была и в самой яркой брошюре «ВЛКСМ от съезда к съезду». В ней анализировалось участие комсомола в деле строительства коммунизма в СССР. Её эпиграфом были слова: «60 лет под знаменем Ленина, под руководством коммунистической партии». Ленинская цитата «Быть членами Союза молодёжи – значит вести дело так, чтобы отдавать свою работу, свои силы на общее дело... только в такой работе превращается молодой человек или девушка в настоящего коммуниста» перекликалась с высказыванием Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева: «Продолжая славные традиции своих дедов и отцов, комсомольцы, девушки и юноши идут в первых рядах строителей коммунизма, мужают в труде, учатся управлять хозяйством, руководить делами общества и государства, в их руках – будущее страны. И мы уверены – это надёжные руки». Этапами великого пути комсомола стали годы гражданской войны, первые пятилетки, Великая Отечественная война, послевоенные годы, пятидесятые и шестидесятые годы, годы семидесятые стали показателем возрастающей роли ВЛКСМ как организатора молодёжи, активного помощника и резерва партии на всех участках коммунистического строительства. На знамени комсомола гордо сияют его награды: ордена Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, три ордена Ленина и орден Октябрьской Революции.

Год работы 18-го съезда явился третьим ударным годом десятой пятилетки, годом 60-летия Вооружённых сил, годом 11-го Всемирного фестиваля молодёжи и студентов в Гаване, годом 60-летия ВЛКСМ. К началу работы съезда в составе комсомола состояло уже 37 049 112 комсомольцев. Они

были представлены всеми категориями советской молодёжи: рабочими, колхозниками, служащими и учащимися.

В прениях по отчётному докладу выступали многие делегаты, председатели мандатной и ревизионной комиссий, секретарь комсомольской организации города Москвы. Несмотря на то что в настоящее время имя Леонида Ильича Брежнева звучит в ироничных тонах, на тот момент нам так не показалось. Генсек вышел к трибуне бодрым молодежавым шагом, выступал ясно и высказывал много правильных и нужных мыслей, которые, на мой взгляд, актуальны и в настоящее время! Главная задача, которую поставил перед комсомолом Леонид Ильич, состояла в борьбе за эффективность и качество. Она должна была стать программой воспитания на многие годы. Это означало работать на совесть, результат и эффективность, организовывать труд на каждом участке, бережливо относиться к социалистической собственности, создавать такую морально-психологическую атмосферу, чтобы положение лодырей и прогульщиков было нетерпимым. Он пообещал строго спрашивать с хозяйственных руководителей, но самым главным должна была стать заинтересованность каждого комсомольца. А для этого нужна творческая инициатива. Особое внимание он обратил на комсомольские стройки в Восточной Сибири и Тюменской области. Их территория равна территориям Великобритании и Франции вместе взятых. Тюменскими запасами нефти нашей стране придётся жить очень долгие годы. Брежнев указал, что скоро наступит новый, более сложный этап развития Западной Сибири. Это именно те участки, куда необходимо было направить основные силы комсомола. Главным компасом молодёжи должно было стать марксистско-ленинское учение. Большое внимание он уделил нравственному воспитанию. По его мнению, важным участком воспитания должна была стать борьба с духовной скудностью, пьянством и хулиганством. А центральным направлением – повышение культурного и жизненного уровня людей. Он отметил, что материальное богатство не должно стать самой целью, главное – обогащение внутреннего мира человека и нетерпимость к проявлению формализма. Особое внимание Леонид Ильич обратил на Вооружённые силы, где молодёжь проходит большую закалку. Там она не только усваивает дисциплину, но и проявляет настоящий героизм. Во время поездки по Сибири и Дальнему Востоку он обратил внимание, как охранялась наша граница. Генсек высказал своё мнение о том, что дело её защиты находилось в надёжных руках! Молодые люди, охраняющие мир и покой, имеют всё необходимое для того, чтобы выполнять свою замечательную миссию. Обеспечить мир на Земле – один из важнейших принципов нашей страны. Разрядка – это не лозунг, главная задача – добиться ликвидации военной опасности, уменьшения угрозы ядерной войны. Для этого необходимо сдерживать гонку вооружений, бороться за соглашение о запрещении испытаний ядерного оружия. Генеральный секретарь заверил, что СССР приложит все силы в борьбе против создания самого антигуманного оружия – нейтронной бомбы. Европа должна стать континентом мира и сотрудничества. И ни одно государство не сделало в этом вопросе больше, чем наша страна. И если кто-нибудь думает, что Советский Союз изменит свой курс под воздействием различных доктрин – глубоко ошибаются! Наше будущее – счастье свободного труда на мирной планете! Это выступление я набросал тезисами, но, согласитесь, сколько актуальных на настоящий момент проблем и задач он высказал! Тех задач, которые тогда успешно решал комсомол!

Каждый перерыв между заседаниями был для нас маленьким праздником! На всех этажах Дворца съездов выступали вокально-инструментальные ансамбли, такие как «Самоцветы», «Пламя» и «Песняры». После длительного многолетнего отсутствия на телевизионном экране, именно на 18-м съезде ВЛКСМ, я снова увидел легендарного ведущего КВН и многих других телевизионных программ Александра Маслякова, который, кстати, в день завершения работы съезда предложил мне поучаствовать в съёмках репортажа для программы «Новости». Само общение с делегатами было интереснейшим занятием. Я встречался с моряками и братьями – морскими пехотинцами с Балтийского, Северного, Тихоокеанского и Черноморского флота. Мы обменивались значками и адресами. Ко мне, как к какой-то «звезде», постоянно подходили простые делегаты, ребята и девчонки, с просьбой оставить для них свой автограф. Некоторые из этих встреч были зафиксированы средствами массовой информации. На протяжении длительного времени я не переставал узнавать себя на фотографиях в журналах «Советский воин», «Морской сборник», «Знаменосец», фотоальбомах, посвящённых Военно-морскому флоту и Балтийскому флоту, в «Ежегодниках», в газете «Красная звезда» и, конечно, в родной флотской газете «Страж Балтики». Там были зафиксированы эпизоды общения с девочкой – делегатом от комсомольской организации Башкирии, моряками и морскими пехотинцами с Чёрного

моря, Севера и Тихого океана. Мне оставляли свои автографы лётчики-космонавты, такие как дважды Герои Советского Союза Леонов, Шаталов и Береговой, олимпийские чемпионы по гимнастике Николай Андрианов, художественной гимнастике Ирина Дерюгина и Галима Шугурова, по вольной борьбе Леван Тедешвили, ветеран Великой Отечественной войны трижды Герой Советского Союза маршал авиации Покрышкин. Встреч с интересными людьми было гораздо больше, чем вспомнил я сейчас. Это были самые яркие и памятные впечатления. Хочу сказать, что вокруг нас царила незабываемая атмосфера, которую я сохраняю в памяти всю свою жизнь.

За время работы форума я неплохо изучил Кремль и Дворец съездов, обошёл все исторические и архитектурные памятники, посетил все доступные залы и палаты. Отдельным штрихом хочу отметить организацию питания делегатов в обеденных перерывах. Прямо во дворце во многих залах стояли столы, накрытые самыми разнообразными блюдами. Именно здесь мне удалось сравнить вкус красной и чёрной икры. Каждый делегат принимал пищу и только после этого подходил к буфетчице для расчёта. Все честно говорили ей о тех блюдах, которые съедали. Случаев обмана зафиксировано не было! Со съезда я мог бесплатно отправить посылки своим родным в Донецк. Помню, что в 1978 году в нашей стране были проблемы с шоколадом, и мне посчастливилось отправить посылки со сладостями домой. Я обеспечил своих друзей и сослуживцев, уважаемых мною офицеров части флота мастерами, которые на тот период были серьёзным дефицитом.

Опозданий с моей стороны в зал заседаний Кремлёвского Дворца больше не наблюдалось. Элегантные охранники каждый раз с юмором отмечали мою точность, сравнивая её с американской. Тот самый журналист «Советского воина», который очень подвёл нас в самом начале работы съезда, наверно, решил реабилитироваться. Во время одного из перерывов он собрал группу военнослужащих у входа во Дворец для фотографирования. Мы должны были идти группой рядом друг с другом и в непринуждённой обстановке вести беседу. Среди нас был моряк с ТАКР «Киев» Коля Баринов, курсант Ленинградского общевойскового командного училища имени С. М. Кирова, курсант Ленинградской военно-медицинской академии, ребята – представители воинских частей и соединений Вооружённых сил. Я шёл вторым с правого края, но так случилось, что разговор со мной заинтересовал окружающих военных. После фотографирования курсант общевойскового училища подарил мне на память интересную книгу о янтаре.

После разговора с Александром Масляковым о съёмках я старательно подготовил речь, с которой успешно выступил на камеру для программы «Новости». Всё это покажут 1 мая по Всесоюзному телевидению. К сожалению, в этот момент, после возвращения из поездки, я отдыхал, и прибежавшие в расположение ребята успели только сообщить мне о показе, но посмотреть эпизод мне самому так и не довелось! А в это время в Донецке папа тоже прилёг отдохнуть возле телевизора, устав после шахтёрской смены. Проснулся он от громкого стука в окно, быстро вскочив, он увидел радостное лицо нашего соседа дяди Толи Блинова, который жестами показывал на телевизионный экран. Когда отец включил телеприёмник, программа «Новости» уже заканчивалась, ему пришлось ограничиться рассказом соседа. Но наш репортаж посмотрели дедушка Алексей Петрович и бабушка Лидия Николаевна. Бабушка обнимала телевизор и целовала экран. Посмотрели его и в Балтийске, и в Калининграде, и в посёлке Мечниково. Зрителями стали мои друзья-сослуживцы, и недруги, и командиры, и начальники различных рангов.

Трогательным было наше прощание со столицей. Белорусский вокзал предоставил в наше распоряжение калининградский поезд «Янтарь». Проводить нашу делегацию прибыли шефы из московского научно-исследовательского института. Простились мы и с Таней Донсковой, она оставалась в Москве у своей мамы, я кричал ей из окна какие-то тёплые слова, махал снятым с плеч форменным воротником, помню, что она плакала...

Больше мы никогда не встречались, но в моей памяти осталась красивая и очень добрая девушка, которая была ещё и очень хорошим и приветливым человеком, с которым меня познакомил съезд комсомола.

Был солнечный первомайский день. Встречали делегатов в Калининграде по-разному, кого руководители, кого родные и близкие. Меня приехал встретить на автомобиле командира полка помощник начальника политотдела по комсомольской работе гвардии старший лейтенант Мелешин. Встреча прошла тепло и не наигранно. В Балтийске в штабе полка меня ожидал сам начальник политотдела гвардии майор Абрамов. Он с интересом расспрашивал о съезде, ориентировал на то, что придётся

много ездить по воинским частям и кораблям с выступлениями. Я был готов ко всему. На радостях я сразу же подарил гвардии майору полное собрание произведений Л. И. Брежнева. Он такого подарка не ожидал и несказанно обрадовался. В Балтийске к командиру нашего полка гвардии подполковнику Соломеннику меня повезли прямо домой на улицу Невского. Тогда мобильных телефонов не было, и встретил меня командир по-домашнему. Его жена накрыла столик, а он достал бутылку «Столичной». Первым был тост за успешное завершение мероприятия, вторым тостом он поблагодарил меня за строгое и точное выполнение его приказа. Дело в том, что я попал на страницы не только флотской, но и всесоюзной печати, меня уже сняли для программы «Новости», где я, на мой взгляд, достойно представил родной полк и всю морскую пехоту Советского Союза. После короткого застолья он отдал приказание Мелешину о предоставлении мне времени для отдыха. Приехав в батальон, я лёг спать и проспал до вечера, прозевав телепрограмму с моим участием.

Потом были поездки к береговым ракетчикам в посёлок Донское, пограничникам на Балтийскую косу, на корабли в Военную гавань, к комсомольцам Светловского судоремонтного завода, к морякам минно-торпедного арсенала. Параллельно мне разрешили после отбоя готовиться к вступительным экзаменам в училище. Выступая перед моряками бригады ракетных кораблей в Базовом матросском клубе Военной гавани, я познакомился с курсантами-стажёрами, выпускниками Киевского высшего военно-морского политического училища, которые рассказали мне о многих полезных для поступления и учёбы вещах.

В училище меня провожали всем батальоном. Дежурным по части был, на моё счастье, сам командир взвода разведки гвардии старший лейтенант Горенко. После вечерней проверки он перестроил подразделения так, чтобы я смог проститься со всеми бойцами индивидуально, с кем рукопожатием, а с кем и обняться на прощание. Разведчики проводили меня до остановки, загрузив мой нехитрый скарб в маршрутный автобус. Они долго махали мне вслед, пока автобус не скрылся за первым поворотом. С некоторыми из своих сослуживцев мне довелось встретиться в будущем при различных ситуациях, остальных я больше не встречал, даже используя для их поиска возможности сетей Интернета.

В училищном лагере перед первым, самым главным экзаменом в моей жизни нас построили в две шеренги. Начальник лагерного сбора объявил порядок сдачи экзамена. Я стоял в первой шеренге, когда проходивший вдоль строя замполит случайно увидел на моей груди делегатский значок. Он с удивлением спросил: «Ты тоже делегат?!» – и после утвердительного ответа бросился бегом к учебному корпусу. В помещение для экзаменов я вошёл чётким строевым шагом, выбивая со штатных мест планки паркета. Мой доклад был громким и по-гвардейски чётким. За столом сидели те же преподаватели, что и два года назад, но на этот раз они приветливо улыбались и хвалили меня за знания и строевую выправку. Я ответил на экзаменационные вопросы достойно. Мои будущие друзья потом жаловались, что весь этот гром очень мешал их подготовке к выступлениям. Капитан 2 ранга Быков, принимавший экзамен, останавливал меня, предлагая перейти к очередному вопросу. Офицеры-экзаменаторы пожали мне руку и пожелали быстрее отправить телеграмму родителям об успешном поступлении в училище. Но радоваться было ещё рано. На медицинской комиссии у меня на ноге был обнаружен грибок, который я получил в Москве в гостинице «Россия» почти перед отъездом в училище. Подполковник медицинской службы порекомендовал мне срочно заняться его лечением. Для этого я снял свои сапоги и ходил по лагерю в тапочках, а по утрам босиком по росе, использовал различные мази и лекарства. Мои труды не прошли даром, я излечился. Хотя из-за этой нелепой болезни мог бы распрощаться со своей давней мечтой. Во время последней встречи с руководителем медицинской комиссии я доложил о результатах лечения, а он удостоверился в действительности сказанного. Подстраховал меня на этот раз и командир моего учебного взвода капитан-лейтенант Барабаш, сообщив по секрету медику о том, что я делегат комсомольского съезда.

18-й съезд ВЛКСМ продолжал работать и в период моей учёбы, выручая в некоторых жизненных обстоятельствах и на предметных экзаменах. Помогал он и на ниве комсомольской и партийной работы, и во время офицерской службы в частях и на кораблях Балтийского флота, куда я целенаправленно вернулся после окончания училища. Он оказывает мне помощь и сейчас, через сорок лет после своего окончания. Комсомол научил меня идти по жизни, не просто подчиняться воле волн, а обязательно к чему-то стремясь и чего-то добиваясь. И от этого она становится ещё более насыщенной и интересной. И какие бы трудности на моём пути ни встречались, моя жизненная мечта всегда остаётся моим компасом, а биография – результатом её реализации, за который мне ни перед кем не стыдно!

Берега Года единения народов

Светлана Глембоцкая

Поэт. Прозаик. Переводчик. Член Гродненского литературного объединения «Надежда».

Финалист и дипломант многих литературных конкурсов и фестивалей областного, республиканского и международного уровня. Произведения напечатаны в 30 коллективных сборниках и альманахах, а также в российских и белорусских журналах: «Источник» (Вологда), «Берега» (Калининград), «Вологодский ЛАД» (Вологда), «Веснік адукацыі. Гродзенскі рэгіён» (Гродно), «Здоровье пенсионера» (Минск), «Западная Двина» (Минск), «1000 советов» (Минск) и прочих периодических изданиях. Автор детской книги «Редкие животные. Красная книга» (Гродно, 1995) и книги «Имя гордое нам – белорусы!» (Кобрин, 2025).

Занимается переводами. Участник Международного проекта «Берега дружбы» им. Л. Ю. Севера.

На стихи поэта написано несколько песен композиторами и музыкантами Артуром Булатовым (Уфа), Францем Юревичем (Гродно) и Виталием Судыным (Минск).

В ЦЕНТРЕ ЕВРОПЫ – МИРНЫЕ ЛИРЫ

«Мы, белорусы, мирные люди...» –
В этих словах отразилась душа.
И в Конституции, главном Статуте,
Эти слова продолжают дышать!

Мы «помярковны¹»! Чудное слово
Радугой чувств согревает своей.
Добросердечность – это основа:
Сердцем сплотить непохожих людей!

Смысл сокровенный, чаянье мира
В нашей стране воплотились сполна.
В центре Европы – мирные лиры,
Чтоб никогда не воскресла война!

Давайте вспомним корни наши.
Как дух славянский крепок был!
Кто под чужую дудку пляшет,
Могилы прадедов забыл.

Что сердцу дорого и свято:
Язык, культура, общий путь...
Душа поёт и не распята.
Душа жива! И в этом суть.

Мы – общность гордая – славяне.
Давайте, братья, в мире жить!
Потомкам нашим, в завещанье,
Клянёмся дух свой сохранить!

ЗА СЛАВЯНСКОЕ БРАТСТВО!

Мы – общность гордая – славяне.
Давайте, братья, в мире жить!
А сила – в правде. И в признание –
Нам любо, по сердцу – дружить.

Сильны мы, коль в единой вере
Хоругви светлые несём.
Пора разрушить все барьеры.
Свет добротой своей спасём!

РОССИЮ СЕРДЦЕМ ВОСПЕВАТЬ!

Несутся кони голубые,
Летят стремительно века.
Безбрежные поля России
Раскинулись в цветных шелках.

Молчанье гор и буйство моря,
Степей дыханье, тундры стон...
Поёт душа, природе вторя.
Ликует колокольный звон!

¹ Памяркоўнасць – умеренность, рассудительность, сговорчивость, покладистость, доброжелательность (белорус.).

Тайга, не знающая края,
Несёт веков седых печать.
Свободой дышат эти дали.
И любо сердцу воспевать

Берёзку в скромном сарафане,
Рябинку в огненном платке.
Травинку каждую ласкаю.
Рушник любви в моей руке.

Перо писателя остро,
Пусть милосердна Лира.
Идёт в кулачный бой добро:
Так будет справедливо.

«Эмоция плюс мысль» творят,
Творят благое дело!
Мир на Земле да в семьях лад –
Так слово повелело.

ОТ ИСТОРИИ СВОЕЙ НЕ ОТРЕКАЙСЯ!

Не одноклеточные мы!
Чтоб счастье стало явью,
Ты сердцем и умом прими
Сей мир многополярный.

И от истории своей –
Се грех – не отрекайся!
Иные земли, глянть, сытней.
Увы, не обольщайся.

Есть на планете уголок...
Милее нет и краше.
Рука поднимет колосок –
С земли, земельки нашей!

ДВА ЯЗЫКА. ОДНА ДУША!

Имеют статус официальных
Два в Беларуси языка.
Певучий мелодичный –
Белорусский.
Великий и могучий –
Русский.
Я – настоящий гражданин,
Пока
Чту, уважаю силу
Языка!

БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК

Как древнерусский бог Перун –
Язык, оживший в слове.
Он – громовежнец. Он – колдун.
Он – нации основа.

Язык – этнокультурный код
И зеркало культуры.
Код нации! Он – кислород
Томов литературы.

ОБЕРЕГ

Как же бумагу ту нежную –
Стих, как полозьями, – снег...
Чувствам хватает безбрежности?
Сердцу достаточно? Нет!

Нет. Слезы схватит морозами.
Кони сорвутся – и в бег!
Нет, мы пресыщены прозой.
Рифма для нас – оберег.

Гневно. Светло. Иль отчаянно.
Словно корпускулой – свет,
Слово прибудет нечаянно,
Миру неся свой завет.

Резкое. Светлое. Русское.
Жаркой рябиной рябит.
Сладкое – горьким закусывать
Можем. И нам не претит.

Стылость заснеженной рощицы
Режет корпускулой свет.
Смелым стремительным росчерком –
Зимней натуры портрет.

Вспыхнет душа вместе с инеем –
Всюду царит чистота!
Грусть отойдёт молча иноком.
Удаль! Простор! Маета!

Мы по-особому счастливы.
Ель из сугроба, как крест.
Вечною звонкою гласною
Глас раздавайся окрест!

Маски с сердец нынче сорваны.
Тройка ускорила бег.
Зря строят козни нам вороны.
Слово – святой оберег!

* * *

Синицы тенькают, курлычут журавли...
Зри: всяк щебечет на своём наречье.
Разнообразна трелей бесконечность.
Какой гармонией прекрасна песнь Земли!

Мы, строя Вавилон, Глагол сберечь смогли?
Языки множа... губим их беспечно.
И сотрясают крики наши Вечность.
Увы, симфонию любви – не сберегли.

Столпотворение. Сшибает с ног. Увы...
Иных – иные – разве слышим речи?
Когда заговорим по-человечьи,
Поднявшись над безумием толпы?

* * *

Я пришла со своей «непоэзией».
Площадной.
Силой-правдой. По краешку лезвия –
Не впервой.

«Зазвездить» – то удел местных гениев
(Далека).
Потом-кровью! И горьким сомнением.
Плачь, строка!

Интернет. И порталы... «Загуглены»
Факты дня.
Как случилось, что совесть обуглена
У меня?

Перегрев... Глобус тяжело, но вертится.
А потом?
На Ковчег (не иначе) надеяться,
Коль потоп?

Вновь потоп? А всего-то слезиночка –
В шар земной...
Я спешу. А Земля – сиротиночкой
Предо мной.

* * *

Вот такую маюсь морокою:
Не забыть глаза с поволокою.
Ох и в славном граде Вóлогде
Волокли ко столу меня вóлоком.

Угощали меня морóшкой.
Её запах я мяла ладошкой...
Ох ты, славный град Вологда!
Ох и хóрошо байки окаешь.

Байки окаешь да в припляс идёшь.
Гармонист в полёт, да и ты поёшь.
Взгляд мой с вызовом. Подбоченилась.
Сапогом дробь бью. Зря круч́инилась.
Ох ты, Вологда – раскрасавица!
Тьма веков пред тобой расступается.
Чернь по сéребру растекается.
А душа моя с песней знается!

Берега памяти

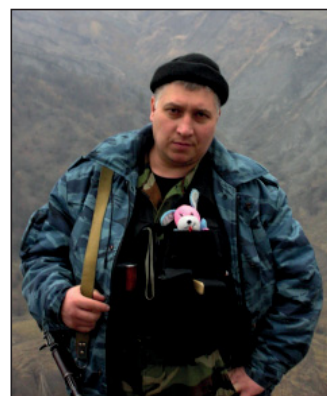
Иван Привалов

Светлая вечная память Привалову Ивану Ивановичу, писателю, кавалеру орденом Мужества, участнику СВО, пропавшему без вести 9 октября 2025 года.

По суду 7 июля 2026 года признан убитым.

Вниманию читателей предоставляем последний рассказ писателя Ивана Привалова

Привалов Иван Иванович – член Союза писателей Луганской Народной Республики. Автор повестей и сборников рассказов о жителях Калининградской области: «Следы на песке», «Самый западный день», «Хроника опалённых вёрст», «Неизвестный капитан», «Тоннель под Преголей», «Звёзды, рождённые горами» и др. Выполнял служебно-боевые задачи по восстановлению конституционного порядка и разоружению незаконных вооружённых формирований на территории Северного Кавказа. Награждён орденом Мужества, медалью «За отвагу», медалями ордена «За заслуги перед Отечеством». Лауреат Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (2018), г. Калининград.

НА ПРЕДЕЛЕ

Рассказ

Впереди боевая задача. Поднос сегодня не пришёл. Что там произошло по дороге или в пути, неважно. Важно то, что сегодня одна банка тушёнки на двоих. Двести пятьдесят граммов плюс сухарики-запарики. Сегодня. На десерт пол-литра воды и полвафельки. Сладкое.

Тушёнка закончилась сразу. Да и мяса-то там с гулькин нос. Жир. Желе. И то, что при разогреве превращается в мясную болтанку из разностей. Этих производителей бы сюда... Чтобы кушали свою болтанку. Да ладно. Есть, и это хорошо.

По телеку, конечно, здорово. Дроны летающие, дроны катающие. Доставка продуктов. Доставка боекомплекта. А до нас, как всегда, не доехали... Хотя какой-то школьник умыл целые институты, разрабатывающие технику для доставки на передок необходимого. Пожертвовал своим гироскутером и дома собрал... Без всякого. И глупый вопрос у всех: если пацан сделал дома, то что всё такое придумывает и делает Сколково и прочие за бюджетные деньги? Не лучше ли отдать эти деньги ребятам, которые могут и хотят. И делают... Но это, кажется, вечная тема: что делать и куда деваются деньги? Поэтому глобальные вопросы – это к начальникам. А пока ножками. Сейчас главное – выжить. Выжить, чтобы быть готовыми в любой момент выполнить поставленную боевую задачу.

Сейчас необходимо подготовиться к неожиданному прилёту мины или снаряда. Окопаться. Вгрызаться в землю как можно глубже. Это задача... А то, что поднос сегодня не пришёл и Цветок принёс еды чуть меньше, так то понятно. Всякое бывает. Главное, чтобы живы все были. А донесут потом – попируем...

Через неделю привыкаешь к разрывам, вылетам и прилётам. Жужжанию бабуль и дронов.

За неделю уже выкопали прилично. Углубились. Выкопали галерею и стали долбить ответвления направо и налево. Глина, спрессованная в камень, сопротивляется, крошится и закидывается в брезентовую сумку. Два человека долбят малыми сапёрными лопатками. Один выносит. Дикий, Николас, Вэл. Сантиметр за сантиметром. Сантиметр за сантиметром...

Вэл, откинув антидроновое покрывало, закрывающее вход, вытаскивает наверх землю и насыпает её среди травы, стараясь раскидать так, чтобы не было заметно сверху. Работа с раннего утра до самой темноты. От конца до начала ночи.

По-другому никак. Не сделаешь – ночью баба-яга с тепловизором прилетит, быстро срисует и пришлёт подарочек в виде противотанковой мины на голову.

Итог понятен... Так вот и летают, жужжат, гудят и выискивают... твари...

Обед – он тоже по очереди. Покушали наверху, на воздухе, покурили и копать. Копать. И копать...

Когда прилетает камик-камикадзе, слышно. В блинчике даже очень. Видимо, акустика...

Дикий уже откинул в сторону покрывало, чтобы оно Вэлу не мешало вытащить очередную порцию глины с песком.

– Воздух!

Да можно было и не кричать. Один раз услышишь этот звук-визг пикирующего дрона – никогда не забудешь, ни с чем ни спутаешь...

Жужжалка нарисовалась перед входом внезапно, словно свалилась сверху. Между веток и листьев. Просочилась. Пробилась. Прокралась.

Дикий бросился к стене. Поднял крышку от ящика со снарядами. Вэл перехватил её. Фактически вырвал из рук... Оттолкнул.

– Мужики! Прячьтесь!

Дикий нырнул в арку за Николасом. А когтистый, гудящий, смерть несущий дрон уже влетел. Замер на секунду, крутнул стеклянными глазами и, визгнув радостно, увидев добычу, полетел в глубь блиндажа. Вэл поднял крышку и вместе с ней прыгнул на дрон, прижимая его к земле...

Взрывом Вэла подбросило вверх. Николаса и Дикого вглубь. Вдавило.

Покрывало захлопнулось на входе. В блинчике плотный туман пыли, дыма и пороха... Тихо и темно... Три трёхсотых. Три раненых. Трое живых...

Ребята прибежали. Зажгутовали... Вытащили. На воздух. На солнце. К своим. К эваке. Бегом. На носилках. По полю. По тропинке. Эвака. По дороге. К машине. В госпиталь. Получилось!!!

Кто сказал, что сюда приехали за деньгами?! Кто сказал, что тут не так, как в Великую Отечественную?! Кто сказал, что здесь нет героев?! Да у русских это в крови, они с этим рождаются и умирают, не задумываясь: сам погибай, а товарища выручай.

Тут время такое, что все герои. Только кто-то больше, а кто-то ещё больше.

Вэл... Не испугавшийся и закрывший собой товарищей от дрона-камикадзе... Грудью – на дрон. Как раньше – на гранату... Герой, хоть и не принято тут так говорить. Просто молодец! И хочешь не хочешь, а так и летит с языка. Не скажешь по-другому. От сердца: Герой!

А он и не считает так – это же ребята! Братишки! Как по-другому?! Ни подумать, ни представить!

А ребята? Те, которые тащили на носилках его, теряющего кровь, через поле. Через открытку. Под разрывами снарядов и мин. От лежащих, раскинутых загодя, по тропинке, по полю лепестков, ананасов, тээмок, магнитных... Мин всех мастей, предназначенных убивать, убивать, убивать. На пределе сил... Уже отмахиваясь от летящих... Матом. Обычным русским матом... Вперемешку с молитвой... Бегут.

Это наши не тронут тех, кто забирает раненых. Это святое. Для нас. У фашистов нет ничего святого. Они не просто пытаются убить. Глумятся и издеваются. Лежит раненый. Повесят сверху дрон-наблюдатель. Глаз. И ждут, когда эвакуационная группа прибудет, чтобы вытащить. Охота на живца. Сафари. Грязно. Мерзко. Не по-Божески. А что делать?! Задача – спасти!!!

Задача – донести!!! Рэм. Гнус. Ювелир. Герои этой войны. Бегом с носилками. Сердце бьётся так, что и топота ног не слышно, не то что запевы дронов... С братишкой Вэлом, слабеющим с каждой минутой... Бегом! Бегом под автоматными очередями. С руками, занятыми носилками. С мыслями, занятыми – спасти... С Ювелиром, сбивающим подлетающие птички.

Бегом под-между разрывами мин польки. Бесшумного миномёта... Бегом... Между... От и до лесополки! Вон она! Рядом! Всего сто метров... И это не школьные сто метров под секундомер... Это сто метров за жизнь товарища... Где жизнь измеряется секундами... Главное успеть! Успели! Вэл успел закрыть собой ребят. Ребята успели пройти километр до эваки. Эвака оказала помощь и донесла до машины... Увезли...

...Успели и упали. Задыхаясь, жадно хватая воздух свистящими от напряжения лёгкими. Счастливые. С окаменевшими, сведёнными судорогой от напряжения мышцами. Залитые насквозь потом... Успели... Отдышались. Нашли тяжеленные рюкзаки с продуктами и патронами, вскинули на плечи и побрели назад. Копать. Копать. Копать...

Сегодня поднос... Пришёл... Командир полка, заслушав доклад комбата, приказал представить всех к награждению государственными медалями... Справедливо... Честно... Пример... Герои! Но главное – все живы... И чтобы поднос пришёл... Впереди боевая задача...

Берега Новороссии

Кристина Денисенко

Поэт. Родилась в 1983 году в Донбассе. Печаталась в литературно-художественных журналах «Бельские просторы», «Берега», «День и ночь», «Дон», «Краснодар литературный», «Молодая гвардия», «Нижний Новгород», «Новая Немига литературная», «Образ», «Приокские Зори», «Родная Кубань», «Ротонда», «Северомуйские огни», «Тверской литературный альманах», «Четверговая соль». Автор девяти книг. Победитель Всероссийского ежегодного литературного конкурса «Герои Великой Победы» (2024), 18-го Всероссийского конкурса патриотической поэзии им. А. Т. Твардовского (2024), Всероссийского творческого конкурса им. Мэри Рид (2024), XI фестиваля-конкурса поэзии «Муза Новороссии» (2024). Лауреат литературной премии имени «Молодой гвардии» (2025). Гран-при V ежегодной международной литературной премии «Человек слова» (2025). Гран-при литературной премии «Литературный код» (2025). Живёт в городе Юнокоммунаровске (ДНР, Россия).

НЕПРОШЕННЫЙ СНЕГ

Отражение тянется к солнечным бликам,
К запорошенной снегом картине двора.
Даже снег возвратился и заново выпал,
Будто я по зиме тосковала вчера.

Будто свечи палила из жёлтой вошины,
Чтобы снег возвратился живым с СВО,
Или кот грустных глаз не сводил благочинно
С хлопьев снега, штурмующих наше окно.

Снег вернулся. Ворвался метелями в город.
Будто с минных полей отпустили на час,
На рассвет, на апрельское утро, в котором,
Будто слёзы на стёклах, снежинки скользят.

Отражение смотрится призраком в душу
И молчит громче взрыва кассетных ракет.
Почему ты, как снег, с СВО не вернулся?
Почему сообщений две вечности нет?

Не сойти бы с ума, не писать бы стихами
Про непрощенный снег и незваную боль...
Возвращайся живым. Я тебя умоляю,
Будто снегом, тобой любоваться позволю.

ОБ ОСЕНИ

Она заблудилась на вымостках, скованных льдами,
Одной из капризных туристок, одной из беспечных,
Её словно сельские призраки околдовали,
Накинув промокшую бязь листопада на плечи.

И сыро дышать октябрём от рассвета до ночи,
Когда всё печальнее гомон таинственных уток,
Летающих на юг, под понурой обителью отчей,
Над гнёздами грешных людей,
бессердечных и чутких.

Об осени дева с котами и с окнами в космос
Сошьёт, будто платье из неба, вечерние строфы,
И стихнет стихами на стёклах и нежно, и грозно
Последнее эхо пустых с тишиной разговоров.

Вновь снегом погасит костры Покрова на рябинах,
Калиновый чай станет мягче на вкус и приятней,
И я возвращусь в этот край, где до боли родные
Глядят то ли избы печально в глаза, то ли хаты.

Когда до зимы будто руку подать, и настанет,
И время качнётся, как маятник, в сторону детства,
И снадобьем воздух мне вывернет тёплую память,
Да так, что в любые морозы смогу ей согреться.

МОЯ МОЛИТВА ЧЕРЕДУЕТСЯ С ТРЕВОГОЙ

Под сводами, где ладан дополняет миг
Медовой нотой луговых соцветий Дона,
Где роспись древних стен застенчиво таит
И чистоту слезы, и праведное слово,
Металась девой с забинтованной душой,
В провале памяти, где нет ни дна, ни края,
Но Божий ангел словно с неба снизошёл,
И я, огонь церковным свечкам раздавая,
Прониклась к рыцарю на белом скакуне
Невольным трепетом и оторопи шквалом.
Я проживала вереницы ясных дней.
Ночей холодных вереницы проживала.
А он, копьём пронзая пагубное зло,
Внушал мне силы и надежды
быть прощённой.
И хор церковный пел, и пальцы воском
жгло,
Когда я не дышала, стоя у иконы.

Я – мать отеческих сынов в плену врага,
Я – мать калек и мёртвых, вы меня простите,
Я – мать артиллериста и штурмовика,
Геоorgia Победоносца о защите
Прошу, какой бы запоздалой ни была...
Моя молитва чередуется с тревогой.
Звонарь задаст минорный тон колоколам,
И город материнским сердцем тоже
вздрагнет.

НЕ О ТОМ, ЧТО В ПРОВИНЦИИ МЕНЬШЕ ПТИЦ

Прорастает печаль в этюд, чёрным маком
роняет цвет...
Я пытаюсь глаза сомкнуть, но за стёклами
стонет ветер,
И вороны несутся ввысь над багульником
белых снов.
Одиночество – это жизнь не по близким
душе законам.
Я тебя берегла с весны до весны облаками
грёз.
Ты по лужам со мной входил сентяблями
в седую осень.
Ты художником обличал тайны снегом
укрытых мест...
Одиночество – не печаль, это блюз
соловьиных песен.

Лужи – талый хрустальный лёд,
клёны маслом в наряде ню...
Снег – вощёное полотно в тёмном зале осенних
улиц.
Одиночество – не о том, что в провинции меньше
птиц.
Мне тоскующим соловьём по ночам без тебя
не спится.

...НИКАКИМИ ЦВЕТАМИ ВЕСНА

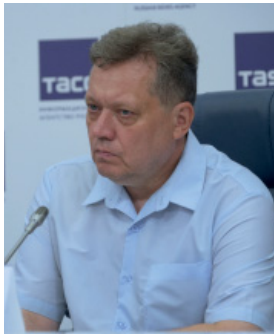
Мой щит – безразличие, глиняным блюдцем
расколот,
И грозная крепость –
дистанция, волнами смытый песок.
Я губка, впитавшая боль кротких слов весом в море.
Я туча над степью, сожжённой за мир
и за что-то ещё...
Известия – стрелы с вороньими перьями, в сердце.
Небрежно заброшена вдовья косынка
на грушевый сад.
Зачем столько мёртвых земле?
Я смотрю и не верю...
Кресты за крестами
войсками погибших мальчишек стоят.
Сочувствовать женскому горю больше, чем саду.
Ведь женскую боль не уймёт никакими цветами
весна.
В тылу материнские души живьём умирают,
Когда их детей возвращает в гробах с поля боя
война.

Я ТЕБЯ ИЗЛЕЧУ, МОЙ ХРАМ

Неприветливый край земли с шалашами
из шкур ягнят,
Свет пытался тебя вскормить
молоком ясных дней, но зря.
Там, где вечная тень хребта,
где тимьян одурманил птиц,
У подножья горы волшба расплзлась
и туман повис.
Пало племя твоих сынов, как отары больных овец.
Я ж вернулась туда, где дом под покровом беды
исчез.
Ноги помнят песок и соль, прах, развеянный
на ветру.
Я тебя поперёк и вдоль, будто палубу, обойду.

Берега Новороссии

Владимир Карагодин

Владимир Карагодин – историк, писатель, поэт. Лауреат премии «Золотое перо Руси» за серию книг о святынях Православия и подвижниках благочестия, а также литературно-исторической премии Союза писателей России «Росс Непобедимый» за книгу о Донецком старце схииерхимандрите Зосиме «Пророк Непокорённого Донбасса».

ОБМАНУТЬ МЕНЯ НЕ ТРУДНО: УКРАИНСКАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

«Обмануть меня не трудно – я сам обманываться рад», – эта цитата из А. С. Пушкина лучше всяких диссертаций характеризует психологическую сущность украинства: и в политическом плане, и в культурологическом.

Немного истории. В 1896 году буковинский этнограф Григорий Иванович Купчанко в этническом анализе жителей Галичины не зафиксировал существования хоть какой-то маленькой группы украинцев – от слова совсем, потому что в то время об украинцах и какой-то Украине никто даже не слыхивал. Да, в австрийской провинции Лемберге (ныне Львов) уже появились первые политические партии украинцев, которые содержались и финансировались на деньги австрийской жандармерии – с целью противостояния русскому народному движению, которое охватило всю Галицию от священства до крестьян. Наиболее ярким проявлением этого народного движения являлся литературный кружок «Русская троица» во главе с Маркианом Шашкевичем, Яковом Головацким и Иваном Вагилевичем. Слова выпускника Львовского университета и греко-католической семинарии Маркиана Шашкевича о русской идентичности галичан можно считать девизом этого культурного феномена:

Руська мати нас родила,
Руська мати нас повила,
Руська мати нас любила:
Чому ж мова ей немила?
Чом ся не встидати маєм?
Чом чужую полюбаєм?

В этих словах отображены боль, страдания и то унижение, которое испытывало русское население Галиции, пребывая под религиозным и национальным гнѐтом. Естественно, что даже члены политических украинских партий, которые получали зарплату как госслужащие Австро-Венгерской империи, считали себя или этническими русскими, или поляками, которые внедрялись в русское народное движение с целью политических манипуляций и провокаций.

Закономерно, что все книги и учебники по истории, литературе и языкознанию, издаваемые для русского этноса в Галиции, не имели в своих названиях никакого даже упоминания об украинцах или Украине: «История Южно-Русских земель», «Грамматика Южно-русского языка» «Литература Южной Руси» – вот наиболее распространѐнные названия книг и учебников, которые издавались для народных школ и семинарий того периода.

Первый в Европе

Точкой искусственного зарождения политической нации украинцев следует считать концентрационный лагерь для русских, созданный властями Австро-Венгерской империи в самом начале Первой мировой войны. Эта фабрика смерти по утилизации русского православного этноса просуществовала, согласно официальным документам, с 4 сентября 1914 года до 10 мая 1917-го и была выдающим

в кавычках, достижением империи Габсбургов, которая так отблагодарила русских за то, что они её не раз спасали от краха и уничтожения. Это был первый концлагерь в Европе! Как факт геноцида русского православного населения Галиции – жуткое и кровавое преступление Австро-Венгрии, которое до сих пор не получило должной правовой оценки, несмотря на обилие публикаций на эту тему.

Именно Талергоф мы считаем точкой отсчёта создания политической нации украинцев и проекта «Украина». Поскольку он возник и существовал не как единичный факт, а всего лишь как один из многочисленных элементов в политической системе Австро-Венгерской империи, которая охватывала все сферы культурной жизни населения Галиции. Надо отдать должное нашим врагам: они всегда мыслили системно и на длительную перспективу, не жалея средств на культуру и образование, чтобы переформатировать в нужном направлении сознание народных масс. Именно поэтому на государственных средствах по всей Галиции создаются культурно-образовательные центры «Просвіта», где самым широким народным массам, вопреки всем традициям империи, бесплатно преподаются уроки грамотности и даже базовые знания по истории, литературе и культуре – с одной единственной целью: воспитать и образовать новую политическую нацию украинцев. И вот уже через каких-то два-три десятилетия после национального манифеста «Русской троицы» их потомки, хлопая в ладоши во время хоровода, будут напевать новые песни:

Українка я маленька,
Українці батько й ненька...

Маркиян Шашкевич, наверное, от этих слов в гробу перевернулся. И если «батько й ненька» ещё помнили, что их деды и прадеды считали себя русскими, то «маленька українка» уже была носителем полностью новой идеологической парадигмы.

В этой статье у нас нет возможности подробно останавливаться на деятельности организации «Просвіта», хоть формы её работы, содержание и сама организация достойны самого пристального внимания исследователя – как образец идеологической работы с массами. Здесь же кратко заметим, что в тех регионах, где русское население не составляло этническое большинство, Австро-Венгрия свои средства не тратила. Именно поэтому уже во время Великой Отечественной войны местное население этих Галицких регионов принимало Советскую армию, как свою родную, как русскую, делясь с русским солдатом последним куском хлеба и вступая в её ряды для борьбы с гитлеровской Германией. Чего никак нельзя сказать о тех регионах, где мозги населения были промыты деятельностью антирусской и нацистской по своей сути организации «Просвіта».

Например, городок Золочев Львовской области, в котором из 15 тысяч населения было 8 тысяч евреев, 4 тысячи поляков и только 3 тысячи украинцев (в основном обслуга и чернорабочие), в ряды Красной армии после освобождения города от немецкой оккупации добровольно вступило почти всё взрослое мужское население! Возможно, самым сильным аргументом в пользу необходимости борьбы с фашизмом для местных послужили факты невероятно жестокой и кровавой расправы с еврейским населением города: когда расстреливали целыми семьями, закапывая в землю стариков, женщин и детей, которые ещё дышали (из воспоминаний моей бабушки Марии Петровны Бакусевич, 1913 г.р., её муж пал смертью храбрых в 1944 году в боях за Будапешт).

Мифы нового времени

На украинскую филологию я поступил только потому, что ясно осознавал, что поступить на факультет русского языка и литературы у меня практически не было шансов. У нас в городе было много школ с углублённым изучением русского языка, где, в отличие от обычной средней школы, русский язык и литературу преподавали пять дней в неделю, то есть практически ежедневно. Естественно, что, несмотря на мою любовь к Лермонтову и Шолохову, мои знания никак не могли сравниться с выпускниками специализированных школ, тем более что и конкурс на русскую филологию был в три раза больше. Так по приглашению профессора Романа Теодоровича Громьяка (ученика и сподвижника академика Д. Лихачёва) я оказался на факультете украинского языка и литературы Тернопольского педагогического института им. Ярослава Галана (галицкий писатель и журналист, жестоко убитый бандеровцами за свои рассказы и статьи). К тому времени мои статьи и стихи

уже печатались на страницах областных изданий, и, как оказалось, благодаря этим публикациям я попал в поле зрения маститого мэтра филологии, чьи учебники по литературоведению и истории литературы издавались не только в Киеве, но и в Москве – на всесоюзном уровне.

Самым ярким воспоминанием второго курса является лекция знаменитого профессора украинской филологии из Торонто Юрия Шевелёва (Украинский институт в Торонто был основан в 1946 году на деньги Британской империи и существует до сего дня как один из главных идеологических центров русофобии, чья профессура и аспиранты разрабатывали и разрабатывают методы и способы борьбы с Русским миром. Лингвист и украинский писатель Юрий Шевелёв свою фамилию взял от матери, по отцу же он был Шнейдер). После открытой лекции в большом актовом зале светило украинистики из Торонто отвечал на вопросы преподавателей и студентов. Запомнился вопрос одной молоденькой аспирантки, которая специально приехала из Львова на лекцию научного светила из Торонто:

– Уважаемый профессор, на ваш взгляд, когда возник украинский язык?

Простой вопрос для каждого студента советской филологической школы. Но именно в конце 80-х начали появляться первые «научные» публикации, которые яростно доказывали, что украинский язык возник едва ли не одновременно с древнегреческим и латинским. Поэтому ответ профессора Юрия Шевелёва очень расстроил просветлённую публику:

– Первые признаки фонетики украинского языка мы наблюдаем в летописях XIV–XV веков, – монотонным и бесстрастным голосом вещал знаменитый профессор прописные истины из учебника «Грамматика украинского языка». – Поэтому именно в этот период, можно считать, и выделился украинский язык как самостоятельная единица из древнерусского.

Разочарованию гостей из Львовского университета не было предела. Поэтому лекцию профессора Юрия Шевелёва во Львове отменили...

Каково же было моё удивление, когда двадцать лет спустя, случайно листая учебники украинского языка для студентов и аспирантов Львовского университета, я вдруг обнаружил, что именно фонетическая теория украинского языка от профессора Шевелёва считается основным доказательством того факта, что украинский язык гораздо древнее русского и белорусского, а отнюдь не выделился из древнерусского языка, как об этом бессовестно лгали бедным украинским детям в советской школе...

То ли профессора Шевелёва из Торонто всё же покусали львовяне – как в классических фильмах ужасов про вампиров...

То ли ему удалось совершить невиданное ранее и неслыханное, то есть подойти к древним могилам скифов: воскресить несколько из них, записать их речь на магнитофон, чтобы потом объявить на весь мир, что древние скифы, оказывается, разговаривали на украинском языке!

Именно такие мистические действия и подразумевает «фонетическая теория украинского языка» профессора Шевелёва, он же Шнейдер по свидетельству о рождении. Это, наверное, для математиков и химиков термин «фонетическая теория» имеет гипнотическое действие... А для меня как филолога старой советской школы, который летнюю практику проходил по сёлам с магнитофоном в руках, записывая и анализируя фонетические и лексические различия диалектных форм живого разговорного украинского языка...

Фонетическая теория именно подразумевает изучение и анализ устной речи живых носителей языка!

Когда я заканчивал институт в 1993 году, опьянённая европейскими перспективами Украина праздновала первый год своей независимости – независимости от исторической памяти и здравого смысла. К этой дате в издательстве «Наукова думка» вышла новая редакция «Українського правопису», в котором, как утверждалось в предисловии, соловыну и калынову (так поэтично именовали мову хуторянские пииты) попытались очистить от русизмов, которыми её покаречили в советский период... Самая жаркая дискуссия развернулась вокруг дополнительной новой буквы украинского алфавита – передающий фриктивный прорывной звук «г», который надо было писать буквально в нескольких словах: гудзик, ганок, гава – всего около десяти слов. Отечественные школы лингвистики яростно сопротивлялись этому нововведению, справедливо считая, на основании фактов, что этот фриктивный звук чужд фонетическим законам украинского языка и является результатом влияния языков германской группы, а поэтому имеет место быть только среди малого числа носителей

тех диалектов, которые сформировались и функционировали в пограничных этнических территориях (как правило, это были гуцулы и лемки, проживающие в Карпатах и Закарпатье). Но, поскольку за этим нововведением стояли украинцы из Торонто, которые, как правило, и были выходцами из этих беднейших земель Юго-Западной Руси, то с третьей попытки они всё-таки продавили эту норму в третью редакцию «Українського правопису». Всего с 1993 по 2013 год было выпущено семь редакций этой настольной для украинского филолога книги, то есть примерно один раз в три года менялись нормы литературного украинского языка – под влиянием политических факторов и конъюнктуры изуродовали до неузнаваемости певучий и богатый язык великой советской украинской литературы, которая, несмотря на свою политическую окраску, проповедовала вечные христианские ценности, воспевая идеалы трудолюбия, верности, любви к Родине и жертвенность.

Общая тенденция всех этих нововведений была продиктована политическим заказом: как можно больше и сильнее разделить украинский и российский языки – на лексическом и даже грамматическом уровне. В результате чего и был создан некий новый суррогат, который для слуха носителя живого языка казался порой смешным, а порой и невыносимым через своё искусственное уродство, созданное людьми, для которых украинский язык был чужим, поскольку они родились и воспитывались в другой языковой среде.

Помнится, на втором курсе института к нам из города Белая Церковь (районный центр Киевской области) приехала учиться Лариса Куземко – типичная украинская дивчина с большими карими глазами, чёрными бровями и длинной чёрной косой. Когда она одевала на праздники украинскую народную одежду (а была такая мода на Западной Украине в начале 90-х), то казалось, что она вышла из повести Квитки-Основьяненко или Нечуя-Левицкого. Перевелась же она из филфака Киевского университета в наш провинциальный городок с одной-единственной целью: чтобы изучать украинскую речь среди живых носителей языка, поскольку даже на украинской филологии в Киевском университете студенты тогда разговаривали между собой на русском. Думается, что сделала она этот выбор под влиянием своей матери – украинской писательницы, которая раз в год издавала очередной сборник своих новелл на злобу дня. Несмотря на то что Лариса была очень добросовестной, старательной студенткой, окончила институт с красным дипломом, до конца своей учёбы в институте она так и не смогла усвоить живую разговорную украинскую речь. Поскольку в детстве и юности её родным языком был русский, то на мове она разговаривала исключительно правильным литературным языком, что в обществе студентов вызывало смех. Например, она правильно и нараспев произносила причастия времени «улитку», «узимку» – и обижалась, когда над ней смеялись: просто носители живого языка никогда не употребляют в своей речи эти искусственные литературные формы, а говорили: «зимою», «літом» – и таких тонких нюансов было великое множество, на каждом шагу.

И всё же речь Ларисы Кузенко, по сравнению с телеведущими современных украинских каналов, а особенно народных депутатов, была несравненно богаче и красивее. Она хотя бы украинскую классику читала и знала, потому что любила... А что читают современные украинские горе-журналисты, а особенно политики – мне даже страшно представить.

Мой слух профессионального украинского филолога по первому диплому (а за свою творческую карьеру я успел даже поработать переводчиком с церковнославянского и русского языков на украинский) вынести тот искусственный вариант псевдоукраинской мовы, которая звучит ныне на центральных украинских телеканалах, более пяти минут не может! У меня просто наступает помутнение сознания, и мне просто физически становится плохо. Я думал раньше, что это у меня глубоко субъективное и личное, пока не услышал от многих выходцев из Украины, которые вырастали на литературе Михаила Коцюбинского, Максима Рыльского, Владимира Сосюры, Василя Симоненко, Олеса Гончара, Михаила Стельмаха и других замечательных украинских писателей, что они тоже не могут выносить этот лингвистический суррогат, который льётся сегодня, как помой, на современных украинских телеканалах. Какая-то чудовищная деформация сознания и личности.

Почему так происходит? Ответ на этот вопрос можно найти в новейшей истории современной Украины. Когда в 1986 году я приехал в Киев, чтобы поступать на факультет журналистики, я был удивлён, что в столице Украины украинскую речь можно было услышать только в троллейбусе или на рынке, и говорили-балакали на мове в основном сельские жители.

То есть, несмотря на десятилетия украинизации, Киев и Восток Украины так и оставались русскоязычными, кроме сельского населения, которое разговаривало в основном на суржике.

В этом контексте становится понятным тот факт, что главными редакторами ведущих украинских изданий («Літературна Україна», «Дніпро», «Всесвіт», «Молодь України») были выходцы из Западной Украины.

Даже профессор кафедры Украинской литературы Киевского университета Николай Жулинский (автор монографий по расстрелянному украинскому возрождению) в частной беседе со мной, когда я приезжал к нему на консультацию по вопросам жизни и творчества Николая Хвильевого, изъяснял свои мысли на языке Пушкина и Достоевского. И переломить эту языковую ситуацию естественным путём, без применения государственного аппарата насилия и пропаганды, не представлялось возможным.

Табу украинской культуры

Справедливости ради необходимо сказать, что первые «зубы дракона», то есть семена ненависти между украинцами и русскими, были посеяны ещё в Советский период – под знаменем борьбы с царской Россией, которая всегда и везде изображалась как тюрьма народов и в которой все этносы буквально изнемогали под национальным и религиозным гнѐтом.

Каждому украинскому школьнику, с первого по десятый класс, на постоянной основе внушали, что царская Россия всячески пыталась уничтожить украинскую речь и даже сам украинский народ и только великий Ленин подарил народам России светлое будущее.

Если вы спросите выпускника украинской школы в Ужгороде или Харькове, что он помнит из украинской литературы, какого украинского классика он может процитировать, то почему-то убеждён, что почти никто не сможет ничего вспомнить, кроме завещания Т. Г. Шевченко с его пламенным призывом окропить знамя свободы вражьей злою кровью... Но зато каждый вспомнит Валуевский циркуляр и Эмский указ, которые запрещали украинскую мову в царской России. Не только в школе, но даже аспирантам по химии или медицине в обязательном образовательном курсе неизменно повторяли эти два магических словосочетания... Но спросите меня сегодня: когда, при каких обстоятельствах были приняты эти указы и какое их действительное содержание – ничего не смогу вам ответить, потому что просто никто и никогда не объяснял этот символ веры сознательного украинца. Как и мифическую конституцию Пилипа Орлика...

Точно так же, как никто из украинских историков и культурологов даже не пытался задуматься: а куда подевалось запорожское казачество после закрытия Сечи в 1775 году российской императрицей Екатериной Второй? У неискущённого обывателя создавалось впечатление, что «кляти москали» просто перерезали всех запорожцев и поэтому они перестали существовать... О том, что Екатерина Великая подарила запорожским казакам обширные земли на Кубани, где они трудились и творили, создавая уникальную казачью материальную и художественную культуру, представьте себе – никто не слышал и не знает! Более того: об этом категорически запрещено говорить и писать под страхом культурной и политической смерти.

Почему? И вот здесь мы подходим к самой сокровенной тайне украинского проекта. Главная вина кубанских казаков перед политическим проектом «Украина» состоит в том, что они были и остаются православными христианами, что их боевые подвиги высечены золотыми буквами в истории Государства Российского. Кубанские казаки как генетические и культурные потомки славных запорожцев служили Русскому Православному Царю.

А украинский проект изначально создавался и финансировался врагами Российской империи и Православия. И главными спонсорами этого прозападного проекта были не поляки и даже не австрийцы, а российские демократы и либералы, которые больше всех врагов ненавидели Царскую Православную Россию, а поэтому на свои собственные средства в Санкт-Петербурге печатали сочинения Т. Г. Шевченко, Панаса Мирного, Ивана Котляревского и других украинских классиков. А чтобы не терпеть больших убытков от этой просветительской деятельности, их печатали в одних и тех же литературных сборниках, что и произведения Пушкина, Тургенева и Толстого – как говорится, в нагрузку. Благо в литературе на протяжении всего XIX века диктовал жанровую моду стиль романтизма с его культом фольклора и повышенного внимания к малым этносам, где художники искали новые сюжеты для своих произведений, и поэтому произведения малороссийских писателей можно было ещё издавать на средства из царской казны – вот такая тюрьма народов была при царе-батюшке...

Кроме темы кубанского казачества, в истории украинской культуры существует великое множество табуированных страниц – как древнейшей истории, так и новейшей: всё то, что разрушает существующую мифологему украинской идентичности. Так, однажды профессор Р. Т. Громьяк поручил мне подготовить для научной конференции доклад на тему: современные теории происхождения лексемы «Украина». Проанализировав более десяти различных теорий известных украинских историков и культурологов, в конце своего исследования я остановился на наиболее достоверной гипотезе, на мой взгляд, а именно, что семантическим основанием названия «Украина» является лексема «украй», которая встречается в древних летописях и происходит от глагола «украить», то есть отрезать, и указывает на земли, которые переходили от отца к сыновьям. Только значительно позже, уже преподавая курс мировой культуры, я познакомился с наиболее очевидной версией происхождения названия «Украина», которую почему-то никак нельзя отыскать в учебниках по украинской истории, словно сознательные украинцы боятся её, как чёрт ладана, и поэтому обходят её молчанием. А ведь на всех древних картах XV–XVIII веков мы неоднократно находим топоним «оукраина», который писался именно через дифтонг «оу», который в зависимости от региона мог произноситься или как звук «у» (отсюда лексема «украина»), или чаще как звук «о» (отсюда лексема «окраина»). То есть слова «украина» и «окраина» являются фонетическими синонимами для разных диалектов русского языка. В период же позднего Средневековья лексема «оукраина» означала пограничные земли. Как правило, эти земли находились между Российской империей, Речью Посполитой и Османской империей. А поскольку в данный период линия границы была подвижной, то на картах XVI–XVII веков можно найти несколько «оукраин». Наиболее известна оукраина, которая находилась на территории Запорожской Сечи, где прошли молодые годы дедушки Тараса Григорьевича Шевченко, почему тот и впитал в себя фольклор и традиции запорожцев, а позже своими рассказами и песнями наваял будущему классику украинскую тематику. Но была ещё и «оукраина» на картах Земель войска Донского, обозначающая пограничные земли с Османской империей. А ещё на столетие ранее русское пограничье проходило по Белгородской губернии.

Но такие лингвистические тонкости невыгодны создателям мифа об уникальности и неповторимости Украины и украинцев. Поэтому создаётся устойчивое впечатление, что политическое украинство является чисто религиозным феноменом, который зиждется на трёх столпах: раболепном преклонении перед Западом, холуйской ненависти и зависти к Великой России и комплексе неполноценности, который и рождает все те фантастические мифы, что наполняют современную украинскую культуру.

Такое печальное состояние украинской культуры является естественным результатом оторванности от общерусских корней, от общерусской истории. Можно было бы ещё много рассуждать о генезисе и трансформации феномена украинства. Можно припомнить и программные речи Верховного главнокомандующего Владимира Путина, в которых он неоднократно подчёркивал, на основании объективного исторического анализа, что русские и украинцы являются единым народом, как единокровные братья, дети одного отца и одной матери.

Но всегда следует помнить, что географически, политически и экономически существовало Две Окраины: окраина Западного мира и окраина Русского мира. А линия раздела между ними на протяжении девяти веков является территорией кровопролитных столкновений. А каким будет проект «Украина» в будущем – зависит исключительно от волеизъявления политических центров, и в первую очередь Великой России. При этом надо помнить, что когда Богдан Хмельницкий присягал на верность Московскому Православному Царю, то политическая география Малороссии, или же Украины, составляла всего-навсего четыре области на территории современной Украины.

И закончить эту статью хочется словами царя и пророка Давида: «Возлюбивший ложь – возненавидел душу свою». Понятие «душа» в Библии часто означает не только отдельную субстанцию, но и жизнь, поскольку именно душа сообщает жизнь телу. Поэтому в контексте этой вечной библейской мудрости возрождение и нормальное функционирование малороссийского этноса возможны только на фундаменте исторической правды, как историческая и неделимая часть Русского мира. Об этом, к слову, и писали выдающиеся деятели украинской культуры. Но это уже отдельная тема для исследования.

Талал Дарджани

Профессор Талал Дарджани – ливанский режиссёр, драматург, сценограф и исследователь, штатный профессор Ливанского университета, научный координатор и директор лаборатории LIRIS Университета Новая Сорбонна – Париж-3 по региону Ближнего Востока и Северной Африки, эксперт театрального журнала «Plateaux 21» в Монпелье, Франция, основатель и председатель «Другого театра» и «Академии актёра». Получил степень доктора философии в области театральной режиссуры в московском ГИТИСе под руководством режиссёра Андрея Гончарова. Работал в театрах и театральных институтах Москвы, Киева и Ленинграда. В 1999 году был награждён медалью Александра Пушкина. Внёс исследовательский и художественный вклад в развитие режиссуры, сценографии, драматургии и системы подготовки актёра. Среди его важнейших исследований – «Пионеры арабского театра: плагиаторы, а не творцы», а среди наиболее значимых авторских разработок – «Философия оплодотворения театрального спектакля» и «Драматический характер сценографии».

Одной из ключевых линий его творчества стала сценическая адаптация произведений ливанской, арабской и мировой литературы в драматургии, режиссуре и сценографии. Среди наиболее известных постановок – «Понтий Пилат» по роману Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», «Сон смешного человека» по произведению Фёдора Достоевского и «Барышня-крестьянка» по повести Александра Пушкина. Он также подготовил для сцены инсценировку «Белых ночей» Достоевского и выступал как исследователь и лектор на арабских и международных театральных конференциях и культурных мероприятиях.

ФИЛОСОФИЯ ОПЛОДОТВОРЕНИЯ ТЕАТРАЛЬНОГО СПЕКТАКЛЯ

Ознакомительное резюме

«Философия оплодотворения театрального спектакля» предлагает современную философскую, методологическую и практическую систему, позволяющую заново осмыслить театр, исходя из его живой природы. Она не провозглашает отмену предшествующих театральных школ и не претендует на роль альтернативы, стирающей их исторические достижения. Её исходный вопрос иной: каким образом можно преобразовать спектакль из конструкции, организующей уже существующие элементы, в живую систему, где идеи, знания, энергии и компоненты вступают в продуктивные отношения, порождая события и смыслы, которых не существовало до процесса оплодотворения?

Эта философия рассматривает спектакль как живое генеративное существо, а не как репрезентативную структуру, воспроизводящую уже существующую реальность, и не как средство разъяснения идеи или передачи завершённого послания. Смысл не существует в готовом виде до спектакля и не движется по односторонней линии от текста к сцене, а затем к зрителю. Он рождается из отношений между текстом, оплодотворённым режиссёрским видением, живым генеративным существом, сценографией, музыкой, пространством, временем, молчанием и зрителем. Тем самым режиссура становится организацией отношений и энергий, а не реализацией заранее заданного смысла или формальной координацией элементов.

Философия оплодотворения театрального спектакля строится на четырёх основополагающих понятиях: мутации, идейном зерне, оплодотворении и генеративном исследовании. Они не представляют собой изолированные этапы, а образуют взаимосвязанную систему, определяющую письмо, режиссуру, репетиции, спектакль и его восприятие.

Мутация представляет собой качественное преобразование, открывающее возможность, которая была недоступна в прежней структуре. Она означает не формальную неожиданность и не преходящий эмоциональный эффект, а изменение по меньшей мере одного отношения внутри театрального события: отношения существа к действию, звука к молчанию, движения к пространству, времени к восприятию или зрителя к смыслу. Мутация оценивается не по внешней силе воздействия, а по новой возможности, которую она порождает.

Идейное зерно является ядром, придающим спектаклю его идентичность и внутренний закон. Это не общая тема, не тезис, который требуется доказать, и не закрытая интерпретация текста, а концентрированная структура напряжения, сохраняющая направление произведения и одновременно способная порождать множество возможностей. Она регулирует отношения, не замыкая их, и не позволяет спектаклю превратиться в совокупность соседствующих образов и действий, не объединённых единым художественным и интеллектуальным законом.

Оплодотворение занимает центральное место в этой системе. Оно означает не добавление элементов, не умножение образов и эффектов и не совершенствование внешней формы, а реорганизацию отношений, меняющую функции элементов, их значения и возможности действия. Оплодотворение может осуществляться через движение или неподвижность, присутствие или отсутствие, звук или молчание, свет или темноту, приближение или дистанцию. Поэтому оплодотворяющее действие определяется не количеством добавленного материала, а характером изменившегося отношения и тем, какие действие, конфликт, знание или преобразование восприятия возникли вследствие этого изменения.

Генеративное исследование представляет собой непрерывный процесс, не позволяющий спектаклю закрепиться в окончательных результатах. Оно не ограничивается сбором информации или анализом текста до начала репетиций, а продолжается в процессе письма, режиссуры, эксперимента и спектакля, после чего переносится в сознание зрителя. Участники не ищут готового ответа, а исследуют то, что способно породить идейное зерно, вступая в новые отношения. Поэтому исследование является не внешним введением в работу, а одним из её основных компонентов.

Философия оплодотворения определяет своё интеллектуальное положение посредством методологического сопоставления с идеями одиннадцати философов: Сократа, Платона, Аристотеля, Канта, Гегеля, Ницше, Хайдеггера, Альфреда Норта Уайтхеда, Жильбера Симондона, Жиля Делёза и Алена Бадью. Это сопоставление направлено не на опровержение или упрощение их проектов, а на определение позиции философии оплодотворения по отношению к понятиям вопроса, подражания, эстетического суждения, духа, становления, бытия, события, формирования, индивидуации, виртуального и истины. Она не соединяет эти системы в эклектическое целое, а вступает в диалог с отдельными понятиями в той мере, в какой они способны прояснить театральный процесс. Затем она переводит их из области теоретического созерцания в метод, определяющий, как возникает мутация, как действует идейное зерно, как реорганизуются отношения, как спектакль производит знание настоящего момента и как его воздействие продолжается в зрителе.

Эта философия предлагает особое понимание красоты под названием «эстетика оплодотворения». Красота здесь не является постоянной ценностью, добавляемой к спектаклю, вкусовым критерием, оправдывающим художественное решение, или самостоятельной целью режиссёра. Она представляет собой генеративный эффект, возникающий тогда, когда отношения внутри события реорганизуются, вследствие чего меняется способ восприятия и рождается напряжение или раскрытие, не существовавшее до этой реорганизации.

Поэтому эстетика оплодотворения спрашивает не о том, красив ли данный эпизод, а о том, какое отношение изменилось, что породило это изменение и возникла ли красота из внутренней необходимости, связанной с идейным зерном и оплодотворённым режиссёрским видением. Образ, движение, свет, звук, пустота и ритм приобретают ценность не благодаря своей самостоятельной красоте, а благодаря функции, которую они выполняют внутри системы спектакля.

Философия оплодотворения по-новому определяет роли участников театрального процесса. Генеративный драматург не создаёт закрытого текста, а формирует структуру, содержащую идейное зерно, систему напряжений и возможностей. Генеративный режиссёр не истолковывает текст и не навязывает ему внешний образ, а создаёт оплодотворённое режиссёрское видение, которое

организует отношения, регулирует распределение мутаций, сохраняет единство идейного зерна и открывает перед участниками пространство исследования.

Живое генеративное существо – ранее актёр – не ограничивается воплощением персонажа или выполнением заранее установленного движения. Оно участвует в создании персонажа, действия, события и знания через свои живые отношения со временем, пространством, молчанием, сценографией, музыкой и другими существами. Тело здесь не рассматривается как самостоятельный источник мысли и чувства. Оно формируется как их результат, а также как результат давления, конфликта, отношения и действия.

Сценография превращается из визуального обрамления в драматический персонаж и оплодотворяющую силу, участвующую в создании события. Пространство, свет, масса, цвет, материал, пустота и дистанция не просто окружают действие, а оказывают на него давление, сопротивляются ему, препятствуют ему или изменяют его направление. Оплодотворённая драматическая музыка также перестаёт быть эмоциональным фоном и становится силой, включённой в конфликт, время, молчание и ритм. Зритель не получает завершённый результат, а становится генеративным существом после-спектакля, внутри которого идейное зерно продолжает действовать через вопрос, интерпретацию, письмо, молчание и преобразование сознания.

Внутри этой системы действуют оплодотворённые понятия и поля, среди которых: оплодотворённый конфликт, оплодотворённое молчание, оплодотворённое пространство, оплодотворённая пустота, оплодотворённое сознание, оплодотворённое знание настоящего момента, оплодотворённая правдивость, оплодотворённое давление, генеративная истина, персонаж бунтующего времени, оплодотворяющая мизансцена, оплодотворяющие действие и событие, а также живое рождение.

Необходимо различать эти понятия и оплодотворяющие функции. Оплодотворённое понятие определяет определённое поле работы, тогда как оплодотворяющая функция представляет собой практический эффект, возникающий, когда это понятие изменяет конкретное отношение внутри спектакля. Так, функция оплодотворённого молчания может состоять в реорганизации слушания, ожидания или давления. Функция оплодотворённого пространства заключается в изменении отношения существа к движению, дистанции и присутствию. Функция оплодотворённого знания настоящего момента состоит в порождении знания, возникающего внутри действия и не существующего до него в готовом виде. Оплодотворённый конфликт производит преобразование, а не ограничивается столкновением, тогда как персонаж бунтующего времени превращает время в активную силу, изменяющую ритм события и способ его восприятия.

Философия оплодотворения не ограничивается теоретическим обоснованием. Она связывает каждое понятие с функцией, каждую функцию – с отношением, каждое отношение – с процедурой, а каждую процедуру – с показателем и критерием реализации. Практический вопрос, сопровождающий репетицию, формулируется так: какое отношение изменилось? Если предложение не изменяет возможности действия, конфликта или восприятия, оно не представляет собой оплодотворения, какой бы высокой ни была его техническая или визуальная ценность. Поэтому философия переносится в лабораторию и репетицию через упражнения, карты отношений, журналы генеративного исследования, листы наблюдений, а также критерии измерения и оценки.

Эта философия развивается в рамках научного и справочного проекта, состоящего из одиннадцати взаимосвязанных книг, каждая из которых посвящена определённой теоретической или практической области. В их числе: «Манифест театрального оплодотворения», «Операционный словарь и справочная методология философии оплодотворения театрального спектакля», «Красота не является ценностью: к философии оплодотворения в искусстве и театре», книги о генеративном драматурге, генеративном режиссёре, живом генеративном существе, генеративной сценографии, генеративной музыке, генеративном зрителе, оплодотворении и инсценировании текста, а также книга о практических работах, лабораториях, упражнениях и репетициях.

Таким образом, философия оплодотворения театрального спектакля представляет собой проект, открытый для исследования, критики и применения. Её значение определяется не количеством терминов и не декларацией отличия, а способностью объяснять театральные явления, создавать точные инструменты и направлять практику, доступную проверке и оценке. Спектакль в этой философии не передаёт готовый смысл, а создаёт условия для его рождения и не завершается с опусканием занавеса, а продолжается как генеративное исследование в сознании зрителя.

Берега культуры и искусства

Зин Бен Отман

Д-р Зин Бен Отман – доцент Университета «Алжир-2», алжирский писатель, переводчик и преподаватель русского языка. Перевёл с русского языка на арабский произведение на тему «Литературная судьба Валентина Распутина». Защитил магистерскую диссертацию в Алжирском университете на тему «Стилистические функции повелительного наклонения в современном русском языке». Перевёл два русских фильма на арабский язык во время фестиваля «Русская неделя культуры» в Кувейте по просьбе Министерства культуры РФ: «Битва за Севастополь» и «Батальон». Организовал и председательствовал на семинаре на тему «Лев Толстой: интеллектуал и литератор мирового значения». В 2015 году З. Бен Отман защитил докторскую степень по русскому языку в Алжирском университете на тему «Лингвометодические основы обучения наклонению русского глагола алжирских студентов-филологов на первом курсе». С 2021 года член жюри Черноморского международного конкурса перевода маринистики (отделение Союза переводчиков России) в языковой паре арабский-русский-арабский. Автор большого ряда научных работ по стилистике и методике преподавания современного русского языка, книги «Многоязычие в Алжире – факты и причины» (2023).

ИСТОРИЯ АЛЖИРСКОЙ МУЗЫКИ: ОТ ДРЕВНЕЙШИХ КОРНЕЙ ДО СОВРЕМЕННОГО ЗВУЧАНИЯ

Часть I

Музыкальная культура Алжира – это уникальное явление, уходящее корнями вглубь тысячелетий. Археологические находки на месте древнего поселения Тин-Кебран на северо-востоке Таманрассета хранят изображение древнейшего струнного инструмента – прародителя уда, или лютни, возраст которого превышает шесть тысяч лет.

А в Джанете, на юге Иллизи, были обнаружены свидетельства древнейшей коллективной музыки «Сбиба», датируемой XIII веком до нашей эры. С тех далёких времён музыка стала верной спутницей алжирского народа, отражая его радости и печали, надежды и борьбу.

Мозаика жанров: богатство и разнообразие

Современная музыкальная панорама Алжира поражает своим многообразием. Она впитала влияния множества цивилизаций, сменявших друг друга на этой земле – от династий Рустамидов и Фатимидов до Зайянидов и османского владычества. Но при этом Алжир сумел сохранить свою самобытность, создав неповторимый музыкальный ландшафт.

Андалузская музыка – жемчужина классического наследия

Андалузская музыка, или музыкально-поэтическое искусство, является основой алжирской классической традиции. Она была принесена

Себиба (Тассили Н'Аджер, Джанет,
к югу от Иллизи)

в Северную Африку изгнанными андалузцами после падения последнего королевства Гранады в 1492 году.

Андалузская нуба в Алжире явлена тремя городами-хранителями, и каждый наделил её неповторимым ликом: тлемсенская гхарнати – суровой элегантностью и памятью об утраченной Гранаде, алжирская санаа – виртуозным огнём и страстным дыханием столичных площадей, константинский малуф – созерцательной плавностью, текучей, словно воды древнего города.

Гхарнати несёт отпечаток аскетической величавости мавританской Испании: её ритмы сдержанны, инструментарий тяготеет к рабабу и лютне, создавая медитативный, философский строй – это голос запада, обращённый внутрь себя. Санаа, напротив, вся – движение и орнамент: здесь царит сложнейшая вокальная мелизматика, а дербука и тар придают музыке упругую, танцевальную пульсацию. Если гхарнати – строгая архитектура остывших соборов, то санаа – пышный мавританский узор, где импровизация певца и удары барабанов спорят за главенство. Малуф же занимает срединное пространство: само его имя, означающее «привычный к традиции» или «верный традиции», говорит о глубине и достоинстве этого пути – он не столь суров, как гхарнати, и не столь пылок, как санаа, но дышит мерным течением, соединяя медитацию запада с теплом востока.

Две крайности – и между ними вся многомерность алжирской души: от горной отрешённости до средиземноморского темперамента. И над всем этим сияют имена великих мастеров, вписавших андалузское наследие в историю: шейх Мухаммед Сфинджи, шейх Ларби Бенсари, представлявший Алжир на Первом конгрессе арабской музыки в Каире в 1932 году, Абделькрим Дали, Дахман Бен Ашур, шейха Тетма, Фадхела Дзирия – каждый из них зажгёт свою звезду в этом созвездии, передав грядущим поколениям не просто мелодии, а саму душу алжирской земли. Три школы, три голоса – и в этом триединстве пульсирует живая, неизбывная память культуры.

Константинский малуф

Эль-Хадж Мухаммед ат-Тахир Фергани: Соловей Константины, воспевающий вечность

В пантеоне алжирской музыки, среди мерцающих звёзд андалузского наследия, сияет имя, не подвластное времени – Эль-Хадж Мухаммед ат-Тахир Фергани. Этот человек, прозванный современниками «Соловьём Константины», был не просто исполнителем; он был голосом своей древней земли, её печали и величия. Его уход в декабре 2016 года стал эпохальной утратой, оставив неизгладимую пустоту в сердце национальной культуры, которую, по признанию знатоков, заполнить будет невозможно.

Наследие, рождённое в сердце Цирты

Мухаммед ат-Тахир Фергани появился на свет 9 мая 1928 года в жемчужине и столице алжирского востока – городе подвесных мостов и древнего камня,

в Константине, что в седой старине этот город именовался Циртой и был столицей могущественного нумидийского царства, колыбели берберской цивилизации.

Он родился в семье, где искусство было не просто ремеслом, а дыханием жизни. Его отец, Хаму Фергани, был признанным мастером хавзи – жанра, берущего начало в андалузской музыке Тлемсена. Однако юный Мухаммед, прежде чем ступить на путь великого малуфа, должен был овладеть другим ремеслом – вышивкой сёдел, древним искусством его предков, что стало для него школой терпения и чувства прекрасного.

Путь к вершинам малуфа

Начав свой творческий путь в 1940-х годах с исполнения восточной египетской музыки, так как юный Мухаммед ат-Тахир Фергани впитывал вдохновение из двух величайших

светочей египетской музыки – Умм Кульсум и Мухаммеда Абд аль-Ваххаба. В ту пору, когда он присоединился к обществу «Тулу аль-Фаджр» и обратился к восточному пению с его египетской окраской, его тёплый и мощный голос, исполнявший творения этих двух титанов, повергал слушателей в благоговейное изумление.

Примечательно, однако, что путь его начинался с этой восточной стези, но вскоре, по наставлению старших мастеров, он посвятил себя всецело искусству малуфа – исконному дыханию родной Константины, оставив египетские влияния как пройденную ступень, но навсегда сохранив в своей палитре ту школу красоты и страсти, что была заронена в его душу голосом великой Умм Кульсум и мелодиями гениального Абд аль-Ваххаба.

Фергани в 1951 году совершил судьбоносный поворот. Именно в этом году на музыкальном конкурсе в Аннабе его голос, наделённый необычайной силой и теплотой, принёс ему первую победу и признание. Он обратился к малуфу – канонической музыкальной традиции Константины, обретя в ней свою истинную стихию. Его наставниками в этом сакральном искусстве стали великие шейхи Хассуна Али Ходжа и Баба Абид.

С этого момента началось восхождение мастера. Фергани впитал в себя мудрость старых корифеев, таких как Дахман Бен Ашур и Абделькрим Дали, но при этом его манера исполнения стала уникальной и неповторимой. Его творчество не ограничивалось одним малуфом; виртуозно, как смычком своей скрипки, он овладевал и другими жанрами: махджизом, жзулем и хавзи, составляя многогранную мозаику музыкального фольклора своей родины.

Голос, что слышат за гранью вещей

Критики и слушатели неизменно подчёркивали феноменальную природу его дара. Фергани принадлежал к числу тех редких певцов, чей голос мог свободно «парить» в диапазоне четырёх октав. Сами специалисты признавали: Фергани не был композитором в привычном смысле слова, он не сочинял мелодий, но именно его голос и его манера исполнения вдыхали бессмертие в классические поэтические тексты.

Он воспевал свою Константину с такой болью и любовью, что его голос, по словам современников, становился слышимым эхом ущелий Руммель, «глухо грохочущих в зимнюю ночь». Его исполнение «Я Дхальма» и «Салах Бей» – шедевров, возведённых им на недостижимую высоту, – превращало трагедию в очищающее душу откровение. Говорили, что в его пении слышен «плач и ностальгия, которые становятся великим успокоением».

Хранитель идентичности и символ сопротивления

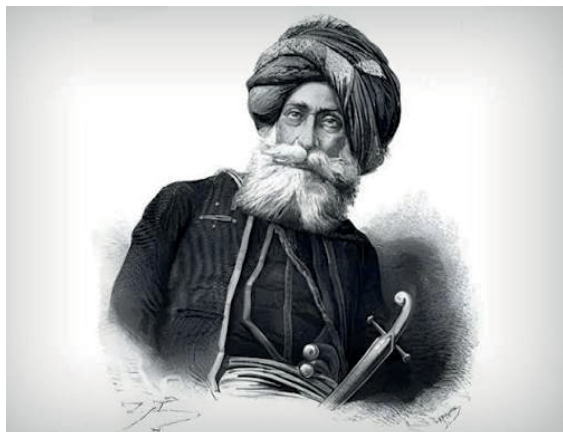
В годы французского колониального господства искусство Фергани приобрело особое, почти героическое звучание. Исполняя арабо-андалузскую музыку, песни, воспевающие родину и религию, он являлся живым хранителем национальной идентичности, когда колонизатор стремился вырвать алжирцев из их культурных корней. Его выступления были актом сопротивления, тихим, но невероятно мощным утверждением своей культуры и веры.

Нерушимое наследие

Эль-Хадж Мухаммед ат-Тахир Фергани ушёл из жизни 7 декабря 2016 года в Париже, оставив после себя сотни записей и целую музыкальную школу. Его сын Салим и внук Мухаммед Адлен стали достойными продолжателями его дела, неся миру свет константинского малуфа.

Он навсегда останется не просто музыкантом, но «аурой» своего города, его живым символом и голосом, запечатлевшим в вечности душу Алжира.

*Слово о стихотворении-элегии, известном под названиями
«Когда город был осаждён», «Арабы сказали»
или «Элегия Салих-бея»*

Элегия Салих-бея, известная в народе как «Сказали арабы», принадлежит к числу самых пронзительных и величественных творений андалузского наследия Алжира, сохранившегося в жанре константинского малуфа. Её бессмертное звучание навеки соединено с именем шейха Мухаммеда ат-Тахира аль-Фергани – мастера, вдохнувшего в неё душу, которая тревожит слушателей сквозь столетия. Однако эта поэма – не просто мелодия; это застывшая в звуке история, воскрешающая трагический удел одного из величайших правителей османского Востока.

Салих-бей, властвовавший над Константиной с 1771 по 1792 год, был не просто военачальником и наместником – он стал зодчим процветания, воз-

двигнувшим мосты между эпохами. Его деяния запечатлены в камне, пережившем века: мечеть Сиди-Кетани с медресе, возведённая в 1775 году; мост Эль-Кантра, восставший из руин древнеримской кладки; и мечеть Аннабы, украшенная цилиндрическим минаретом и башенными часами в анатолийском стиле, – все они свидетельствуют о величии его замыслов. Но эти памятники были не просто строениями; они стали отражением души правителя, которого народ любил так горячо, что память о нём пережила его самого.

Однако любовь толпы породила зависть властителей, и против Салих-бея были сплетены нити заговора в столице Алжира. Дей, поддавшись козням, повелел сместить его и назначил на его место Ибрагим-бей, поставив условие: Салих-бей должен переселиться в Алжир, забрав всё своё имущество, но при этом «арабы» – то есть коренное население – не смеют препятствовать его уходу. В этих двух стихах, что стали сердцем элегии, звучит голос народа:

*Сказали арабы: «Нет! Не отдадим
Ни Салиха, ни добра его – никому!
Сказали арабы: «Невозможно! Нет!»
О господин Салих, повелитель беев!*

Но судьба, как всегда, посмеялась над людскими расчётами. Салих-бей, не пожелавший уйти побеждённым, вероломно умертвил нового бея, и меж сторонниками его и противниками вспыхнула междоусобная брань, завершившаяся казнью Салиха на стенах константинской цитадели в 1792 году. И тогда рождается плач.

Согласно преданиям, стихи эти сложил известный арабский певец, а иные приписывают их еврейской общине из квартала Хума-эль-Мзабиль, меж Сувейкой и Баб-эль-Джабией, – тем самым людям, которым Салих-бей некогда даровал землю на улице, названной «аз-Зенка», чтобы они возвели там свои дома и лавки. Так благодеяние вернулось к нему в виде бессмертной песни скорби.

Исполнитель начинает элегию вступительным напевом, пронизанным тоской: *«О ты, чья грудь стеснилась... покуда терпение не станет им врачеванием»*, – или же иным, любовным вступлением, что повторяют мастера малуфа: *«Я скрыл свою тайну от отвергающего... до “Йа ля ля, Аиша-бея”»*. Оба вступления готовят душу слушателя к погружению в бездну печали, настраивая сердце на лад оплакивания.

А затем звучит сама элегия – вопль о коварстве мира и вероломстве обманщиков, погубивших Салиха и приведших его на виселицу.

«О душа моя, о мир, нет в тебе верности!» – восклицает поэт, и в этом возгласе – вся горечь человеческой доли. Он описывает последние минуты правителя: когда городские врата затворились, привели шауша (стражника), который вывел Салих-бея в оковах и повелел ему совершить омовление, дабы прочитать прощальную молитву перед лицом неотвратимой участи.

В финале поэт обращается к жителям Константины, призывая их облачиться в траур по своему павшему повелителю – такой же скорбный, как плач его сестры, что надела чёрное одеяние, подобное тому чёрному савану, в котором Салих предстал перед смертью. И этот призыв потряс женские сердца до глубины: они сменили белоснежные хайки на чёрные мелайи, навсегда утвердив тем самым обряд всеобщего траура, что живёт в памяти города до сих пор. Так политика убила правителя, а искусство подарило ему бессмертие, и элегия «Сказали арабы» продолжает звучать, покуда в Константине помнят, что такое любовь народа и горечь утраты.

Плач по бею: как фольклор и малуф сохранили память о правителе Константины

Тунисский писатель Ахмед аль-Хасхуси написал прекрасную, глубокую критическую статью, отличающуюся простым, всеобъемлющим и точным изложением, что свидетельствует о его глубоком знании темы. Статья посвящена жизни Салих-бея, стихотворению, сложенному о нём, а также значительному сходству между странами Магриба в культуре в целом и в музыке в частности, а кроме того – смыслу слов, схожести диалектов и близости обычаев. Эта замечательная статья была опубликована в 2026 году на бахрейнском электронном портале «Народная культура» в разделе «Народная литература», в выпуске № 55, под заголовком «Салих-бей – феномен». Мы попытаемся представить выдержки из этой статьи после их перевода на русский язык.

Молодой человек по имени Салих бен Мустафа покинул родной Измир после трагического происшествия, унёсшего жизнь одного из его друзей, который упал с высокого холма и утонул в море. По-видимому, Салих по неосторожности стал причиной смерти товарища. Он испугался, что его обвинят в умышленном убийстве, и страшился мести. Шестнадцатилетний юноша, не колеблясь, покинул родину, оставил семью и пустился в долгое морское путешествие, где его бросали из стороны в сторону переменчивые обстоятельства, пока он не оказался в одном из пригородов Алжира. Там он устроился официантом в кафе, которое часто посещали солдаты Османской империи. Юноша быстро привлёк к себе внимание благодаря своей проницательности и смелости, и некоторые посетители посоветовали ему вступить в один из янычарских оджак¹.

Салих последовал совету, вступил в янычарский корпус и провёл в нём не менее пяти лет интенсивной подготовки. С того времени он начал постепенно подниматься по военной лестнице, особенно после того, как проявил выдающиеся военные способности и незаурядные административные таланты.

¹ Следует отметить, что само слово «оджак» (Ocak) в современном турецком языке означает «очаг», а в арабизированной форме «виджак» стало обозначать военное подразделение Османской империи, членов которого называли «виджаклы» (в единственном числе – «виджаклы»).

Это привлекло внимание тогдашнего бейя Константины (Касентины) – Ахмеда Бей бен Али аль-Калли, правителя Бейлика Востока (одной из провинций Алжирского эялета), чьё правление длилось с 1756 по 1771 год. Тот назначил Салиха командующим отрядом «характа» – это было племя смешанного происхождения (одни возводили его к бану Хиляль, другие – к шавийя), но в данном контексте слово обозначает полурегулярное военное формирование, подчинённое османской администрации и известное как «махзен» или «махазния».

Вскоре бей выдал за него свою дочь и стал привлекать его к управлению государственными делами. Салих взялся за эти обязанности с твёрдой решимостью, хладнокровием и мудрым расчётом. Позже паша Алжира назначил его беём столицы Восточного бейлика, где он проявил блестящие военные и административные таланты, сумел распространить османскую власть на восточные территории и восстановить порядок после периода мятежей, которые поднимали вожди племён или самозванные святые, вроде некоего Хатиба Сиди Мухаммада аз-Завави (прозванного после смерти Сиди Мухаммадом аль-Гурабом).

Особенно прославился Салих-бей своей блестящей обороной от испанских нападений в 1775 и 1783 годах. В его правление Восточный бейлик пережил экономический и социальный расцвет, а также значительный строительный подъём, что снискало ему доверие населения, укрепило его влияние и возвеличило его имя. Он стал своего рода народным героем и защитником веры. Салих-бей правил двадцать два года – исключительно долгий срок по меркам всех константинских беев – с 1771 по 1792 год. Он не унаследовал власть, а достиг её постепенно, собственными заслугами, подавив множество мятежей и восстановив безопасность в самом обширном бейлике эялета, который простирался от тунисской границы на востоке до земель Кабилии на западе, от Средиземного моря на севере до Сахары на юге и включал крупные города, такие как Сетиф, Гельма, Аннаба, Беджая и Джиджел.

Что касается его кончины, то, по преданию, он был задушен – смерть столь же позорная, как сожжение или утопление. Весь бейлик погрузился в глубокую скорбь, ибо эта мучительная участь никак не вязалась с его военными, экономическими и строительными достижениями, равно как и с вершиной славы, которой он достиг.

Вхождение Восточного бейлика под османскую власть относится к «битве при хлопке» (Вакат аль-Кутн) между Милой и Константиной в 1555 году, хотя турки присутствовали там уже с 1535 года, однако точные обстоятельства завоевания неизвестны. Всего в этом бейлике сменилось сорок три бейя, самыми известными из которых были Салих-бей, его сын Хусейн-бей, Али-бей ибн Баба Али,

Ахмед-бей ибн Абдуллах аль-Мамлюк, Ибрагим-бей аль-Куртли и Мухаммад Мухаммади-бей ибн Хан. После падения Алжира и подписания Батненского договора с эмиром Абд аль-Кадиром османское влияние в этом бейлике заметно ослабло. Позже французы сосредоточили усилия на завоевании Восточного бейлика (Константины), которым тогда правил Ахмед-бей ибн Мухаммад аш-Шариф, и это произошло после Второй битвы при Константине в 1837 году.

***Слово о стихотворении-элегии, известном под названиями
«Когда город был осаждён», «Арабы сказали» или «Элегия Салих-бея»***

Прежде всего, следует подчеркнуть, что под термином «арабы» понимаются коренные жители или население города Константины, а под термином «город» понимается Константина.

Достоверно известно, что в последние тяжёлые годы своей жизни Салих-бей стал героем стихотворения, сложенного в народном духе, – однако автор его остаётся неизвестным. По одной версии, его сочинил бедуин; по другой – кто-то из еврейской общины Константины, учитывая, что Салих-бей благоволил к этим жителям и даже предоставил им достойные помещения в центре города.

Обстоятельства появления этой элегии нам не вполне ясны, но мы знаем, какое внимание оказали ей мастера малуфа (классической арабо-андалузской музыки). Они исполняли её снова и снова, передавая из уст в уста. Среди них: Абдельмалек Айменсурен, Бармаки Хассан, Реда Будбаг, Тауфик Туати, Секни Мухаммед, Шериф бен Раши, Аббас Риги, Мухаммед аль-Араби бен Сари, Абдельмумин бен Тубаль, Набиль Тубаль, Камаль Азиз, Мерьем бен Алляль, Хадж Мухаммед аль-Анка, Хасан аль-Анаби, Сельвен Гарнасия, Слим Феркани, Хадж Мухаммед ат-Тахир аль-Феркани, Мухаммед аль-Курд и Раймон Лерис (уроженец Константины, 27 июля 1912 – 22 июня 1961), а также многочисленные музыкальные ансамбли.

Особо почтили элегию шейхи Аннабы и Константины (ед. ч. шейх) – так в Алжире называют крупных певцов в некоторых музыкальных жанрах, например исполнителей стиля шааби или малуф, – что вполне естественно, ведь Салих-бей стал частью культурной истории этого края. Однако примечательно, что среди тех, кто оплакивал его в песне, были и шейхи Алжира, Орана и Тлемсена, причём его одинаково исполняли как мусульмане, так и евреи.

Стоит добавить, что текст варьируется от исполнителя к исполнителю. Такая подвижность свойственна фольклору, особенно когда преобладает устная передача. Кроме того, сам певец в порыве вдохновения волен менять слова, добавляя что-то от себя, полагаясь на собственную одарённость в момент наивысшего упоения музыкой – в состоянии, которое называют в музыке «султанат».

Следует помнить, что термин «султанат» означает особое душевное состояние артиста, когда он словно становится властелином мгновения: он распоряжается мелодией по своему усмотрению, отступая от привычного ритма и устоявшейся партитуры. Это чувство охватывает певца в минуты полной свободы и радости, его ещё называют «таххамуром» – крайним упоением, когда исполнитель отдаётся своей природе, таланту и воображению, меняя лады и варьируя слова до такой степени, что кажется, будто он опьянён – до того он захвачен переживанием и наслаждением (чрезмерным волнением и восторгом).

Подобно тому как поэты имеют право на художественные (поэтические) вольности, мастера малуфа обладают мелодической свободой, особенно когда поют о личной привязанности, пленяющей душу своей красотой и обаянием. Элегия дошла до нас в нескольких версиях, каждая из которых дополняет образ новыми поэтическими штрихами.

Исполнители обычно предваряли элегию другими стихами – короткими или длинными, по своему вкусу. Эти вступления выполняли роль настроя и назывались «аруби» – импровизированное речитативное вступление без чёткого ритма, созвучное основной тональности. Оно могло состоять из двух или более строк, по выбору певца.

Главная цель такой прелюдии – подготовить слушателя к атмосфере скорби, погрузить в мир утраты и переживаний. Это может быть плач по ушедшему, тоска по минувшим дням, мечта о возвращении счастливых времён, полных покоя и благоденствия, или же горечь разлуки, боль расставания, страдания от разрыва. Или же – сострадание к тому, чья душа была переполнена неотступными муками, размышление о превратностях судьбы, постигающих и властителей, и богачей, и знатных людей.

Эти вступления, с их особым содержанием и характерными напевами (не подчиняющимися строго ритму), с одной стороны, самостоятельны, но с другой – неразрывно связаны с самой элегией, ибо пробуждают печаль, волнуют чувства, трогают души и будоражат сердца.

Существует и иная форма вступления – более развитая и органичная. Она не импровизируется на ходу, а кроме того, совпадает с элегией по размеру и тональности. И хотя по содержанию она может быть любовной, её объединяет с элегией мотив жалобы и грусти, что делает их ещё более близкими и спаянными.

Тип музыки и поэтики в элегическом стихотворении «Когда город был осаждён», «Арабы сказали» или «Элегия Салих-бей»

Продолжая свою увлекательную статью под названием «Салих-бей как феномен», опубликованную в электронном журнале Бахрейна «Народная культура» (номер 35, раздел «Народная поэзия») в 2026 году, тунисский писатель Ахмад аль-Хасуаси развивает свой творческий анализ элегии, демонстрируя глубокое владение темой и всестороннее знание всех деталей этого самобытного магрибского культурного наследия, имеющего андалузские корни. Он переходит к рассмотрению музыкального ритма и поэтики, раскрывая их тайны и особенности с разных сторон. В научных целях мы предпринимаем попытку передать его высказывания, идеи и наставления на русский язык, в надежде, что русскоязычный исследователь сможет понять хотя бы малую часть того культурного разнообразия, которым обладают страны Магриба, их древности, самобытности, открытости и благородных нравов.

Саму поэму можно рассматривать с разных сторон, и, вероятно, самый доступный уровень, с которого можно начать, – это её звуковая структура, которая на первый взгляд представляет собой явную, бросающуюся в глаза особенность, поскольку краткие слоги настолько сжаты, что их почти не замечаешь из-за их скромности и малости. Их соотношение с долгими слогами составляет около пяти процентов, и они далеко уходят от средней нормы в поэзии вообще, что означает преобладание и доминирование долгих слогов.

В связи с этим исследователь отмечает, что доминирование принадлежит долгим открытым слогам – они преобладают над долгими закрытыми слогами, и эти две особенности со всей очевидностью показывают отличие общей слоговой структуры данного стихотворения от общей структуры, в которой в целом организована арабская речь: долгие открытые слоги составили долю примерно в три четверти по сравнению с долгими закрытыми слогами, что ясно свидетельствует о том, что стихотворение по своему характеру является лирическим произведением первого порядка, благодаря той мягкой и нежной форме, в которой оно создано.

Эта явная тенденция лишь усиливается и становится более отчётливой благодаря повторению подобных протяжённых слогов в определённых местах стихотворения.

Таким образом, открытые долгие слоги в этих особых позициях и в целом по стихотворению выполняют чрезвычайно важную и точную функцию – разрыхление плотного скопления согласных (несмотря на их малочисленность), облегчение их тяжёлой слитности и придание ритму речи плавности и текучести.

Анализ элегического стихотворения «Когда город был осаждён», «Арабы сказали» или «Элегия Салиха-бей»

Стоит также упомянуть, что открытый долгий слог типа «йа» обладает предрасположенностью к удлинению и способностью к растяжению, что позволяет певцу свободно опираться на них, так что ему легко вводить в слог типа «йа» всё, что внушает ему мелодия в плане увеличения длительности.

Заметно также, помимо вышесказанного, что байт (стих) в целом начинается с открытого долгого слога, или с двух открытых долгих слогов, или с трёх открытых долгих слогов и заканчивается подобным образом чаще всего, а иногда и большим их числом, что в общей структуре напоминает структуру плача-причитания.

Краткие слоги в ранее изученных образцах древней арабской поэзии составляли около 34 %, а долгие слоги – около 66 %.

В стихотворении, которое перед нами, это неравенство возрастает значительно: доля кратких слогов достигает примерно половины десятой части (5 %), тогда как долгие слоги – как закрытые, так и открытые – составляют около 95 %.

В изученных нами некоторых стихотворениях (поэмах) доля закрытых долгих слогов превышает долю открытых долгих слогов примерно на 59 % против почти 41 %. Однако в данном стихотворении произошло обратное, и пропорции изменились в пользу трёх четвертей для открытых против одной четверти для закрытых. Эта уникальная особенность способствует ещё большей мягкости и текучести, что подтверждает глубоко лирический характер стихотворения – форма, подходящая для чувств скорби, озабоченности, печали и тоски.

Общеизвестно, что арабская речь обычно организована в звуковую структуру, где долгие слоги составляют около 45 %, а краткие – около 45 % (Жан Кантено. Исследования по арабской лингвистике. С. 198).

Примеры этого в стихотворении многочисленны, и, возможно, открытые долгие слоги в конце второго полустишия превышают число три, достигая семи, как в строке стихотворения: «Йа ляй’ти хаялю ма ад йабан» (О, горе мне! Тень его больше не видна).

В стихотворении часто повторяются вздохи скорби и тоски, особенно при исполнении, и они превысили тридцать раз у каждого из исполнителей – шейха Раймона Лириса и хаджи Мухаммада ат-Тахира аль-Фаркани. Часто «йа» звательного падежа сочетается со вздохом скорби у разных артистов, и, возможно, выражение «ах» повторяется шесть раз подряд, как в исполнении Реда Будабага.

Саад Маслух в своей работе о полувзвонках смычных говорит: «Термин “полувзвонки смычные” у некоторых исследователей расширяется, чтобы включить носовые звуки, такие как мим и нун, боковые полувзвонки, такие как лям, и дрожащие полувзвонки, такие как подвижный ра» (Саад Маслух. Исследование слуха и речи. С. 204).

Сурнайя, или зурна, – это духовой музыкальный инструмент, работающий на вдувании воздуха, состоящий из двух тростей с деревянным корпусом, в который дуют через трости ртом.

Эта особенность делает содержание соответствующим форме, потому что «тот, по ком скорбят» – это личность, разлучённая с семьёй и общиной, а «то, о чём скорбят» – это разлука, которая требует зова, плача, излияния и причитания, особенно потому, что в стихотворении повторяются мотивы разлуки и чередуются значения времени, что побуждает слушателей к унынию и печали, когда они слышат стонущие слоги и эхо ностальгии.

Таким образом построена слоговая структура стихотворения как в её тексте, так и в звуковом исполнении, в котором её представили разные певцы, добавляя ряд слогов и фраз с известными слогами, дополняющими другие выразительные функции.

В качестве примера можно привести звательные «йа», как носители призывов нужды, мольбы о помощи, и можно также привести «ах» боли, скорби, страдания, сожаления и причитания. Это особенно проявляется в исполнении исполнителей малуфа и в том, что они добавляют к тексту других выразительных эффектов.

Возможно, стоит также остановиться на рифмах стихов: они основываются в своих окончаниях на определённых звуках, передаваемых буквами лям, ра и нун, которые усиливают степень звонкости по сравнению с другими звонкими буквами. Эти звуки относятся к категории полувзвонких смычных, которые создают резонанс, способный передавать звуки стонов и ностальгии – как в эмоциональном, так и в прямом смысле. Такие звуки приобретают важность сами по себе из-за своей упомянутой природы, а также дополнительную ценность, учитывая, что это последнее, что достигает слуха слушателей в конце стихов, полустиший или «ветвей» (как это называется в терминологии народной поэзии).

Нет сомнений, что характеристики, извлечённые из текста стихотворения и из его музыкального исполнения, наряду с другими особенностями, представляют собой функциональный носитель определённой цели, называемой в народном языке «ат-тахзин» (скорбное причитание), которое исполняется путём объединения слов, с одной стороны, и мелодий – с другой, когда они переплетаются и дополняют друг друга, чтобы в итоге выйти как цельное, гармоничное художественное единство, сильное по выражению, глубокое по воздействию через звон звуков и нежность эмоций.

Это слово (ат-тахзин) в употреблении идёт как масдар (отглагольное имя), хотя его словообразовательная форма не подчиняется стандартному весу масдаров, поскольку оно происходит

от неабстрактного глагола («ветвь» в терминологии народной поэзии соответствует полустишию или половине байта в древней литературе). Однако это выражение не является полностью чуждым классическому употреблению: его можно сблизить с определёнными словами, такими как тахаззун, хазанан и махзан (говорят: «такая-то причитает по своей душе» – в смысле, что она оплакивает себя. Чаще всего причитание у женщин происходит, когда они оплакивают близких, особенно ночью: они – вращая верхний жёрнов – жалуются на свою усталость и трудности или на судьбу, которая привела их к положению, в котором они оказались, – будь то замужество или изгнание).

Исследователь может перейти от лингвистического значения к терминологическому через глагол хаззана и его масдар. Говорят: «такой-то читает с причитанием», если он делает свой голос более нежным (то есть «причитающий» указывает на частоту скорби), и это означает привнесение печали в чтение. Здесь к содержательному измерению добавляется звуковое измерение, связанное с исполнением. Исходя из этого уровня, можно охватить оба аспекта причитания – как целевой, так и исполнительский.

Итак, слово «ат-тахзин», которое, возможно, пришло с арабскими племенами бану Хиляль в их эпическом переселении, является распространённым словом в Тунисе и вообще на всей территории Алжира. Мы не знаем точно, используется ли этот термин за пределами упомянутых мест. Это слово чаще употребляется в бедуинской и сельской среде, и по своему содержанию оно родственно цели элегии (риса) в классической поэзии.

Однако элегия (риса) в исследованиях древней арабской литературы, как известно, в своей основе – это панегирик, то есть пространное упоминание достоинств покойного, возвышение его положения, как будто это восхваление живого.

«Ат-тахзин» отличается от этого элегического контекста в классическом арабском языке тем, что проявляет ярко выраженное эмоционально-лирическое измерение, связанное с субъектом – тем, кто скорбит. В то время как элегия ограничивается умершим человеком, причитание выходит за пределы личности – будь то умерший или тот, кто приравнивается к умершему, – и распространяется на другие места и пространства, приближаясь – много или мало – к стоянию на развалинах и тому, что за этим следует из прощания со спутниками и плача, и, возможно, также приближается к другой поздней теме – ностальгии по родине и элегии по отечеству.

Вступление несёт в себе волю, решимость, твёрдость, готовность к стойкости, борьбе, сражению и самопожертвованию, что придаёт стихотворению заметный эпический характер. Однако вероятность того, что боевые действия дойдут до массовой гибели и падения жертв, нагромождённых друг на друга, вскоре окрашивает события в трагические тона.

Таким образом, стихотворение с обеих своих сторон пронизано печалью, изнеможением, заботой и скорбью. Остальная часть текста состоит из осаждённого города с закрытыми воротами, готовых саванов, торчащих могил, синего цвета (синевы одежды сестры Салиха, когда она окрасила своё платье в индиго) и чёрного цвета (чернота рубахи, в которую был одет Салих). Глаза – их слёзы – текущие реки и бушующие волны. Слышимые звуки колеблются между зовом и плачем, с одной стороны, и криком и причитанием – с другой, до такой степени, что проявления скорби не ограничились людьми, но перешли на неодушевлённые предметы, которые – из-за мрачности и суровости обстановки и великой скорби – стали издавать жалобные крики, как тот барабан, который вышел из своей обычной роли и изменил свою функцию с выражения побед и радости на выражение печали и горя. Что касается движения, то его основой является лихорадочная суэта: действующие лица мечутся туда-сюда между могилами и делают истерические жесты во всех направлениях.

Когда город был осаждён, ворота заперты и наступило нечто подобное великому ужасу, Салих-бей вышел с непокрытой головой, обратившись в бегство на коне. Непокрытая голова – это метафора неминуемой гибели, а обращение в бегство всадника – это символ отворота мира от бая и его эпохи. Этот мир в своём этимологическом значении, насыщенный падением, унижением и низостью, повернул вспять и обнажил своё уродливое лицо, отражая нравы противников из числа вероломных людей, у которых нет ни договора, ни клятвы, ни чести, ни защиты. Таков мир: его природа – вероломство, а нравы его обитателей из врагов – коварство, несмотря на их подтверждённые обещания и скреплённые клятвы. Именно это поразительное обстоятельство побудило поэта – как кажется – занять по отношению к миру негативную позицию, полную укора и порицания, а также унижения и презрения из-за низости и ненадёжности этого нижнего мира.

Однако Салих – несмотря на то что стражник сковал ему руки, надел на него чёрную рубашу, посадил его на повозку для перевозки покойных и призвал его совершить омовение, чтобы совершить последние молитвы и выйти на городскую площадь, готовясь встретить неизбежную судьбу, – отказался сойти со своего обычного пути и известного нрава сохранять хладнокровие и отрицать, что он из числа беглецов. Он сразу же обращается к своей семье, чтобы попрощаться, даёт последние наставления, заботясь о семье, проявляя доброту к тем, кто в доме, и извиняясь перед своими детьми. Он говорит с надеждой: если бы он знал судьбу, которая его постигла, он выбрал бы для них жизнь в пустыне, поставил бы шатёр для своих сыновей и жил бы с бедуинами, «ибо они ближе к первозданной природе и дальше от того, что оседает в душе из дурных качеств». И ему стало ясно, как и другим до него, что «жители пустыни ближе к добру, чем жители городов» – их жизнь содержит простоту, естественность, чистоту, спонтанность, щедрость и похвальные нравы, которые вызывают удовлетворение, покой, благополучие и счастье, в отличие от суеты городов, их атмосферы, наполненной ненавистью, коварством, заговорами и интригами.

И подобно тому, как поэма начиналась словами: «Сказали арабы: не отдадим Салиха и его добра», она заканчивается так же: «Сказали: Салих ушёл», первая часть – эпос, вторая – трагедия. Салих ушёл, исчез, пропал, перестал жить, и у людей не осталось иной заботы, кроме вопроса о месте его захоронения: возможно, они найдут его могилу, успокоятся в безнадёжном покое, остынут в уверенности и бросят на него прощальный взгляд, прежде чем поцеловать его правый угол в знак признательности, благодарности и верности.

Нет сомнения, что наиболее способным передать эти смыслы является побудительный стиль, который выполняет воздействующую функцию, как полагал русский лингвист Роман Якобсон. Он выражается через повеление и запрет, через зов и мольбу, через вопрос и просьбу, через вздохи сожаления о том, что прошло и миновало, сообразно движению раненой, истерзанной, сломленной души в её медленности, покачивании и шатании.

В качестве примера можно привести рефрены, повторяющиеся на протяжении всего стихотворения, такие как слова поэта: «*Йа лй'ти хаялю ма ад йабан*» (*О, горе мне! Тень его больше не видна*), или его слова: «*Руху ли-дарих йа зийара*» (*Идите к дому его, о посетители*), или его слова: «*Рухи йа д-дунья ма фик аман*» (*Прощай же, о мир, – в тебе нет защиты, Нет верности, нет покоя, нет света в зените*).

И хотя побудительный стиль, несущий трепет чувств и биение эмоций, возобладал, повествовательный стиль сжался и ограничился лишь краткими характеристиками без подробностей и развёрнутости: Салих-бай – то «аль-Мухтанир» (избранный), то «Саййид аль-кауман» (господин племён), то «Бай аль-байат» (паша пашей), то «Сиди Салих» (господин Салих). Это оставило мало места для панегирика, так как израненная душа не дала ему возможности проявиться и распространиться.

Таким образом, элемент причитания-скорби возобладал как самый заметный столп элегии. Именно в этом жанре соединились выразительные слова и проникновенные мелодии, о которых будет сказано ниже.

Поэт, кроме того, отказывается подчинить свою душу принятию реальности, завершая своё творение призывом к скорби – частной и общей: скорби потомков и скорби жителей, чьи души изжили печалью по своему народному баю, и того, что вытекает из этого положения – всеобщего траура, какого город никогда не знал. Этот город никогда не принимал правителя с такой отвагой и такой ценностью.

И удивительно, что все откликнулись на этот вечный призыв поэта – призыв, который заставил женщин облачиться в чёрное, развернув покрывала по всему байлику Востока, и побудил мужчин и женщин поминать Салиха-бая сердцами и языками, словами и чувствами, звуками и мелодиями. Эти мелодии стоит рассмотреть хотя бы кратко.

Это стихотворение было положено на лад, который в арабском Востоке называется «Хиджаз», в Тунисе – «Исба'айн» (два пальца), а в Алжире – «Махзун Зайдан» (печальный Зайдан). Этот лад, как указывает его пронизательное алжирское название, по своей особой природе передаёт жалобные смыслы и глубокие чувства печали, подобно ладу «Саба», например.

Этот лад основывается на ноте «ре» – ноте, близкой к натуральной (в смычковых инструментах она является открытой).

Плачевная песня переходит из лада Махзун Зайдан в лад «аль-Хусайн», широко распространённый в странах Магриба. Этот лад на арабском Востоке называется «Байят» или «Байяти». Лад «аль-Хусайн» также основывается на ноте «ре» – это нежная, проникновенная, приятная для души мелодия, которая передаёт тонкие чувства и выражает смыслы сочувствия, благосклонности, привязанности и нежности.

Что касается музыкального размера, то он относится к типу 6/4, что соответствует ритму «Дум с Дум / Так с Так», и в Тунисе называется «аль-Мудаввар хаузи». Это простой, монотонный ритм, который пульсирует вместе с биением чувств и соответствует медленному движению скорбящей души, шатающейся, покачивающейся, отягощённой печалью и скорбями.

Исследователь не может пренебречь ролью музыкальной оркестровки. Мелодия исполняется – как вокально, так и инструментально – помимо едва заметного здесь ритма, струнными и духовыми инструментами.

Однако то, что привлекает внимание в песне о Салихе-бае, – это то, что шаббаба (флейта), или най, или «аль-Фахль» (как говорят на местном языке) исчезли, уступив место инструменту «зурна». Это духовой инструмент с мощным, чистым, звонким звуком, используемый особенно в официальных церемониях, которые обычно обеспечивают военные оркестры со своими особыми инструментами. Зурна также используется на общественных социальных мероприятиях, открытых для публики, таких как вход жениха – как, например, знаменитый «вход в Константину», считающийся важнейшей частью празднования.

Зурна – в отличие от других духовых инструментов, используемых в собраниях, салонах и закрытых помещениях вообще, – больше подходит для исполнения на открытом воздухе, на городских площадях и в открытых пространствах. Это и есть место действия: официальная музыка, сопровождающая с достоинством выдающегося народного героя и провожающая в величии истинного мученика, чтобы, возможно, быть вознесённым в рай вечности, так как люди верили в его совершенство.

Таков был этот человек – и такова часть его истории. И если поэт сказал о нём, отрицая и удивляясь: «Какой бай может заменить Салиха?», то другой может сказать: какой человек может заменить Салиха и занимать людей до такой степени, владеть их чувствами, душами, умами, совестью, памятью и сердцами так, как он владел разными сферами и пространствами – как материальными, так и духовными?

Примечательно, что говорят, будто стихотворение было написано неизвестным арабским поэтом, а некоторые приписывают его авторство еврейской общине, проживавшей в квартале «Хаумат аль-Мазабиль» (букв. «квартал мусорных куч») в районе между Сувейкой и Баб-аль-Джабией. Правитель Салих-бей предоставил им участок земли в местности, называемой «аш-Шари» (улица), чтобы они построили там свои дома и лавки.

При этом было заключено предварительное соглашение о том, что Салих-бей переедет в столицу Алжира и заберёт с собой всё своё имущество, не встречая противодействия со стороны арабов, то есть местного населения. Это отражено в двух стихотворных строках (бейтах):

*Сказали арабы: «Нет! Не отдадим ни Салиха,
ни добра его – никому!»
Сказали арабы: «Невозможно! Нет!»
О господин Салих, повелитель беев!*

Однако Салих-бей вероломно убил нового бея, что вызвало междоусобную войну между его сторонниками и противниками. Она завершилась приведением смертного приговора в отношении него в Касбе города Константина в 1792 году.

Элегия

Я тайну скрыл от чуждых глаз – и спит она
в груди,
Но сон бежит от век моих, покой не приходи.
Моя газель, я клятву дал – тебя не предавать,
И не предал мой счастливый рок, храня
благодать.

Разлука с той, кого люблю, – мне ноша тяжела,
О госпожа моя, скажи, что даст мне сил
терпеть до зла?

Твоя щека – луна, что светит ярко в темноте,
В ночь, где луне четырнадцать – и светит лишь
тебе.

Твой стан – как кипарис в ночи,
Когда ветер дохнёт – он клонит плечи.
Газель моя, очей твоих лучи –
Без них нет выхода, нет встречи.

О Ямьна, говори без лжи –
То весть о тебе, иль ложь, иль миражи?
На платье «Хули» – чёрный след упал,
Иль плащ «аль-Китати» печалью стал?

От тебя мой разум воспылал, о Ямьна,
Ушло время, не вернуть, не минуть.
Мечтаю видеть – сердце рвётся во мне,
Терпенье кончилось – и я в огне.

К отцу твоему взываю в час заката,
Умоляю – приди, когда вечер сжал объятья.
Вот я молю тебя, о благородная моя, пред тобой,
О Аиша-бей, будь со мной!

О терпенье моё, как я крепок в бедах!
Сколько мук я познал, сколько горьких следов!
Мирские заботы – богатство и брат –
Лишь тени, что тают среди облаков,
И те, что с тобой, и те, что со мной, –
Мы терпим боль от множества бед и потерь.
Ты же себя высоко ценишь,
А сердце моё – в огне любви к тебе, теперь.

О санджак-бей над всею страной,
Ты – мой реди, ты – шея из хрусталя!
Твой род – моя мука, о пройдоха, предо мной,
Они не дают мне тебя – и я один в поле.

Как же я оставлю тебя, чтоб они насмехались,
Что ты – моя, что я влюблён в тебя?
Ведь сердце моё – в твоём пламени, не устало,
Я сгораю, любя, до самого дна!

О павлинёнок мой, я куплю тебе жаббу,
С двумя парами браслетов – на запястья и ноги,
Серебро весом в ритль, что доходит
до щиколоток,
И хозам с двумя ликами, с резьбой
из Константины, –

Всё для тебя, о свет моей единой!
Я влюблён в тебя, сгораю дотла,
Ты – царица моего сердца, моя душа!

Сказали арабы: «Нет! Не отдадим
Ни Салиха, ни добра его – никому!
Пусть даже убьют нас – и кровь до колен
Дойдёт, но не сдадимся мы никому!»

Ты сгубила меня, о тонкоклыкая,
Чей клык – словно месяц в ночи!

Сказали арабы: «Невозможно! Нет!»
О господин Салих, повелитель беев!

Всё это от Аллаха – так было суждено,
Удар Его – предопределённое звено.
Мы принимаем смиренно, покорно,
Без ропота, с верой в Него.
Идите же к дому его, о посетители.

Ради Аллаха, о путник, скажи мне, прошу:
Почему эти барабаны так громко звучат?
Ради того, кто дорог сердцу – владыки племён,
О, горе мне! Тень его больше не видна.

Прощай же, о мир, – в тебе нет защиты,
Нет верности, нет покоя, нет света в зените.

Сказал араб: «О господин Салих,
За что же тебя убивают?»
Мы выкупим тебя золотом,
Но гонец не вернулся с вестью –
Идите же к дому его, о посетители.

Когда вынесли его в час вечерний
И люди вокруг стояли в смятенье,
Глашатай взывал на четыре стороны:
«О, горе мне! Тень его больше не видна!

Прощай же, о мир, – в тебе нет защиты,
Нет верности, нет покоя, нет света в зените.

Я вышел, исполненный верой и светом,
Мне дали охрану – и предали в этом,
А саван мой был уже сшит заранее.

Но вестник не прибыл с вестью,
Ступайте же к дому его, о посетители.
Идите и сами узрите.

О отец мой, хаджи, возвысь свой взор,
Взгляни, что свершилось с твоим народом.
Ради того, кто дорог сердцу – владыки племён,
О, горе мне! Тень его больше не видна.

Прощай же, о мир, – в тебе нет защиты,
Нет верности, нет покоя, нет света в зените.

Приблизился я к Алжиру – и не узнал,
Что стало с сердцем, где покой пропал.
Бей сменились – Барахм-бей у власти,

Ступайте же к дому его, о посетители.
Идите и сами увидите, что там.

Когда его подняли на повозку
И он был облачён в свой тесный саван,
Глашатай взывал на четыре стороны:
«О, горе мне! Тень его навеки пропала!»

Прощай же, о мир, – в тебе нет защиты,
Нет верности, нет покоя, нет света в зените.

О вы, седельщики, –
Слёзы льются рекой, и сердце полно тоски.

Двери закрыты пред нами навечно,
Нет милости к тем, кто был в мире беспечен.
Ступайте же к дому его, о посетители.

О мать скорбящая, что ты свершила?
Среди могил – о ком ты завывала?
Слезам своими ты волны считала,

Посланца моего ты в смятенье ввергала,
И тьма наступала, и сердце страдало.

Прощай, о мир, – в тебе нет защиты,
Нет верности, нет покоя, нет света в зените.

Когда город осадили и закрыли ворота,
Салих бежал, истекая кровью,
с непокрытой главою.

Стражник схватил его и оковы надел,
Сказали: «Омойся, Салих, и выйди на площадь –
твой час настал».

Сказал Салих в душе: «Если б знал я заранее,
Не стал бы жить в городах,
среди каменных стен,
Поставил бы шатёр для детей и ушёл бы
в пустыню к бедуинам.

Дайте взглянуть на сыновей – я не сбегу!»
Задушили его шёлковым платком, и слёзы его
лились рекой.

«О Хаммуда, сын мой, храни наш очаг!
Не вините меня, дети мои, – такова судьба,
врата огня».

Когда в дом его ворвались, казну разграбили,
Золото, жемчуг и слуг – всё забрали.

Сказали: «Салих ушёл. Покажите мне гробницу,
о господи,
Чтоб я увидел и сердцем успокоился».

И ветры завывали... и я припал к земле,
Какой же бей теперь заменит Салиха? –
Никто, никто, увы, в этой мгле!

Берега культуры и искусства

Ольга Горбунова

Продюсер и специалист по коммуникациям в сфере культуры и креативных индустрий. Имеет медицинское образование и профессиональную подготовку в сфере театра и кино. Работает над федеральным культурно-туристическим проектом «Ангельский пояс России». Создаёт и реализует культурные, кино- и фестивальные проекты. Участвует в разработке и продвижении проектов на стыке культуры, городской среды, туризма и креативной экономики. Автор и продюсер собственных кинопроектов. Развивает проекты, направленные на создание новых культурных точек притяжения и развитие территорий.

ПРОЕКТ «АНГЕЛЬСКИЙ ПОЯС РОССИИ»

В Ярославле открылась первая «Улица Ангела» – начало большого всероссийского маршрута. 4 июля 2026 года в Ярославле в рамках XXI Международного кинофестиваля «В кругу семьи» открылась первая «Улица Ангела» – стартовая точка федерального проекта «Ангельский пояс России». Проект объединяет кино, культуру, туризм и развитие общественных пространств и постепенно должен превратить отдельные городские территории в единый маршрут, проходящий через города России.

История «Ангельского пояса России» началась с фильма «Улица Ангела», режиссёром и автором идеи которого является Александр Ковтунец. Но постепенно замысел вышел за пределы киноэкрана. Ангел из фильма стал символом гораздо более масштабной идеи – создания в российских городах особых пространств, посвящённых семье, добру, любви, заботе и человеческому общению. Первой такой площадкой стал Ярославль.

Не просто улица, а пространство для чуда. «Улица Ангела» расположилась на улице Нахимова, в исторической части города. Её появление стало одним из центральных событий XXI Международного кинофестиваля «В кругу семьи». При этом создатели проекта сознательно отказались от привычного подхода к благоустройству, когда пространство сразу получает законченный вид и больше практически не меняется. «Улица Ангела» задумана как пространство, которое продолжает жить и развиваться. Время от времени здесь будут появляться новые объекты: скульптуры, инсталляции и арт-объекты. При этом в саму архитектуру пространства закладывается идея неожиданного чуда. Александр Ковтунец, автор идеи и режиссёр фильма «Улица Ангела», объясняет:

«Мы не строим улицу как завершённый проект. Мы запускаем традицию. Объекты будут появляться не по графику, а как будто сами собой. Мы не будем анонсировать, когда и что появится. Просто однажды придёшь, а там уже стоит ангел. Потому что чудеса не случаются по расписанию. Они приходят, когда мы меньше всего их ждём».

Первые объекты. Первым объектом «Улицы Ангела» стала скамья главного героя фильма – та самая, на которой персонаж оказывается в момент принятия важнейшего решения в своей жизни. В контексте фильма это не просто предмет городской мебели. Это место остановки и внутреннего диалога, возможность на несколько минут отойти от повседневной суеты и услышать самого себя. На улице появились и другие объекты, продолжающие эту идею. «Часы добрых дел» предлагают посетителям задания на каждый час – простые действия, которые можно совершить для другого человека. Это попытка вернуть добрые поступки из области абстрактных пожеланий в повседневную жизнь. Рядом расположено зеркало. Оно становится своеобразным приглашением посмотреть не только на своё отражение, но и внутрь себя: вспомнить, сколько в человеке любви, тепла и способности делать добро. Таким образом, арт-объекты здесь не существуют сами по себе. Каждый из них связан с определённой эмоцией, действием или внутренним вопросом.

Ангел, который будет разным в каждом городе. Одной из главных особенностей «Ангельского пояса России» станет уникальная скульптура Ангела в каждом городе. Проект не предполагает создание одинаковых копий одного и того же памятника. Каждый Ангел должен быть связан с конкретным местом, его историей, культурой, людьми и образом города. Поэтому будущие «Улицы Ангела» будут похожи друг на друга не внешним оформлением, а общей философией. У каждого города появится возможность рассказать свою собственную историю через образ Ангела. Так постепенно должна сформироваться своеобразная карта страны, где каждая точка маршрута будет самостоятельной, но при этом частью единого «Ангельского пояса».

От кино – к городской среде. В этом заключается одна из принципиальных особенностей проекта. «Ангельский пояс России» не является исключительно туристическим маршрутом или серией памятников. Его задача – соединить культурное содержание и реальную городскую среду. Кино становится отправной точкой, а общественное пространство – продолжением истории за пределами экрана. Человек может сначала увидеть фильм, затем приехать в город, найти «Улицу Ангела», увидеть знакомые образы, узнать историю конкретного места, а затем продолжить путешествие по другим городам, уже понимая, что в каждом из них его ждёт новая история. Таким образом, проект может работать одновременно как культурная инициатива, туристический маршрут и инструмент развития общественных пространств.

Семья – центр проекта. Проект создаётся в рамках Общенациональной программы «В кругу семьи», поэтому тема семейных ценностей заложена в его основу. «Улица Ангела» не предполагает назидательного разговора о семье. Напротив, пространство должно создавать условия, в которых семья может просто быть вместе. Сесть на скамью. Поговорить. Сделать что-то доброе. Посмотреть на город. Остановиться на несколько минут. В этом смысле проект работает с очень простым, но важным дефицитом современной городской жизни – дефицитом времени и внимания друг к другу. Общественное пространство становится не только территорией благоустройства, но и местом человеческого общения.

Ярославль как первая точка. Выбор Ярославля для запуска проекта не случаен. Город является одним из центров российского культурного и туристического пространства и входит в исторический маршрут Золотого кольца России. Здесь особенно органично соединились кинофестиваль, историческая городская среда и идея нового общественного пространства. Открытие первой «Улицы Ангела» состоялось 4 июля в рамках XXI Международного кинофестиваля «В кругу семьи». Поддержку реализации проекта оказали губернатор Ярославской области Михаил Яковлевич Евраев и Государственная корпорация «Ростех».

От фильма к реальной жизни. В основе проекта лежит фильм «Улица Ангела», который осенью 2026 года выйдет в российский прокат. Главный герой картины – Ангел Серафим, который много лет выполнял свою работу, но в какой-то момент столкнулся с тем, с чем может столкнуться и обычный человек, с выгоранием. Не получив положенной ему «ангельской пенсии», Серафим передаёт свои сверхъестественные способности мальчику Алёше, а сам становится обычным человеком. Так начинается история двух героев, которые оказываются по разные стороны одного опыта. Алёша получает способности, которыми совершенно не умеет пользоваться, и вместе с ними на него неожиданно обрушивается ответственность. Серафим, напротив, лишается того, что всегда определяло его жизнь, и впервые оказывается в положении обычного человека. Один учится жить с возможностями, которых раньше у него не было, а другой – видеть жизнь без тех возможностей, которые считал естественной частью себя. Через эту историю фильм говорит о гораздо более земных вещах: о выгорании, выборе, ответственности, способности замечать других людей и ценить то, что кажется привычным. И о том, что иногда, чтобы по-настоящему понять жизнь, человеку необходимо посмотреть на неё с другой стороны.

Именно эта идея продолжается в «Ангельском поясе России»: ангел из фильма выходит за пределы экрана и становится символом, который появляется уже в реальном городском пространстве. Каждый новый объект проекта должен напоминать о возможности остановиться, посмотреть на привычный мир иначе и заметить то доброе, что обычно проходит мимо нашего внимания.

Берега культуры и искусства

Никола Р. Казански

Доцент, доктор филологических наук. Болгарская академия наук.

ЦАРЬ ЗНАЕТ МНОГО, КНЯЗЬ ОДНО – НО ВАЖНОЕ...

Житейская философия князя Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского

09.06.2026

Πόλλ' οἶδ' ἀλώπηξ, ἀλλ' ἐχῖνος ἔν μέγα.
Много знает лиса, ёж одно – но важное.

Архилох Паросский

Многое было сказано и написано об удивительной жизни и судьбе русского князя Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского. Ему уже за девяносто, но он бодро и неустанно напоминает нам, что всё в его жизни могло быть иначе.

Успел он выжить в жерновах сталинского Молоха, хоть потерял своего отца и мать.

Преуспел в сатанинской гонке за успехом в ханжеском обществе желтого дьявола.

Всегда любил и был любимым.

Посвятил свою жизнь сохранению и воскрешению русского искусства в изгнании.

Какой секрет его успеха во всех начинаниях?

Хоть и это звучит предвзято, но явно в нём проявляются в полной силе живые дрожжи Рюриковичей, смекалка и целеустремленность князей Лобановых-Ростовских, таких как шустрый переговорщик с Наполеоном Дмитрий Иванович и сверхуспешный дипломат и министр внешних дел Алексей Борисович.

Он один из тех редких архитекторов русскости, который уцелел чудом после криминальной вакханалии октябрьской «кроволюции» и тоталитарного ленинского «рая» на Земле. Всё прошло, как по Достоевскому, «от благодарных бесов».

Итак, подытожим результаты этого исторического эксперимента.

У большевистской власти не было любви ни к народу, ни к Родине.

И. С. Шмелёв

Власть – Советам!

Партийная верхушка получала неслыханные привилегии взамен того, что творила беспредел...

Мир – народам!

В результате гражданской и межнациональной бойни погибли свыше 10 миллионов людей (больше, чем все потери в Первой мировой войне). Миллионы погибли в расказачивании, раскулачивании, расхристовании и прочих больших «переломах».

Земля – крестьянам!

Не только превратили хлебобобов в государственных крепостных, но и отправили самых удачных из них туда, «куда Макар телят не гонял».

Изгнание интеллигенции

После 1917 года было вышвырнуто из страны более 5 миллионов образованных и православных русских людей за границу. Из них не менее чем 10 тысяч были русскими учёными, из которых – сотни великих и десятки гениальных... Русские профессора наполнили на чужбине кафедры и университеты.

В мировой истории нет явления по масштабу и культурному значению сравнимого с первой, послеоктябрьской, волной русской эмиграции. Великая страна, в роковой период своего развития, породила и великую эмиграцию. Русское рассеяние в мире стало уникальным опытом. Русская культура эмиграции – в своих великих и скромных проявлениях – познакомила весь мир с русскими художественными ценностями.

Может ли любовь к оставленной родине стать программой? Как показала и доказала русская эмиграция XX века – может! Сохранение традиционных культурных и духовных ценностей, русского языка и «русскости» стало не признаком национальности, а состоянием духа русских людей на чужбине. Миссия русской эмиграции состояла в сохранении преемственности по отношению к исторической России. В эмиграции они создали мощные интеллектуальные центры в Берлине, Праге и Париже, сохранив и развив традиции русской религиозной и социально-политической мысли. Среди них были Николай Бердяев, Николай Лосский, Георгий Федотов, Иван Ильин, Иван Лапшин, Лев Карсавин, Лев Шестов, Пётр Савицкий, Пётр Струве, Семён Франк, Сергей Булгаков, Сергей Трубецкой, Фёдор Степун, Борис Вышеславцев и другие.

Русская идея как цивилизационная парадигма

На плечах этих атлантов и особенно сородича Никиты Дмитриевича, философа и богослова Николая Арсеньева (1888–1977), Никита Лобанов-Ростовский спонтанно пришёл к русской идее как цивилизационной парадигме. Он считал необходимым реабилитацию ценностей монархизма и обоснование русского национализма и патриотизма, которые он рассматривал не как политико-идеологические, а как духовно-культурные явления. Для него русская идея – совокупность понятий, выражающих историческое своеобразие и особое призвание русского народа. Этим подчёркивается вселенский характер русской идеи, её соборность и универсализм.

Как в то время справлялся с трудностями наш юный князь?

Семья князей Лобановых-Ростовских оказалась в Болгарском царстве с 1920 года. Их первенец на земле болгарской Никита родился в Софии 6 января 1935 года.

Приход «сталинских опричников» в 1944 году и предательство Западом белогвардейцев в Болгарии привели к незаконному и архимерзкому убийству отца Никиты – князя Дмитрия в 1948 году.

А как в то время справлялся с трудностями жизни наш юный князь? После почти года в тюрьме 11-летним мальчиком (sic!) он стал чемпионом Болгарии по плаванию брассом на 100 и 200 м.

Принц Майкл Кентский и Никита Лобанов-Ростовский. Лондон, 2022 г.

В 1951 году – заядлым геологом. И когда вездесущие органы намеревались всё-таки его сгубить, в 1953 году. Никита был вызволен из «пекельного царства» благодаря русским героям Франции – Николаю Вырубову (1914–2009) и известному писателю Ромену Гари (1914–1980).

Потом были Оксфорд, Европа, Америка, Аргентина, Иран, Афганистан и пр. Были ещё принц Майкл Кентский, барон Эдуард Фальц-Фейн, лорд Джейкоб Ротшильд, сэр Иэн Ранкин, лорд Рэймонд Эскуит, сэр Филипп Оппенгеймер, лорд Грэй Гаури, маркиз Монтебелло, принц Хасан бин Талал, Абделкадер Бенслиман, Хасан Бенжелюн, Усама бен Ладен, Амир Аббас Ховейда, Джамшид Амузегар, Фарман Фармаян, Тедди Доу...

За всем этим базаром чужеземных имён подчас не видишь самого русского князя. А именно русским всегда являлся Никита Лобанов-Ростовский. Он придерживался плюрализма ценностей и, как адепт сэра Исайи Берлина, всегда исповедовал максиму лорда Актона: *«Власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно»*...

Конечно, Никита Лобанов не был «настоящим философом» (в академическом смысле), но он мог спокойно сказать, как Григорий Сковорода (двоюродный прадед русского философа Владимира Соловьёва): *«Мир ловил меня, но не поймал»*...

Его ведущая апофтегма – это афоризм Гиппократы *«Ars longa, vita brevis»* (Искусство вечно, жизнь коротка). Его судьбой стало собирание русской театральной живописи Серебряного века за рубежом. Он занял прочное место в пантеоне «небожителей русского коллекционерства». Дело в том, что творения незаурядных русских художников за границей были не только образцами самой высокой живописи и мастерства художества, но они стали и основой новых школ, направлений и тенденций современного мирового искусства в целом. Надо прямо сказать, что собирательская миссия Никиты Лобанова-Ростовского – поистине ренессансного размаха и величины. Его коллекция включает свыше 1100 артефактов кисти 177 русских художников.

По этому поводу американский искусствовед, профессор Джон Боулт, пишет: *«Собрание Лобановых стало своеобразным хранилищем многих культурных ценностей, спасённых ими от неминуемого разрушения и забвения. Эрудиция и энтузиазм супругов Лобановых-Ростовских вывели из забвения многие имена художников и их достижения. Только фанатическая преданность делу сохранения памятников русского искусства, страстная любовь к нему могли вдохновить на такое трудное дело, как создание этой уникальной коллекции»*.

Свыше 950 предметов коллекции обрели постоянное место в Санкт-Петербургском государственном музее театрального и музыкального искусства. Таким образом, в музейные фонды России вошло самое крупное в мире частное собрание произведений театрально-декорационного искусства. Коллекция также значима тем, что она представляет все течения модернизма в русской живописи, многие из которых зародились на сцене, такие как супрематизм и конструктивизм.

Несмотря на место своего рождения, князь всегда ощущал себя человеком сугубо русским. Он не раз говорил и писал, что более всего на этом свете любит и ценит русский язык и русскую старину. Его историческая миссия – быть хранителем русскости на чужбине. Будучи эмигрантом, он не только сохранил, но и пронёс через леса, поля, моря и эпохи русский мелос и русскую душу... Он один из тех, кто излучает вокруг себя необыкновенный свет не вечерний. Князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский является ярким символом России, той, которую мы потеряли и, наконец, потеряли в поисках сатанинского «рая» на земле.

Нам бы всем у него «учиться, учиться и ещё раз учиться»! Но, как хорошо известно, люди не любят учиться, зато всегда наступают на одни и те же грабли...

А достаточно знать, помнить и соблюдать только одно:

***Поверх всяких Россий,
есть одна незабываемая РОССИЯ...***

(Николай Рерих, 1936 г.)

Берега Туркменистана

Современные поэты Туркменистана в переводе Андрея Новикова

Андрей Вячеславович Новиков, г. Липецк. Окончил Литературный институт им. М. А. Горького. Автор девяти книг стихов и прозы. Лауреат православной Филофеевской литературной премии, VI открытой Международной Южно-Уральской литературной премии, Липецкой областной премии им. И. А. Бунина, Международной литературной премии «Форпост» им. Сергея Короткова, Всероссийской литературной премии им. Александра Маздорфа, премии «Золотое перо Руси».

Мукам Бекгылыджов

Мукам Бекгылыджов – молодой поэт. Родился в г. Мары. В 2023 году поступил на факультет филологии Туркменского государственного университета им. Махтумкули. Лауреат литературной премии им. Махтумкули Союза молодёжи Туркменистана.

БОТАНИК

Любовь – чинара, а я – листья,
Не отделяюсь от ствола...
Пришли навязчивые мысли,
А где любимая была?

Жить без тебя несносно, трудно,
Но, несмотря на боль утрат,
Поэт надеется на чудо,
Терзает чувства невпопад.

От красоты твоей не спится,
Стихи не покидают уст.
А если мне уйти случится,
Создай гербарий прежних чувств.

ПЕРЕВОДЧИЦА

Переводчица моя, понимаешь ли чувства,
Что явил не тая, а без них в жизни пусто.
Как же быть без тебя, я отныне не знаю,
Жить нельзя не любя, без тебя, замерзаю.
Понимают глаза больше слов. И отныне
Быть капризной нельзя, или чувства остынут.
Есть от музыки дня отзвук тихой печали,
Никого не виня, оказаться вначале.
Радость этим строкам, и они дорогие...
Изменился Мукам, что не видят другие.
Смысл добавь, но тогда приоткрой жизни дверцу.
Будь со мной навсегда. Переводчица сердца.

ОБИДА

Теперь я устал и смирился с разлукой,
Как палкой побитый обиженный пёс,
Терзаемый страстью и сильною мукой,
Не ведаю сам, как её перенёс.

Войти бы мне нитью в железное ушко
Капризной и острой иголки – судьбы.
Порядок обыденной жизни нарушен,
Осталось одно – уповать на мольбы.

Я целыми днями слоняюсь угрюмо,
Разбитое зеркало вновь не собрать.
Как жить без тебя? Невесёлые думы,
Осталось одно – сожалеть и страдать.

Вернутся ли чувства? Предательски высох
Мой внутренний мир, отзываться не стал.
Смирившись с разлукой, изведавший лиха,
И честно сказать – я смертельно устал!

Берега Туркменистана

Акджагуль Аллабердиева

Акджагуль Аллабердиева – родилась в городе Мукры района Кугитдаг Туркменистана. В 1982 году окончила историко-филологический факультет государственного педагогического института им. С. Сейди. Печатается с 1977 года. Работает в Государственной издательской службе Туркменистана.

ОСТАВЬ МЕНЯ

Закатом чувства не восполнить,
Устала от нелёгких дум.
Хочу, чтобы любил и помнил,
Как пленённый пустыней Меджнун!

Воспоминанья в себе берегли,
Как умели и как могли.
Люби, как когда-то Махтумкули
Свою несравненную Менгли¹.

Нежное слово имеет вес,
Чувствами сильными будь горяч.
Так любил Молланепес²,
Обожествивший Бостантач.

Люби назло сплетникам всем,
Не замечая людской хулы.
Люби, как Гариб Шасенем³,
Люби, как Керем Аслы⁴!

ИСКАЛА ТЕБЯ

У влюблённого Млечного Пути,
У влюблённого Меджнуна⁵,
Я спросила – ответов теперь не найти,
Средь вселенского долгого шума.

Ты словно восход, осветивший простор.
Дающий надежды, тревожащий думы.
Чудесным мгновеньем живу до сих пор,
Искала тебя средь вселенского шума.

В кольцо обручальное камень вправь,
А я журавлём улетаю бездумно.
Ты сам в одиночестве этом неправ,
Искала тебя средь вселенского шума.

Волнует далёкое имя твоё,
Колотится сердце порой неразумно.
Зачем так жестоко моё бытие?
Искала тебя средь вселенского шума.

Будь утром свежайшим для жизни моей,
Реши, что сегодня задумал.
Скорей ожиданье любви отогрей.
Искала тебя средь вселенского шума.

ДОБРЫЕ ЛЮДИ

Если тревожно, боязно ночью,
Следом пришли боль и печаль,
Добрые люди помогут точно,
Деликатно, как невзначай.

Если осудят внезапным злословьем,
Станет дорога крута и трудна,
Кто-то с участием придёт и любовью,
Добрые люди помогут сполна.

Каждый родившийся, будь справедливым,
Злость утечёт, как гнилая вода,
И постарайся остаться счастливым,
Добрые люди помогут всегда.

¹ Менгли – возлюбленная великого туркменского поэта Махтумкули Фраги, ставшая символом его трагической любви и музой многих лирических стихотворений.

² Молланепес (1810–1862 или около 1875), туркменский поэт.

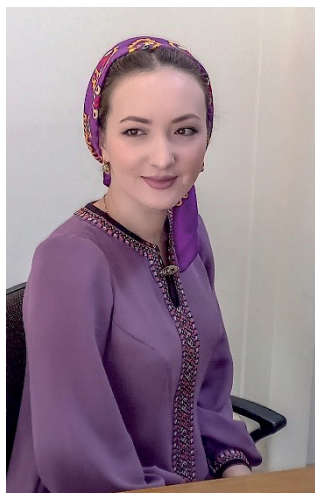
³ Шасенем и Гариб – туркменский народный дастан, рассказывающий о любви Шасенем, дочери шаха, и Гариба, сына его визиря.

⁴ Асли и Керем – анонимный романтический дастан, в котором воспевается любовь между мусульманином Кырамом и армянкой Асли.

⁵ Меджнун (араб. «одержимый», «безумец») – прозвище Кайса ибн аль-Мулаваха, легендарного арабского поэта VII века, ставшего символом абсолютной, жертвенной любви на Востоке.

Берега Туркменистана

Зулейха Гулова

Зулейха Гулова – родилась в Ашхабаде, окончила библиотечный факультет Туркменского государственного института культуры. С 2020 года работает переводчицей в журнале «Дунья адабият». Со школьных лет регулярно печатается в газетах и журналах.

ТУРКМЕНСКИЙ КОВЁР

С неба ниспослано дивное чудо,
Вышитый солнцем, пленяющий взор,
В свете эпох он известен повсюду,
Гордость народа – туркменский ковёр.

Сложным искусством туркменских красавиц
Он предстаёт и манит до сих пор.
Музыка в нём и божественный танец,
Мир покоряет туркменский ковёр.

Тайны веков раскрывают узоры
И золотят эту музыку сфер.
Он отразил и пустыню и горы,
Смысл нашей жизни – туркменский ковёр.

Каждый стежок шелковистою нитью –
Зелень полей и морей синева,
Жёлтое солнце и белая птица
Или тюльпаны на ложе ковра.

Нити твои, словно струны дутара,
Звонкой весной загляни поутру.
И аксакалы в преданиях старых
Чечь воздавали и славу ковру.

Мы почитаем живую легенду,
Выше Вселенной ковёр распростёрт!
Соткан туркменками в светлой надежде,
В мире известен туркменский ковёр.

ПРАЗДНИЧНЫЙ ПЛАТОК

У весны красивый платок,
Отороченный щедро цветами.
Я надену его, за порог
Выйду, время в дорогу поманит.

Как сегодня цветы хороши!
Постелить бы платком наши степи.
Повязать его дай, не спеши,
Продлевай этот день в благолепье.

Есть немало платков у меня,
Но они не сравнятся с тобою.
Я возьму его, праздник храня,
И оденусь во всё голубое.

Мне сегодня совсем не до сна,
Если есть у меня сокровенное.
Так отдай мне платок свой, весна!
Я приму только самое ценное.

СЕСТРА

В поисках счастья девчонка из рая,
Самая близкая в мире, сестра.
Радость и боль я твои разделяю,
Знаю, что сердцем добра и мудра.

Солнце лучами землю осветит,
Так лучезарны поступки твои.
Пусть же достойный на чувства ответит,
Ты заслужила великой любви.

Был День рожденья, тебя окружили
Наши подруги, подарки даря.
Белые лебеди, лёгкие крылья,
Годы идут, за себя говоря.

Что б ни случилось, мы грезим мечтами,
Пусть они сбудутся, будет им срок.
Праздник сегодня украшен цветами,
В этом букете ты первый цветок.

Берега Туркменистана

Мамметгурбан Мамметгурбанов

Мамметгурбан Мамметгурбанов в 1987 году окончил факультет журналистики Государственного университета Санкт-Петербурга. Поэт, писатель, драматург. Его сборники стихов «Тетрадь молодости», «Мальчик и девочка», «Влюблённые», а также романы «Сердце тебя просит», «Между трёх миров» давно стали библиотечной редкостью. Драммы «Материнское сердце», «Струны души», «Счастье туркмен» идут на сцене Государственного русского драматического театра им. Пушкина. Один из ярких представителей сегодняшней туркменской литературы.

ДЛЯ ТЕБЯ

Шагаю к тебе,
Мои шаги для тебя.
Оглянусь любя,
Шаги – к судьбе.
Искра нужна для огня,
Молодости азарт.
Сердце заполонив,
Песни тебе звучат.
Если в горах любовь,
Трудности наяву.
Боль расставанья вновь
Тихо переживу.
Вдоль берегов реки
Строен деревьев ряд.
Помыслы высоки
И за себя говорят.
Раннее утро пусть
Верность мою хранит.
И высота моих чувств
Устремлена в зенит.
Сердце ответа ждёт
В медленной дней череде.
Мамметгурбан воспоёт
Песнь о твоей красоте!

ЗНАЕШЬ ЛИ?

Каждый день и музыка, и песня
Превращают нашу жизнь в весну.
Счастье близко, время интересней,
Отстранишься? Я опять взгрустну.
Если тихо утираешь слёзы,
Я печаль не в силах исцелить.
Исцеленья ненадёжны грёзы,
Жизненный урок не отменить.

Потому печали не угасли
Вопреки сочувствию друзей.
Гордость перемешана со страстью,
Или же сама в плену страстей.
Я искал напрасно птицу счастья,
Тем спасибо, кто меня принял.
Стал сосредоточен и участлив,
Никогда себе не изменял.
Кто уйдёт, а кто и возвратится,
Спросит тех, дорогу кто узнал.
Не устану к лучшему стремиться,
Я иного и не принимал.
Рок Мамметгурбан стучится в двери,
Радость и печаль чередой в судьбе.
Остаётся лишь любить и верить,
Постоянно помня о тебе.

ТВОЙ ОКЕАН

Смотришь на меня глазами океана,
Очарован я движением волны.
Выхожу на берег постоянно
И пленён масштабом синевы.
Свежестью тянет настойчивый ветер,
Мысли тревожны опять о тебе,
Облик твой неуловимостью светел,
Я всё равно благодарен судьбе.
Что я ищу? Глубину откровенья,
Непостижимо качает волна.
Лишь улыбнись – горизонта явление
Дарит надежду и веру сполна.
Чувств океан величав, бесконечен,
Выйти нельзя без потерь из него.
Равная мне, принимаю сердечно,
Благодарю в каждом прожитом дне.
Плотным ковром из любви и доверья,
Нежность обнимет загадками слов.
Рядом с тобой обретает свой берег
Мамметгурбан среди бурь и ветров.

Берега прочтения

Галина Капецкая

Галина Анатольевна Капецкая, бывший учитель гимназии. Автор циклов интервью, рецензий на спектакли народных театров, публикаций в жанре документального очерка, лирической миниатюры и эссе в различных периодических изданиях; пяти сборников зарисовок и рассказов; сборника верлибров.

Лауреат Гомельского областного литературного конкурса им. Кирилла Туровского (2009), Международного конкурса «Национальная литературная премия Золотое перо Руси» (2022, 2023, 2024, 2025), «Маленькая страна» (2024), «ДИАС», «Медвяный звон», «Пастернаковское лето» (2025) и др.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ТРЁХ ЖУРНАЛОВ

Наталья Евгеньевна родилась в Беларуси, в городе Наровля (один из райцентров Гомельской области). Родители работали преподавателями Мозырского ремесленного училища по механизации. Работа отца требовала частых переездов – г. Наровля, г. Мозырь, п/о Сосновый Бор, г. Светлогорск. С 20 февраля 1973 года семья Башлаковых наконец обосновалась на постоянное место жительства в г. Гомеле.

Трудовой путь начинала в почтовом отделении связи ученицей телеграфиста. Окончив Всесоюзный заочный электротехнический институт связи, работала инженером-экономистом ИВЦ Гомельского филиала РУП «Белтелеком».

Казалось бы, и образование, и трудовая деятельность весьма далеки от литературы. Но всё уже

начиналось в детстве, когда любовь к чтению привил отец. Девочка не только прочла три с половиной тысячи томов домашней библиотеки, но была активным читателем пяти библиотек города. Любовь к природе, животному миру и литературе сделали своё дело. Ещё в школе одноклассники прозвали её «Дом Советов»: мол, ответит на любой вопрос.

Помимо основной работы, Наталья Евгеньевна участвовала в общественном движении по защите животных. Так сложилось: «Эта тропа сама выбрала меня», утверждает наша героиня.

После долгих просьб купила дочке собаку. Далматин Даймонд оказался совсем не мультяшным милым пёсиком, а серьёзной, с характером собакой, воспитание которой требовало немало сил и времени. Одну одиннадцатилетнюю девочку с таким товарищем не оставишь, поэтому пришлось постоянно участвовать во всех затеях этой парочки: и спектакли ставили, и конкурсы проводили, и в детских домах выступали, даже получили диплом конкурса зрительских симпатий «Сожского хоровода».

Вот тогда и обратилась к Наталье Евгеньевне председатель Общества защиты животных

Наталья Евгеньевна Сляднева

с просьбой помочь сверстать им газету, потому что на профессионала у них денег нет, и она не смогла отказать.

Так и произошла первая проба пера. Пришлось и верстать, и писать, и работать с материалом. В процессе работы увлеклась новым делом, занялась им с полной самоотдачей. А как иначе? В работе общественной организации можно рассчитывать только на себя, семью и друзей. Ещё со школьных лет всегда в любом деле помогали слова отца: начала дело – доведи до конца: не позорь фамилию!

В нулевые сложные годы шло массовое закрытие газет и журналов. Эта проблема дамокловым мечом нависла и над «Миром животных». Вдохнула Наталья Евгеньевна и переформировала газету на себя. Основная профессия экономиста помогла сохранить издание, довести его до достойного уровня. Кроме того, в те годы читательская почта была просто огромной – свыше трёхсот писем после каждого выпуска! И вопросы задавались серьёзные. Поэтому в журнале «Мир животных» начала работать рубрика «Кафедра экологии», которая в скором времени переросла в отдельное издание «Эколог и Я». Идея возникла в кабинете председателя Гомельского областного комитета природных ресурсов О. Г. Акушко: в те годы вопросы экологического просвещения были в приоритете, и инициативы энтузиастов в кабинетах только приветствовали.

Ведь «экология» – это не просто слово или набор где-то существующих проблем. Она рядом с каждым из нас. В квартире, на улице, в продуктах, которые мы употребляем, в воздухе, которым мы дышим. В мировом сообществе обсуждают и никак не решают глобальные вопросы: загрязнение озонового слоя, уменьшение запасов пресной воды, изменения климата и глобальное потепление, загрязнение Мирового океана, обеднение природных недр, разрушение флоры и фауны... «Но, как бы глобально не звучала проблема, её решение зависит от личного вклада каждого из нас, – утверждает наша героиня. – Чистая Планета подарит нам и здоровье, и долгую, интересную жизнь. И будущим поколениям ещё останется».

Редактор Н. Е. Сляднева считает, что прошло время, когда основной задачей СМИ было только информирование населения и привлечение его внимания к экологически неблагоприятным событиям в стране и за рубежом. На первый план выдвигается разъяснительная, направляющая роль в вопросах охраны окружающей среды и, конечно же, экообразования и просвещения, повышения экокультуры населения. Экология стала частью нашей повседневной жизни. Все более актуальна культуuroбразующая, воспитательная функция журналистики, по мере того, как мир начинает осознавать важность и сложность экологических проблем. Время требует высокообразованного, гуманного поколения. Именно экологическое образование и просвещение способны заложить основу построения гражданского общества, стать важнейшим фактором его устойчивого развития, быть доступными каждому жителю нашей страны, что в итоге может изменить стиль жизни людей и их отношение к природе, окружающей среде.

Специализированных изданий, направленных на широкий круг читателя, практически нет. Разве что корпоративный журнал Минприроды, отдельные рубрики в ведущих изданиях и разовые публикации по актуальным вопросам.

Экожурналистика не вписывается в традиционные рамки. Нередко журналисты допускают значительные неточности при освещении экологических тем. Да и сами экологи, организации, представители науки, занимающиеся экологическими проблемами, часто недооценивают средства массовой информации. Очень важно, чтобы актуальные вопросы, экологические проблемы освещались не только в научных сборниках конференций и семинаров, но и в СМИ, как наиболее доступных для населения источниках информации. И причём не от случая к случаю, а в плановом порядке, и не только журналистами, но и специалистами, которые изучают и понимают всю глубину и суть проблемы.

«Не обязательно ехать на край земли, чтобы помочь спасти Планету, – говорит Наталья Евгеньевна. – Начните с себя! Пересмотрите свои привычки, своё отношение к простым вещам! Научитесь хотя бы не выбрасывать мусор из окна, вынимать зарядное устройство из розетки... Да много ещё можно перечислять. Как видите, это элементарная культура поведения в сообществе и окружающей среде».

И приводит в пример одного из авторов журнала, чемпиона мира по боям без правил среди профессионалов Павла Болоянгова. В ковидный год он оказался под карантином в индийском штате Гоа. В День Победы Павел, собрав интернациональную команду из туристов, попавших «в плен» на курорте, вывел их на субботник, во время которого прошла работа по расчистке окрестных пляжей от мусора. На вопрос, зачем это ему нужно, ответил: «Я в Гоа организовал субботник, потому что

Н. Е. Сляднева и Н. Н. Дроздов

считаю своим долгом убираться в своём доме, где бы я ни жил. А мой дом – это Моя Планета, и борьба за её чистоту в любом месте, где бы я ни находился, – это моя священная война с невежеством, глупостью и подлостью».

В школьные годы у Натальи Евгеньевны телепередача с Николаем Дроздовым «В мире животных» была самой любимой. Даже подумать тогда не могла, что кумир её юношеских лет будет держать в руках её журнал «Мир животных»! Впервые редактор с Николаем Николаевичем лично познакомилась в 2007 году в Госдуме России, когда ему вручали почётное звание «Человек года». С 2016 года несколько лет подряд встречалась с ним в Москве в ЦДЛ на церемонии награждения лауреатов премии «Золотое перо Руси». Каждый раз, когда Дроздов говорит перед аудиторией, его выступление заканчивается песней «Широка страна моя родная». И с ним поёт весь зал! Совместное фото Н. Е. Слядневой и Н. Н. Дроздова сделано на церемонии награждения победителей Международного литературного конкурса «Национальная

литературная премия «Золотое перо Руси». Именно в тот момент, когда Николай Николаевич говорит, что «такого журнала нет даже в России»!

Литературно-художественный журнал «Метаморфозы» Н. Е. Сляднева, третье своё детище, издаёт с 2013 года. Тогда с лёгкой руки и с напутственным словом председателя Союза писателей Беларуси Николая Чергинца в Президентской библиотеке состоялась презентация первого номера. Содержание «толстячка» изобилует рубриками, а география этого писательского содружества огромна – Беларусь, Россия, Украина, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Германия, Израиль, Чехия, Польша, Франция, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Молдова: в целом на страницах журнала увидели свет публикации авторов из более чем 30 стран мира.

Стали раритетом и музейными экспонатами спецвыпуски журнала: «100 лет белорусской милиции», «100 лет уголовному розыску», «30 лет вывода советских войск из Афганистана», «30/35 лет аварии на ЧАЭС», «75/80 лет Победы в ВОВ», «90 лет скорби и памяти», «90 лет со дня рождения Ю. А. Гагарина», «100 лет студии “Беларусьфильм”», «Мы из СССР».

Наталья Евгеньевна утверждает: «Выпуском таких тематических номеров журнала весь авторский коллектив делает свой вклад в сохранение памяти о подвиге народа, который единством и сплочённостью, трудолюбием и самоотверженностью, невероятной любовью к Родине обеспечил мир, свободу и независимость. Наша задача – с помощью этих выпусков содействовать и военно-патриотическому воспитанию молодёжи. Авторам, молодым и опытным, тем, кто в раздумьях, тем, кто в начале пути, маститым авторам – всем! – необходим наш журнал для публикаций, общения с единомышленниками, открытия новых писательских талантов и забытых имён».

Поэтому в журнале появляются новые рубрики: «Чтобы помнили», «Интервью», «Юбилей», «Женские судьбы». Специальные рубрики созданы для детей: «Читаем детям», «Сказки».

Редактор своим главным достижением считает дружный союз талантливых авторов со всего мира, которые активно освещают народные традиции и литературное творчество своих регионов, популяризируют печатное слово и истинные духовные ценности. Журналы несут в мир теплоту людских душ, создают такие составляющие духовности и нравственности личности, как милосердие, доброта, способность к состраданию, бережное и ответственное отношение к любой форме жизни на Земле. Очень важно то, что страницы журналов объединяют два славянских языка – русский и белорусский.

Объём журнала доходит до 450 страниц! Вычитать каждый материал, исправить ошибки, оформить, то есть отредактировать, – это невероятно сложное дело и под силу далеко не каждому.

Н. Е. Сляднева и Л. В. Довыденко

Работа по изданию журналов получила высокую профессиональную оценку: Наталья Евгеньевна – обладатель почётного знака «Золотое перо Руси» (сертификат соответствия № 226) в номинации «Издания» как учредитель и главный редактор журналов «Метаморфозы», «Мир животных», «Эколог и Я».

2025 год пополнил внушительную копилку наград: заслуженный деятель культуры России; почётный академик «Интернациональной академии современной культуры» (г. Москва); обладатель диплома и медали «Акула пера» Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» за многолетнюю и многогранную литературную и научно-просветительскую деятельность.

А в преддверии объявленного президентом Республики Беларусь Года Белорусской Женщины на церемонии награждения лидеров проекта Белорусского союза женщин Наталья Евгеньевна стала обладателем титула «Сильная женщина – 2025».

На вопрос о пожеланиях читателям Н. Е. Сляднева ответила так: «В нашем сложном мире любое явление или событие можно повернуть как во благо, так и во вред. Держите свои намерения чистыми и всегда делайте правильный выбор не только в пользу себя, но и тех, кто вокруг вас! Верните в свой дом книгу! Вдумчиво и внимательно читайте, и пусть полученная информация окажется полезной для ваших мыслей и здоровья! А ваше здоровое изображение жизни гармонично вольётся в окружающую среду! Наши же журналы с нетерпением ждут новых друзей и читателей! А это – новые истории, новые авторы и новые возможности рассказать о себе миру!»

Фотографии из личного архива Н. Е. Слядней

Берега прочтения

Сергей Прасолов

Сергей Николаевич Прасолов – родился в 1958 году. Журналист, публицист, педагог, заместитель главного редактора газеты «Республика», заместитель председателя регионального отделения Союза журналистов России в Луганской Народной Республике.

Имеет более 500 журналистских и более 50 научных публикаций, проза и стихи публиковались в различных российских изданиях. Награждён высшим почётным знаком СЖР – медалью «Честь. Достоинство. Профессионализм», удостоен премии «Золотое перо России – 2025» в номинации «Легенда российской журналистики». Также награждён медалями ЛНР «За верность долгу» и «За заслуги» II степени.

«И ЧТО ЛЮБИЛ, НЕ РАЗЛЮБЛЮ ТЕПЕРЬ...»

Когда в 2014 году «вожди Донбасса» в ответ на государственный переворот призывали нас пополнять бюджет Украины самоотверженным трудом, это было предательством народа. Когда в обстреливаемом Луганске продолжал работать поэт, пытаясь открыть в наслоениях преходящего действительные законы человечности, на которых мир стоит, в нём продолжалась русская поэзия.

Волей обстоятельств он оказался вдалеке от Луганска, но не покинул его. Душой, творчеством он продолжает жить в родном городе и раскрывать его обличье и нрав не столько как места жительства, а как места, дарованного судьбой. Образ «города хороших людей», ставший поэтическим символом Луганска, по праву принадлежит Владимиру Спектору. И это неоспоримый факт. 19 июня поэт отмечал своё 75-летие.

Отвечая на ироничный вопрос автора этих строк – зачем нужна поэзия в нашем расчётливом мире, где ей нет места? – Владимир Спектор написал: «Поэзия. Нет дела бесполезней в житейской деловитой круговерти. Но всё, что не отмечено поэзией, мгновенно исчезает после смерти». На мой взгляд, Игорь Губерман точно выразил суть поэзии. Именно она придаёт жизни особый вкус, стиль и, по сути, в какой-то мере дарит бессмертие. Во все времена человеку необходимы эмоции, способность сопереживать и понимать самого себя... Особенно важна поэзия в трудные времена войн и потрясений. Ведь она помогает осмыслить происходящее, напоминает о вечных нравственных ценностях. «И милость к падшим призывал...» Это и о поэзии. Недаром стихи лучших поэтов продолжают волновать спустя десятилетия и века.

Это позиция. Позиция мудрого человека, которому в жизни, как и многим из нас, случилось пережить несколько несовместимых эпох.

Кто-то приспособлялся к ним, пытаясь первым захватить места для удобного сидения, а кто-то пытался понять, что же с нами происходит, как отличить что-то подлинное от фальшивки и не ожидают ли нас «Неслыханные перемены, / Невиданные мятежи», как предсказывал когда-то Александр Блок.

Увидеть в парадоксах времени ход истории и тем более прямо и осмысленно высказать его суть могли позволить себе немногие. Одним из них стал негромкий, нестоличный поэт Владимир Спектор.

Его Муза действительно не испытывала искушения завернуть что-то оригинальное, выделиться посредством изобретательности. Он работал так, чтобы жизнь, перенесённая в слово, в очевидном открывала теряющуюся в бесконечности перспективу, что заставляет сердце радоваться и печалиться одновременно, потому что не имеет ответа.

Не подсказываю никому,
Потому что и сам не знаю.
Не пойму ничего. Не пойму.
Начинается жизнь другая.

Может, время стихов ушло,
Время прозы суровой настало?
Жизнь, как птица с одним крылом,
Бьётся в каменной клетке квартала...

Настоящую поэзию перестали ценить и даже понимать. Зачем, если дешёвая попса так феерично отвлекает от всех проблем «в каменной клетке квартала»?! Какая «птица с одним крылом»? Наслаждайся, пользуйся, утверждайся! А Владимир Спектор, подобно скульптору, продолжал отсекал в природном камне всё лишнее, открывая в естестве то, что заложено в нём, но самостоятельно, без мастера не в состоянии обрести образ, говорящий нам о жизни больше, чем вся наша среда обитания. Совершенствуясь, пытаюсь разгадать в настоящем неочевидные смыслы жизни, предлагая всем нам посмотреть в сторону подлинного и истинного и задуматься, почему мы не можем связать концы с концами в разорванной нити истории.

Поэтому его личные переживания вместили в себя действительную связь времён. Они, конечно же, выразительны сами по себе, но в них есть нечто большее – предупреждение живущим: не возмнить себя судьями, выносящими приговоры ушедшему по своему разумению, уберечь от самосуда, о котором когда-то справедливо писал один из самых пронизательных поэтов минувшего века Арсений Тарковский:

Поверх земли метутся тени
Сошедших в землю поколений;
Им не уйти бы никуда
Из наших рук от самосуда,
Когда б такого же суда
Не ждали мы невесту откуда.

Русский поэт верно определил причину исторической трагедии, разворачивающейся на наших глазах, – своеволие избранных и неподсудных, вообразивших себя властителями истории. Где же выход? Как мы можем ответить на вызов? Только мудростью и мужеством, говорит Владимир Спектор.

Он, как и все рядовые жертвы этого чудовищного эксперимента, не может изменить нрав эпохи, не может противостоять самоуверенным людишкам, спешащим порешать все дела с историей в свою пользу, но может ответить тем, что не отнять у каждого мыслящего человека – пониманием сути происходящего.

И, в самом деле, всё могло быть хуже. –
Мы живы, невзирая на эпоху.
И даже голубь, словно ангел, кружит,
Как будто подтверждая: «Всё – неплохо».

Хотя судьба ведёт свой счёт потерям,
Где голубь предстаёт воздушным змеем...
В то, что могло быть хуже, – твёрдо верю.
А в лучшее мне верится труднее.

Не знаю, есть ли в современной литературе более ёмкая формула нынешнего времени?

...В то, что могло быть хуже, – твёрдо верю.
А в лучшее мне верится труднее.

Разве не передаёт она всё мироощущение нормального человека, оказавшегося на перекрёстке стремительных событий нынешнего мира, где живут в соответствии с интересами «элит», мира, способного по произволу вознести, и раздавить, и зажечь свет в конце тоннеля, где написано «Тупик»?

И всё же, всё же, всё же...

Да, наше время – время короткой памяти, обрезанного сознания, поведенческой толпотни, когда философия шкурничества становится «совестью нации». Временщики полагают, что пришли навечно, не понимая, что именно это время, которое даёт им всё, ничего им не оставляет. Его характер можно скрыть от строгих наук, но не от пронизательного взгляда поэта.

Я помню, помню, помню и ягоды, и корни,
И даты, как солдаты, стоят в одном ряду.
А врущим я не верю, находки и потери
Приходят и уходят. И врущие уйдут.

«И врущие уйдут» не просто звучит как приговор. Это и есть приговор, который выносит нам поэтическая справедливость нашего мира, скрытно продолжающая делать своё дело, несмотря на то что человеческие отношения запредельно рационализированы, загнаны в рамки законности и лишены обыкновенной человечности. Даже если сегодня она кажется нам недостижимой, выдуманной безумцами для самоутешения слабых, поэтическая справедливость всё же существует. И о ней говорит нам поэзия Владимира Спектора.

Мудрость рождается тогда, когда мы, не идеализируя ушедшее, сохраняем всё истинное и гуманное, что оно дало, когда не расшибаем лбы перед мутными идолами настоящего, понимая, что ложь отхлынет и на непрочном песке нашей жизни всё-таки останутся следы истины. В щель между удобными мифами проглядывает то лучшее, что было, и то разумное, что ещё может быть. Хотя может и не быть.

Машина времени не выбирает путь.
Она проедет и по бездорожью.
И ни свернуть куда-нибудь, ни обмануть
Не хочет время, даже если может...
Чужое эхо отзывается на вскрик,
Чужое время вскормлено войною.
И отраженье времени в глазах твоих
По бездорожью мчится вслед за мною.

Вся жизнь стоит у бездны на краю.
Всё в свой черёд – звучали и печали,
И эхом в них – родная сторона.
Орудия внезапно замолчали,
Чтоб «Ода к радости» была слышна.

«Ода к радости» слышна вопреки всему, что пытается её заглушить. Какие верные и пронзительные строки о нашем времени, какая боль о родной стороне, истерзанной, мужественной и бесконечно нуждающейся в обычной, повседневной человечности! Мы все понимаем, что наша жизнь «у бездны на краю», что мы живём лишь надеждой – если не общий разум, то хотя бы трезвый рассудок остановит безумцев, шкурные интересы которых враждебны интересам народов и истории человечества. Но дальше-то что? Где искать ответ?

Владимир Спектор не даёт его: «Потому что и сам не знаю». Но отсылает нас к торжественной песне любви к человечеству – оде «К радости», написанной гениальным Фридрихом Шиллером, к которой другой гений – Людвиг ван Бетховен – написал потрясающую музыку. Может быть, с обращения к истинной поэзии и музыке, хранящей в себе поэтическую справедливость бытия, и начинается путь, который отведёт нас от бездны и вернёт связь времён, утверждающую жизнь как победу над смертельной бездной?

Говорить о поэтическом творчестве кого-либо безотносительно к сущности поэзии невозможно. По той простой причине, что в современном мире одним понятием зачастую объединяют несовместимые явления. Поэзия всегда личностна, но собой она становится тогда, когда лирическое «Я» вырывается из капризов субъективности. В стихотворении Пушкина «Я вас любил...» оно в высшей степени субъектно, потому что достигает всеобщности. Каждый, кто испытал настоящую любовь,

знает разницу между тем, что значит любить другого и любить себя в другом. В таком «Я» развитие человека достигло момента абсолютности, который становится объективным критерием для различения любви и эгоизма.

Есть в области творения стихов и другое «Я». Мелкое, капризное, самолюбивое, замкнутое в себе и воображающее себя центром Вселенной, вокруг которого вращается мир. Числом своим оно превосходит и Пушкиных, и Блоков, и Тарковских, и Спекторов.

И поэтому каждое стихотворение, брошенное в копилку поэтического опыта человечества, имеет отношение либо к истинной ценности, либо к изящной (далеко не всегда) подделке, которую легко смешать с подлинным искусством. Особенно в области духа, где подмену не пощупать руками и ещё сложнее отдать её на экспертизу. «А судьи кто?»

Творчество Владимира Спектора развивает линию настоящего, неподдельного, а потому очень трудного искусства, в котором очарование жизни может быть тревожным, трагичным, очень личным, но всё равно остаётся очарованием жизни. Мы вправе примкнуть к нему благодаря искусству или пройти мимо.

Думается, поэзия, заключённая в строках Владимира Спектора, переживёт наше время. И её на родине примут как явление настоящей литературы, которая в России всегда была чем-то большим, чем авторский взгляд, – философией жизни, без которой Россия не была бы Россией. И не будет ею, если отвернётся от поэзии в пользу очень искусственного интеллекта, пытающегося победить в нас человеческий разум и чувства.

Наталья Дутко

Наталья Петровна Дутко – кандидат психологических наук, доцент кафедры методики преподавания литературы МПГУ, член МГОП России.

АРХАИКА МИФА И АПОКАЛИПСИС ИСТОРИИ В «БЕЗЫМЯННОМ ЗВЕРЕ»

Евгений Чебакин – известный в Европе и мире прозаик, публицист, чье творчество прочно ассоциируется с «русской партией» в литературе 1990–2000-х годов. Автор обладает редкой для идеологического писателя стилистической мощью и эрудицией. «Безымянный зверь» – не случайный текст, а программное сочинение, квинтэссенция взглядов

автора здесь переплавлена в космогонический эпос.

Роман Евгения Чебакина «Безымянный зверь» (первая книга трилогии) – произведение, которое с момента своей публикации на страницах журнала «Север» (а затем и в книжном формате) вызвало яростные, полярно противоположные оценки – от восторженных апологетических рецензий членов Союза писателей России, академиков, профессоров, литературоведов до столь же страстного неприятия со стороны либерально ориентированной критики. Однако вне зависимости от идеологических симпатий или антипатий читателя перед нами – случай исключительный. Чебакин создал текст, который не вписывается в прокрустово ложе традиционных жанровых классификаций. Это не просто «исторический роман», не «фэнтези», не «политический детектив» и не «производственная драма». Это гибридное повествование, где агиографический пафос соседствует с натурализмом, где шумерские мифы о богах-пришельцах служат экспликацией для событий сталинских репрессий, а агрономические дискуссии о безотвальной обработке почвы приобретают метафизическое звучание.

Название статьи построено на двух полюсах, между которыми разрывается текст романа, архаика мифа отсылает к космогоническому слою романа: шумерские боги-пришельцы, генетические эксперименты Энки и Энлиля, вечное возвращение одних и тех же архетипов (Творец / Паразит). Автор не создает новые смыслы, а реанимирует древнейшие структуры коллективного бессознательного (жертва, посвящение, борьба рас, сакральное знание о земле). Это архаика в самом строгом смысле – дологическое, циклическое время, где нет случайностей, а есть только судьба и ритуал.

Апокалипсис истории указывает на второй полюс: исторические катастрофы России XX века (убийство Столыпина, коллективизация, ГУЛАГ, рассказывание, Чеченская война), которые Евгений Чебакин осмысляет как эсхатологические события. История – не прогресс и не эволюция, а цепь предательств и вторжений «паразитов», ведущая мир к краю пропасти. «Апокалипсис» здесь означает не только гибель, но и обнажение сути, когда срываются все маски, становится виден «безымянный зверь», то есть враг национально-традиционному, который не имеет имени, потому что он везде.

В данной статье мы попытаемся отрешиться от оценочных суждений морального или политического свойства и сосредоточиться на содержательном анализе того, как устроен этот текст, каковы его мифологические основания и какую картину мира он моделирует.

Назвать «Безымянного зверя» «романом-мифом» было бы неточно. Скорее, это роман-мифотворчество, где автор творит мифы сам. Евгений Чебакин не пересказывает их, а конструирует собственную космогонию, вплетая в неё реальные исторические фигуры (Столыпин, Сталин, Берия, Рачковский) и события (убийство Столыпина, коллективизация, Чеченская война).

Повествование строится по принципу синхронической воронки: прошлое, настоящее и «вечное» (время богов) сосуществуют на равных. Переход Столыпина в потусторонний мир и его встреча с шу-

мерскими богами-архонтами, путешествие души Прохорова в чистилище, видения Евгения Чукалина (Орлова), в которых он отождествляет себя с Петром Аркадьевичем, – всё это не просто литературные приёмы. Это попытка утвердить идею метампсихоза как исторического механизма. История у Чебакина – это не смена формаций, а вечное возвращение одних и тех же душ (пассионариев-созидателей) и одних и тех же типов (паразитов-хамельонов).

Центральная ось романа – борьба двух антропологических типов: Человека-Творца (**пахаря, воина, инженера, строителя**) и Человека-Паразита. Для Чебакина Творец – это не просто социальный класс, а антропологический тип, «прямой потомок», созданный шумерскими богами-пришельцами (Энки и Нинхурсагом), несущий в себе индоевропейские («иафетические») гены. Главные качества этого типа: способность к самоотверженному труду, созиданию и защите. Его предназначение, как завещано в романе Создателем, «в поте лица своего добывать хлеб свой».

Главные герои-творцы в романе – это Прохоровы (Василий и Никита). Василий Прохоров (староста в начале века) и его сын Никита (председатель колхоза) являются прямыми наследниками библейского раба Прохора из Галилеи, которого благословил Христос. Они являются хранителями сакрального знания о правильной, «безотвальной» обработке земли. Так, Никита Прохоров изобретает в 20-е годы чудо-агрегат АУП, который должен накормить страну (**ныне он выпускается заводом «Сельмаш» в Сызрани**). Но вместо награды получает пытки и казнь от «комиссаро-паразитов». Его гибель – это голгофа русского крестьянина. Пётр Столыпин – архетипический Творец-правитель. Он пытается спасти империю с помощью земельной реформы, создавая класс крепких хозяев. Его убивает «козлосубъект» Богров – прямое орудие мирового заговора. Евгений Чукалин (он же Орлов) – потомок графов Орловых-Чесменских, он наследует родовую «арийскую» суть. Он – читающий мысли вундеркинд, который видит пророческие сны о прошлом и будущем, что делает его символом возрождения творческого духа славянской нации.

Если Творец – потомок богов, то Паразит – потомок двух тотемных существ, созданных для генетических экспериментов: Хам-мельо (ящерица-мимикр, подражающая другим) и Сим-парзит (аскарида, живущая за чужой счёт). Их главные свойства – паразитирование, мимикрия и разрушение своей среды обитания. Мордка Богров (убийца Столыпина) – физически ничтожная, «трухлявая душонка» с «тараканьими усиками». Он – марионетка в руках заговора, его оружие – не сила, а хитрость и предательство.

Комиссар-следователь – этот персонаж произносит программный монолог, раскрывающий «истинную» подоплёку революции. Он объясняет Прохорову, что красная звезда – это не символ революции, а знак пяти сыновей Ротшильда, и что их цель – **«прореживать эту вонючую, вечно беременную Русь... голодом»**.

Тушхан-оглы (Абдурзаков) – современное воплощение паразита. Этот «мастер спорта» и делец, используя клановые связи и подлое зелье, отбивает любимую женщину у русского мужика (Пономарева), символизируя торжество хазарского нахрапа над славянским великодушием.

Роман Евгения Чебакина «Безымянный зверь» и роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» сближает философски и социально прежде всего композиционный принцип: оба автора строят повествование как «роман в романе», где современность (или недавнее историческое прошлое) переплетается с древним, сакральным временем – библейским у Булгакова и космогоническим (шумерским) у Чебакина. У Булгакова это ершалаимские главы, где действуют Иешуа, Пилат и Воланд; у Чебакина – пространные фрагменты о богах-пришельцах с Мардука (Нибиру) – о Энки и Энлиле, о сотворении первых людей и паразитических тварей Хам-мельо и Сим-парзита.

Чебакина и Булгакова масштабно сближает общий структурный прототип (роман в романе, соединение времён), который каждый из них наполняет своим, противоположным содержанием.

У Булгакова Воланд – сложнейшая метафизическая фигура. Он «дух зла и повелитель теней», но при этом сила, которая «вечно хочет зла и вечно совершает благо». Он наказывает взяточников, обывателей, лицемеров, доносчиков (Босого, Латунского, Лиходеева, барона Майгеля). Его зло парадоксальным образом оказывается инструментом восстановления справедливости. Воланд искушает, испытывает, но не уничтожает безусловное добро. Более того, именно он возвращает Мастеру его роман и соединяет его с Маргаритой. В мире Булгакова зло и добро диалектически связаны, граница между ними подвижна, а сам дьявол не враг Бога, а, в известном смысле, Его слуга.

У Чебалина же «паразиты», потомки Хам-мельо и Сим-парзита, лишены какой-либо метафизической сложности. Они абсолютное, биологическое, генетически предопределённое зло, порождённое питаться чужими соками и жизнями. Они не искушают, не испытывают, не восстанавливают справедливость. Они паразитируют, разрушают, отравляют свою среду обитания, разлагают её и мимикрируют. Их нельзя перевоспитать, понять или простить; их можно только «давить». У Булгакова Воланд вызывает ужас, но и уважение; у Чебалина «козло-субъект» вызывает только брезгливость и ненависть, ответно рождая многолетнюю ненависть либерал-паразитарной элиты, изымающую его книги из книжных сетей.

Чебакин использует булгаковскую форму для утверждения прямо противоположных идей. В этом смысле «Безыманный зверь» – это своего рода «Мастер и Маргарита» наоборот: не евангельская история о сомнении и сострадании, а космогонический миф о чистых и нечистых хромосомах; не дьявол, который служит добру, а «паразиты», которые служат только себе; не трагедия свободы, а механика предопределения.

Чебакина сравнивают с Львом Толстым и Михаилом Шолоховым в плане «эпического размаха». **И действительно, он создаёт панораму, охватывающую века и тысячи судеб: от шумерского Междуречья до сталинских лагерей, от галилейских пашен до чеченских аулов времён войны.** Аналогия с монументальностью «Войны и мира» или «Тихого Дона» здесь очевидна. Однако у Толстого и Шолохова эпический размах служит раскрытию «роевого начала» истории, сложного переплетения миллионов свободных волей. У Чебакина же история жёстко детерминирована: все нити сходятся к единому центру заговора, все беды имеют одного виновника, и это превращает эпопею в развёрнутый силлогизм.

Наиболее точным идейным аналогом оказывается, пожалуй, Александр Солженицын, особенно его «Красное Колесо». Оба автора пишут многотомные исторические эпопеи, в центре которых – «русский национальный вопрос» и судьба крестьянства в катастрофе XX века. Оба рисуют революцию не как «праздник угнетённых», а как трагедию уничтожения пассионариев с той и другой стороны. Она – результат разложения элиты, предательства интеллигенции и утраты национального инстинкта самосохранения. Оба используют документалистику, публицистику и художественный вымысел в почти равных пропорциях.

Но здесь же проходит и главный водораздел. Чебакин, в отличие от Солженицына, доводит антисемитскую составляющую до абсолюта. Если Солженицын в книге «Двести лет вместе» пытается – пусть спорно, мучительно, иногда противоречиво – анализировать сложные русско-еврейские отношения, видеть в них трагедию двух народов, то Чебакин разъединяет водоразделом творческую, созидательную часть иудеев, пустивших родовые корни в России, и её паразитарную опухоль. Ныне её олицетворяет Бенъямин Нетаньяху в Израиле, злобно окровавивший, вместе с США, Арабский мир и Иран.

Таким образом, литературная генеалогия «Безыманного зверя» парадоксальна: взяв у Булгакова форму («роман в романе», соединение времён), у Толстого и Шолохова – масштаб, у Солженицына – тему, Чебакин создаёт не синтез, а радикальный эпос. Его произведение – это гипертрофированный, доведённый до предела вариант «воинствующей» русской идеи, где жажда славянской правды подло убивается заговором, а любовь к «пашущему человеку» сливается с ненавистью ко всем, кто, по мнению автора, загоняет пахаря в нищету и отбирает у него хлеб.

Роман выполняет важнейшую ревизионистскую функцию по отношению к официальному советскому нарративу. Главный положительный герой здесь – не большевик, а Пётр Столыпин, убитый агентом еврейско-сионистского заговора. Земельная реформа Столыпина подаётся как упущенный шанс России, как альтернатива красному террору.

Главы, описывающие жизнь богов-пришельцев с Мардука (Нибиру), формально кажутся чужеродными вставками. Однако именно они выполняют функцию метарамки. Всё: и борьба Столыпина, и коллективизация, и война в Чечне – лишь тень, отголоски битвы Энки и Энлиля. Энки (у Чебакина – положительный демиург, создатель людей-работников) и Энлиль (властолюбивый тиран) борются за контроль над Землёй. Ворон-убийца, терзающий героев, – прямое порождение генетических экспериментов.

Таким образом, Чебакин предлагает техногенный креационизм: человека создали пришельцы методом генной инженерии, смешав свой геном с геном земных приматов и паразитов. Это снимает

вопрос о Божественном промысле (хотя в тексте присутствует и «Создатель», возвышающийся над богами-анунаками) и переносит этическую проблему в плоскость «чистоты крови» и правильной селекции.

«Безымянный зверь» – это монументальное, болезненное, раскалённо-талантливое произведение, тотальная мифологема, объясняющая глубины славянского бытия: от урожайности пшеницы до Холокоста, от формы сошника до формы звезды на Кремле. Для своего – вдумчивого и целевого – читателя этот роман, думается, станет потрясающим откровением и настольной книгой.

С точки зрения литературной техники роман заслуживает предельно серьёзного изучения. Чебакин – виртуозный стилист, умеющий удерживать напряжение на протяжении сотен страниц, переключаясь с лирики на памфлет, с ужаса на умиление. «Безымянный зверь» – это зеркало, в котором русский национализм конца XX – начала XXI века видит себя во всей своей красе: в сакральной жертвенности, кровавой обиде и апокалиптической надежде на воскресение «Русского Космоса» из пепла ГУЛАГа и «лихих девяностых».

Игнорировать этот роман в истории современной русской и мировой литературы недопустимо и невозможно. Он – симптом и диагноз эпохи одновременно.

Берега прочтения

Лидия Довыденко

Лидия Владимировна Довыденко – главный редактор литературно-философского журнала «Берега», секретарь Союза писателей России, член-корреспондент РАЕН, член Академии русской словесности (Австралия), член Русского географического общества, кандидат философских наук, автор 38 художественных и публицистических книг, лауреат ряда литературных и журналистских премий: «Слава России», «Патриот России», «Щит и меч Отечества», им. Бориса Корнилова, им. Николая Гумилёва, «Мыслящий тростник» им. Фёдора Тютчева, премии главы города Калининграда «Вдохновение», «Золотое перо Руси», «Золотой Витязь», кавалер ордена «Русская звезда» им. Ф. И. Тютчева.

ОТЛИЧИТЬ ПОДЛИННОЕ ОТ ФАЛЬШИВОГО

О книге Михаила Поленка «Распутье». Калининград, 2026

В сборнике повестей, рассказов и документально-исторических очерков Михаила Поленка выделяются три темы: служба на Балтийском флоте после окончания им Высшего военно-морского училища радиоэлектроники имени Попова, жизнь деревни, где он родился в многодетной семье в Брянской области, на границе с Республикой Беларусь, а также очерки, посвящённые Великой Отечественной войне.

Самоотверженно отдавая себя служению Отечеству, часто выполняя особые задания по роду его службы, Михаил Демьянович в то же время очень скромен в повседневной жизни, и, только когда он выступает на различных мероприятиях, посвящённых Великой Отечественной войне, событиям в истории флота, он моментально обретает внимательную аудиторию, так как его доклады и сообщения обладают той конкретикой, которую можно обрести в архивах, в кропотливой работе по поиску неизвестных обстоятельств конкретного боя или наступательной операции, отличая подлинное от фальшивого.

Автор книги избрал в изображении событий и впечатлений своей жизни повествование от имени героя рассказов и очерков Михаила Колокольцева, но читатели понимают, что он говорит о себе, разгадывая свои настоящие смыслы жизни, противопоставляя их своекорыстию его отрицательных героев.

Повесть, название которой стало названием сборника «Распутье», открывает книгу, и события этого повествования происходят в годы Великой Отечественной войны в деревне Берёзкино Брянской области, примыкающей к белорусскому Полесью.

Энергия жизни бьёт в окружающей весенней природе, оживлённо и радостно шелестит молодая листва, лёгкий ветер перекачивается по жемчужной траве, показывая пример людям, живущим в тревоге, размышлениях о жизни и ежедневных заботах.

Сидор Комлёв – деревенский кузнец – наделён природой силой в руках и открытым, без плутовства, характером. Всё счастливо складывается у мастера своего дела и в личной жизни, но началась война, и у каждого сельчанина свой вклад в победу: у Сидора разведка и сообщение информации о немцах для партизан под видом старосты в Берёзкино.

В период войны о деятельности Комлёва на благо Родины знали лишь два человека из партизанского отряда, один из которых погибает. Комлёв лишь благодаря сыну, вернувшемуся с войны орденосцем, обретает покой души от снятия подозрения в сотрудничестве с немцами. Этот мучительный промежуток времени заканчивается счастливо, но сколько горя приносят люди достойному человеку из-за необоснованных подозрений, сколько мудрости и терпения пришлось найти в душе...

В документальном очерке «Ворвались первыми в логово врага» писатель рассказывает о взятии советскими войсками в октябре 1944 года первого города Восточной Пруссии под названием Ширвиндт с населением в 2000 человек, которого сегодня нет на карте Калининградской области.

Автор проделал тяжелейший труд, работая в архивах, установив личности и собрав фото участников сражения за Ширвиндт:

Черняховский И. Д. – дважды Герой Советского Союза,
 Глухов И. С. – полный кавалер ордена Славы,
 Суреин Н. Г. – полный кавалер ордена Славы,
 Крылов Н. И. – дважды Герой Советского Союза,
 Городовиков Б. Б. – Герой Советского Союза,
 Шафранов Н. Г. – Герой Советского Союза,
 Вольхин А. А. – генерал-майор, награждён пятью орденами Красного Знамени,
 Зайцев В. П. – Герой Советского Союза,
 Водовозов Р. П. – три ордена Красного Знамени, два Отечественной войны, орден Красной Звезды,
 Овсянников Г. Ф. – два ордена Красного Знамени, орден Александра Невского, Отечественной войны, два Красной Звезды,
 Юрков Н. С. – орден Красного Знамени, Отечественной войны, два Красной Звезды,
 Дудкин А. И. – Герой Советского Союза,
 Солдатов В. И. – орден Ленина, три Красного Знамени, Отечественной войны,
 Гладышев С. Т. – два ордена Ленина, четыре Красного Знамени, Суворова, Кутузова, Отечественной войны,
 Хрюкин Т. Т. – дважды Герой Советского Союза,
 Горшков П. В. – орден Александра Невского, Красной Звезды,
 Кольчак Н. Н. – Герой Советского Союза,
 Юргин П. Н. – орден Красного Знамени, Александра Невского, два Отечественной войны, Красной Звезды,
 Савенко М. А. – орден Красного Знамени, Отечественной войны, Красной Звезды,
 Губкин Г. Н. – Герой Советского Союза,
 Ким Ф. Н. – орден Ленина, два Красного Знамени,
 Смирнов В. И. – орден Красного Знамени, два Отечественной войны,
 Бабаян А. Г. – Герой Советского Союза.

К очерку о действиях войск Третьего Белорусского фронта, штурмовавшего Ширвиндт, М. Д. Поленок прилагает список армий и соединений, списки командующих армиями, командиров.

Как было уже отмечено выше, Михаил Демьянович, ушедший в отставку в звании капитана 1-го ранга, в своём творчестве уделяет немало внимания службе на флоте. Отдельный очерк посвящён начальнику разведки ВМФ РФ вице-адмиралу В. М. Фёдорову (1948–2025), с которым Михаил Демьянович неоднократно пересекался на протяжении службы. И главное в очерке – описание захватывающего водноспортивного праздника в честь 300-летия Российского флота на акватории Химкинского водохранилища, напротив Северного речного вокзала в Москве в 1996 году.

Рассказ «Адмиральский выходной» – это испытание на выдержку в экстремальной ситуации, поведение людей, предвкушавших отдых с рыбалкой на косе, на заглохшем катере в безлюдной бухте. Адмиральский поступок чуть не стал ещё большей трагедией, чем поломка катера, так как адмирал рисковал своей жизнью и жизнями ни в чём не повинных подчинённых.

Неоднократно выполняя специальные задания, Михаил Поленок в отпуск отправлялся домой, в родную деревню, к матери, где находил в этой русской женщине удивительные сокровища души, мудрейшую собеседницу. Душой он никогда не покидал своего родного дома, дарованного ему судьбой – и неоспоримо любимого.

Описывая характеры и судьбы жителей деревни, прозаик чётко различает, где те, кто подпирает своими плечами человеческие, нравственные устои деревни, а где те, кто ими пренебрегает.

Светлые поля России, Брянской области божественно взрастили таких сыновей, как Михаил Демьянович, предназначенных защищать Отечество не только от внешних врагов, но зорко видеть внутренних. Энергия Куликова поля незримо протекает в венах через его книги, доказывая, что силам зла никогда не одолеть добра, потому что есть у нас защитники духовные – писатели, важнейшие союзники государства, как и те, кто в море, на посту, в карауле с оружием в руках.

Наши друзья

Журнальный мир: <http://xn--80alhdjhdchxhy5hl.xn--p1ai/>
Русская народная линия: <http://www.rusklina.ru>
Союз писателей России: <http://www.rospisatel.ru/>
Союз писателей Беларуси: www.oo-spb.by/
Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru
Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>
Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru
Московский журнал: [//www.mosjour.ru](http://www.mosjour.ru)
Журнал «Подъём»: <http://www.podiem.vsi.ru>
Культура Вологодской области: <http://cultinfo.ru>
Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»
Журнал «Сибирь», Иркутск
Журнал «Родная Ладога», гл. ред. Андрей Ребров, Санкт-Петербург: <http://rodnayaladoga.ru/index.php/o-nas?id=59>
Журнал «Петровский мост», гл. ред. Игорь Безбородов, Липецк
Журнал «Нижний Новгород», гл. ред. Олег Рябов
Альманах «На нёманской хвали», гл. ред. Людмила Кебич, Гродно
«Эхо поэзии», руководитель проекта Эяна Суодене, Каунас: <http://ruspoetry.eu/>
Журнал «Приокские зори», гл. ред. Алексей Яшин
Журнал «Корни», Рига: <http://www.korni.lv/>
Журнал «Настоящее время», гл. ред. Татьяна Житкова, Рига
Журнал «Территория слова», гл. ред. Людмила Гонтарева, Донбасс
Журнал «Влтава», гл. ред. Ольга Белова-Далина, Прага
Международный альманах «Ступени», редактор Эльвира Поздняя, Вильнюс
Литературный альманах «Океанус сарматикус», гл. ред. Альберт Снегирёв, Каунас
Литературный русский альманах «Литера», гл. ред. Елена Шеремет
Альманах «Врата Сибири», гл. ред. Л. К. Иванов, Тюмень
Литературный журнал «Аргамак», гл. ред. Николай Алешков, Татарстан
Литературный альманах «Крылья» (Луганск): <http://lugansk1.info/>
Литературный журнал «Жемчужина», гл. ред. Тамара Малеевская, Австралия: <http://zhemchuzhina.yolasite.com>
Электронный журнал «ЛИТЕРА», гл. ред. Владимир Фёдоров
Поэтический альманах «Образ», гл. ред. Эдуард Побужанский, Москва: izdat.su
Журнал «Пересвет», Белгород, гл. ред. Сергей Бережной
Журнал «Невечерний свет», гл. ред. Владимир Хохлев: vladimir-khokhlev-2015.bibliowiki.ru/pages/nevechernij-svet.html
Альманах «Под часами», Смоленск

О приобретении журнала

Поддержка и приобретение журнала «Берега»
осуществляется перечислением на карту Сбербанка по номеру телефона 89118630467.